БОРИС
АКУНИН
ИСТОРИЯ
РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА
Лекарство
для империи

Annotation

НАСТОЯЩИЙ МАТЕРИАЛ (ИНФОРМАЦИЯ) ПРОИЗВЕДЕН, РАСПРОСТРАНЕН И (ИЛИ) НАПРАВЛЕН ИНОСТРАННЫМ АГЕНТОМ ЧХАРТИШВИЛИ ГРИГОРИЕМ ШАЛВОВИЧЕМ, ЛИБО КАСАЕТСЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНОСТРАННОГО АГЕНТА ЧХАРТИШВИЛИ ГРИГОРИЯ ШАЛВОВИЧА. Восьмой том проекта «История Российского государства» можно было бы назвать «Зигзаги», потому что политика описываемого периода (1855–1894) делает крутые виражи. До краха империи и гражданской войны еще далеко, но в русском небе уже посверкивают зарницы будущей грозы и льется первая кровь. Эпоха Александра II и Александра III дает ответ на вопрос: почему всё вышло так, как вышло.

- Борис Акунин
  -
  - Предисловие
  - Часть первая
    -
    - Революция сверху
      - Александр Николаевич Романов
      - …И его команда
      - Накануне
      - «Эмансипация»
      - Реформа правосудия
      - Недореформа самоуправления
      - Военная реформа
      - Финансовые эксперименты
      - Реформа образования
      - Конституционные поползновения
    - Интересы империи
      - Внешняя политика
      - Внутренние войны
      - Движение на Восток
      - Большая война
    - Побочный эффект

        - Эволюция революции
        - Как потушить пожар
        - Как загнать болезнь внутрь
        - «Революционер – человек обреченный»
        - Время террора
        - Эволюция полиции
        - «Царская охота»
    - Часть вторая
        - Консерваторы у власти
            - Александр Александрович Романов
            - …И его команда
        - Умиротворение
            -
            - Внутренняя политика
            - Экономика
            - Внешняя политика
            - Цена стабильности
    - Часть третья
        - Население империи
            - Демографическая динамика
            - Новая жизнь «старых» сословий
            - Новые сословия
        - Общественная жизнь
            - Государство и Общество
            - Между тремя соснами
            - По-настоящему великая держава
    - Заключение. Цена победы
- notes
    - 1

Борис Акунин
Лекарство для империи. История Российского государства. Царь-освободитель и царь-миротворец

© B. Akunin, 2021
© ООО «Издательство АСТ», 2021

Предисловие

До середины XIX века ощущение, что Россия больна, было только у вольнодумцев и диссидентов. После проигранной Крымской войны тем же чувством прониклись и государственные люди, которые принялись искать лекарство, способное исцелить империю.

Этот том можно было бы назвать «Зигзаги», потому что российская политика описываемого периода (1855–1894) делает крутые виражи. Сначала Россия пытается обновить все стороны национальной жизни, отвергнув консервативно-охранительный курс николаевского царствования, а затем, четверть века спустя, опять делает разворот на 180 градусов – к «закручиванию гаек» и полицейскому режиму. В предыдущем томе мы уже наблюдали нечто подобное – компромиссно-либеральное правление Александра I через точно такой же промежуток времени сменилось бескомпромиссно-государственническим режимом Николая I.

Читателю придется привыкать к ощущению дежавю. Этот российский исторический маятник еще не раз качнется справа налево и обратно. С начала девятнадцатого столетия Россия всё ходит по одному и тому же кругу: реформы – контрреформы, слишком много свободы – слишком мало свободы, «всё, что не запрещено, разрешено» – «всё, что не разрешено, запрещено». Государство никак не может найти правильный баланс между порядком и свободой. Как тут не вспомнить знаменитую фразу, приписываемую Столыпину: «Это страна, где все меняется за десять лет, и ничего – за двести».

Том разделен на три части.

Первая, «Россия, вперед!», посвящена эпохе Александра II (1855–1881), которую принято считать «прогрессивной» – в том смысле, что общественная жизнь страны сделала грандиозный рывок от архаики к модернизации. Это время великих реформ, затронувших почти все стороны российской жизни. Не все они, впрочем, были удачны, а некоторые повлекли за собой опасные последствия, что и привело к резкой переориентации государственной политики.

Вторая часть, «Россия, назад!», описывает царствование Александра III (1881–1894). Это эпоха в общественно-политическом

смысле «регрессивная», возвращающаяся к идеологии и методам «железного царствования» Николая I. Многие либеральные нововведения отменяются или выхолащиваются, проводятся реакционные контрреформы. Вторая часть занимает в книге гораздо меньший объем, чем первая, не только потому что эпоха была вдвое короче, но и по той простой причине, что на подобном этапе течение истории обычно приостанавливается и притормаживается – происходит гораздо меньше ярких событий.

Третья часть тома касается самого главного – того, как сорокалетние правительственные метания из стороны в сторону сказались на жизни страны: ее социальной структуре, экономике, состоянии умов. Между 1855-м и 1894-м годами Россия изменилась, конечно, не так сильно, как между 1955-м и 1994-м, но все же метаморфоза была колоссальной.

Многие из проблем, дискуссий и противостояний второй половины российского девятнадцатого века не утратили своей актуальности. Некоторые вопросы, над которыми бились лучшие умы той эпохи, доселе остаются без ответа.

Тем важнее разобраться в проблематике этого сложного периода без эмоциональных оценок и предубеждений, без навешивания ярлыков – кто «хороший» и кто «плохой».

Читатель увидит, что среди государственных людей, принимавших исторические решения, «плохих» не было. Все они, каждый по-своему, желали стране блага – просто понимали его по-разному и иногда совершали тяжкие ошибки.

То же можно сказать о новой политической силе, поведшей борьбу за умы и сердца россиян, – о революционерах. Они тоже мечтали «вылечить» Россию, только совсем уж радикальными, хирургическими методами.

Так, в схватке трех идеологий, каждая из которых представляла земной рай по-своему, зарождалась великая национальная трагедия, которая разразится в начале следующего столетия. До краха империи и гражданской войны еще далеко, но в русском небе уже посверкивают зарницы будущей грозы и льется первая кровь.

Эпоха второго и третьего Александров дает ответ на вопрос: почему всё вышло так, как вышло.

Часть первая
Россия, вперед!

Все исторические параллели, как известно, хромают и проводить их следует с осторожностью. Сходства между двумя реформаторскими движениями – начала и середины XIX века – на самом деле не так уж много.

Главное отличие в том, что юный Александр Павлович и его соратники из Негласного комитета руководствовались души прекрасными порывами. В 1800-е годы реформы потому и не задались, что насущной потребности в коренной перестройке всего уклада российской жизни тогда не было и общество – в целом – относилось к новшествам как к царской причуде.

Совсем в иной ситуации оказалась Россия в 1855 году.

Крымская война была тяжелой, разорительной и завершилась национальным унижением. По условиям Парижского мира империя лишилась права иметь военный флот на Черном море и даже потеряла часть своих территорий, чего не случалось со времен постыдного Прутского мира 1711 года. «Сии уступки неважны в сравнении с тягостями продолжительной войны и с выгодами, которые обещает успокоение Державы, от Бога нам врученной», – кисло объявлялось в высочайшем манифесте.

Изменился международный статус России. Она перестала быть «сверхдержавой», претендующей на европейскую гегемонию. Покончено было и с ролью «европейского жандарма». Отныне место империи было во втором ряду «великих держав».

Разумеется, это стало сильным ударом по национальному самолюбию, но печальное положение страны заставляло поступиться гордостью. Военные расходы, составившие в 1853–1856 годах фантастическую сумму в 800 миллионов рублей, совершенно разорили государство. Еще тягостнее было сознание, что Россия буквально во всем отстает от европейских стран. С парадного фасада осыпалась штукатурка николаевской «стабильности», и перед обществом открылась удручающая картина. Даже заядлые консерваторы поняли: так больше жить нельзя, нужно что-то менять. По выражению В.

Ключевского, «Севастополь ударил по застоявшимся умам». О необходимости реформ заговорили повсеместно.

Скромный артиллерийский офицер Лев Толстой пишет в дневнике то, что чувствовали все вокруг: «…Я больше, чем прежде, убедился, что Россия должна или пасть или совершенно преобразоваться».

Фрейлина Тютчева, близкая к царской семье и относившаяся к ней с благоговением, сетует: «В публике один общий крик негодования против правительства, ибо никто не ожидал того, что случилось. Все так привыкли беспрекословно верить в могущество, в силу, в непобедимость России. Говорили себе, что, если существующий строй несколько тягостен и удушлив дома, он, по крайней мере, обеспечивает за нами во внешних отношениях и по отношению к Европе престиж могущества и бесспорного политического и военного превосходства. Достаточно было дуновения событий, чтобы рушилась вся эта иллюзорная постройка».

Верноподданнейший публицист профессор М. Погодин взывает к новому государю: «Зло пустило у нас такой корень, что без хирургической операции подчас ничего не сделаешь. Все места обросли каким-то диким мясом форм, привычек, беззаконных доходов, преданий гнусных, освященных давностью, даже в глазах порядочных людей… Как бы то ни было, медлить нечего, а надо приниматься тотчас за дело… Надо вдруг приниматься за все: за дороги, железные и каменные, за оружейные, пушечные и пароходные заводы, за медицинские факультеты и госпитали, за кадетские корпуса и училища мореплавания, за гимназии и университеты, за промыслы и торговлю, за крестьян, чиновников, дворян, духовенство, за воспитание высшего сословия, да и прочее не лучше, за взятки, роскошь, пенсии, аренды, за деньги, за финансы, за всё, за всё».

Новоназначенный министр внутренних дел С. Ланской представляет Александру Второму доклад о тяжелом положении страны. Государь делает сдержанную приписку: «Читал с большим любопытством и благодарю в особенности за откровенное изложение всех недостатков, которые, с Божиею помощью и при общем усердии, надеюсь, с каждым годом будут исправляться».

«Большое любопытство» здесь – капитальный андерстейтмент, как говорят англичане. Императору предстояло с Божьей помощью и при общем усердии совершить двенадцать подвигов Геракла.

И надо отдать должное российскому правительству. За довольно короткий срок оно произведет настоящую революцию сверху – в масштабах, каких еще не знала российская история. (Петровские преобразования, направленные на укрепление самодержавной вертикали, революционными никак не назовешь.)

Опыт александровских реформ во многом противоречив, но совершенно бесценен. Прежде чем изучить его, давайте познакомимся с людьми, которые осуществили эту работу: с Александром Николаевичем Романовым и его командой.

Революция сверху

Александр Николаевич Романов

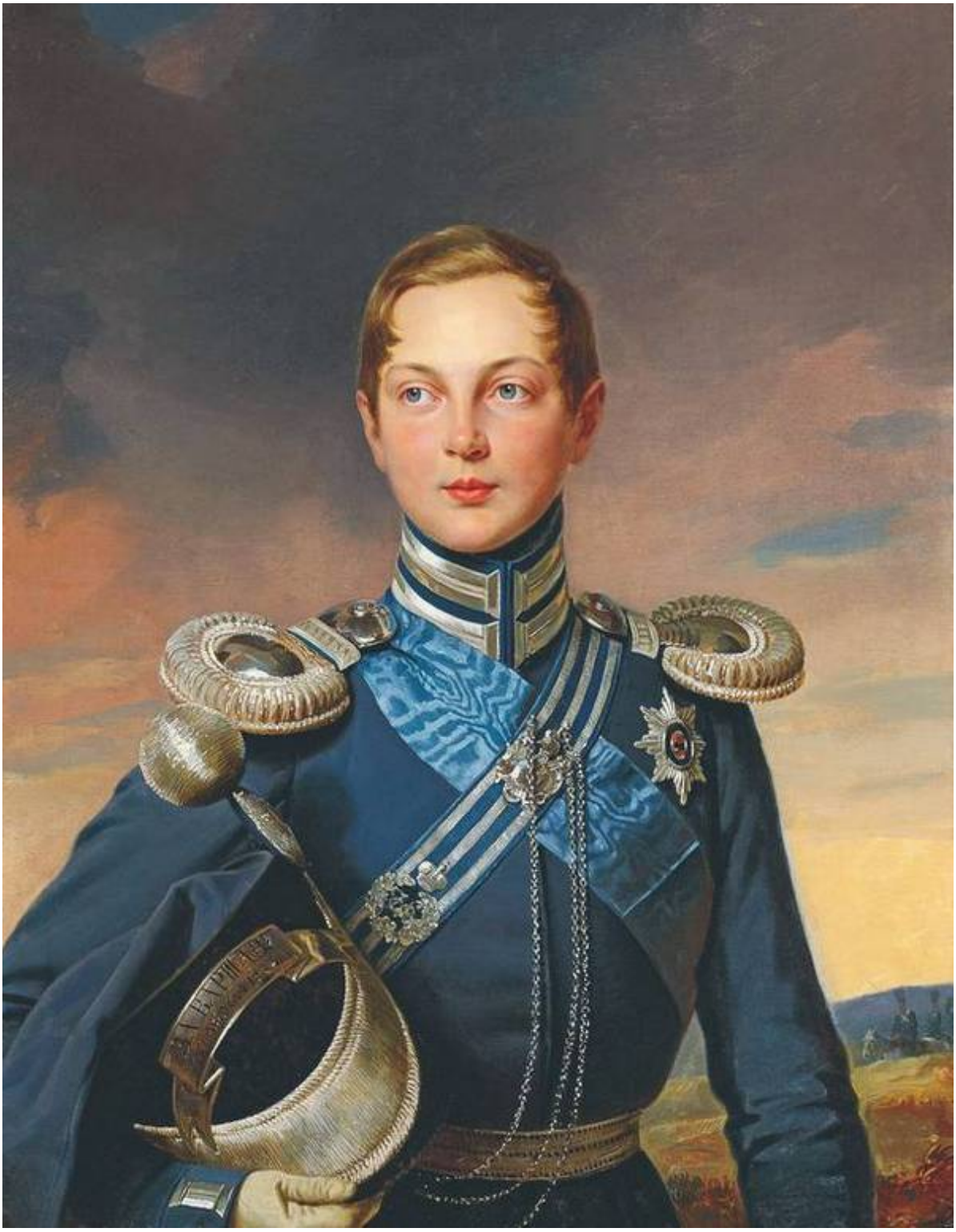
Будущий царь-освободитель, племянник императора Александра I, родился 17 апреля 1818 года. При том, что его отец Николай тогда еще не был наследником и пока даже не помышлял о том, что когда-нибудь взойдет на престол, у новорожденного были все шансы в будущем стать монархом. Ни от государя, ни от цесаревича Константина сыновей ждать не приходилось. Жена первого по понятиям той эпохи уже выходила из детородного возраста, второй же с официальной супругой давно расстался и готовился к морганатическому браку.

Поэтому знаменитейший поэт эпохи Василий Жуковский приветствовал появление августейшего младенца звучными строфами, полными не придворной льстивости, а искренней надежды:

> Лета пройдут… Подвижник молодой,
> Он полетит в путь опыта и славы.
> Да встретит он обильный честью век.
> Да славного участник славный будет,
> Да на чреде высокой не забудет
> Святейшего из званий: *человек*.

Предсказание оказалось пророческим, и немалая заслуга в том принадлежит автору этих прочувствованных строк.

Дело в том, что солдафон и ретроград Николай, взойдя на престол, сделал весьма нетривиальный выбор главного воспитателя для своего старшего сына – пригласил на эту ответственнейшую должность Жуковского, по своим взглядам либерала и гуманиста, что недвусмысленно заявлено в последней строке.



Александр II в юности. *Ф. Крюгер*

Василий Андреевич составил обстоятельный документ «План учения», согласно которому воспитание наследника предполагалось

разделить на три ступени: «нравственный компас», «начало путешествия» и «учение применительное». Первый этап, длящийся до тринадцатилетнего возраста, должен был развить в мальчике добродетели; второй (до восемнадцати лет) – снабдить всесторонними знаниями; третий – научить, как применять эти знания на практике.

В письме к матери маленького Александра наставник излагал идею, которая вряд ли нашла бы поддержку у Николая: «…Страсть к военному ремеслу стеснит его душу; он привыкнет видеть в народе только полк, в Отечестве – казарму». Даже удивительно, что после такого посыла Жуковскому доверили воспитание будущего повелителя военной империи.

Впрочем, Романовы еще с середины восемнадцатого столетия весьма тщательно и разумно готовили наследников престола к предназначенной им высокой миссии, и Александра Николаевича учили очень хорошо.

Историю и словесность ему преподавал сам Жуковский, правоведение – Сперанский. Кроме традиционных французского и немецкого подросток должен был выучить еще и английский, язык главного соперника России, а также польский – как будущий монарх Царства Польского.

Разумеется, через некоторое время император забеспокоился, что воспитание наследника чересчур травоядно, и решительно вмешался в педагогический процесс. «Я заметил, что Александр показывает вообще мало усердия к военным наукам, – сказал отец. – Я буду непреклонен, если замечу в нем нерадивость по этим предметам; он должен быть военный в душе».

Главным воспитателем был назначен генерал П. Ушаков, который успешно выполнил поставленную перед ним задачу привить мальчику любовь к армии. Николай мог быть доволен сыном: тот полюбил «фрунт», мундиры и маневры не меньше, а то и больше, чем мирные науки. В награду («за отличие по службе») царь произвел восемнадцатилетнего юношу в генералы.

Таким образом, в будущем государе неорганично, но весьма удачно для будущего российского самодержца сочетались две очень разные склонности – к «добру» и к «мечу». Обе они Александру пригодятся.

Образование наследника завершилось двумя большими ознакомительными путешествиями.

В 1837 году, сопровождаемый Жуковским, Александр совершил семимесячную поездку по России, добравшись на востоке до Тобольска, а на юге до Крыма. Он посетил почти тридцать губерний (всего их в империи насчитывалось пятьдесят пять).

> Гуманистическое воспитание проявилось в том, что цесаревич не отказывался встречаться с политическими ссыльными.
>
> В Вятке он увиделся с Александром Герценом, арестованным и сосланным за участие в университетском кружке. Вот впечатление этого зоркого и умного наблюдателя от беседы с девятнадцатилетним великим князем: «Вид наследника не выражал той узкой строгости, той холодной, беспощадной жестокости, как вид его отца; черты его скорее показывали добродушие и вялость. Ему было около двадцати лет, но он уже начинал толстеть. Несколько слов, которые он сказал мне, были ласковы, без хриплого, отрывистого тона Константина Павловича, без отцовской привычки испугать слушающего до обморока».
>
> Вообще-то можно было написать и что-нибудь более доброе. Именно по ходатайству цесаревича участь Герцена, а также некоторых декабристов была смягчена. Получив от отца известие об этой «милости к несчастным», юный Александр кинулся в объятья Жуковскому. Тот потом называл эту минуту «одною из счастливейших в жизни» – и неудивительно. В этот момент Василий Андреевич должен был понять, что его старания о «нравственном компасе» были не напрасны.

После поездки по родной стране Александр Николаевич должен был посмотреть и на Европу, которую объехал почти всю, не добравшись только до отдаленной Испании, да с политической многозначительностью исключив из маршрута Францию – такова была воля отца, не благоволившего «июльской монархии» Луи-Филиппа.

Свое военное образование наследник завершил уже в зрелом 32-летнем возрасте, когда наведался в самый проблемный регион империи, на Кавказ. Ему хотелось побывать под пулями. Его высочество пощекотал себе нервы – издали понаблюдал за стычкой с горцами.

Кавказский наместник Воронцов доложил государю, что «обожаемому нашему наследнику удалось присутствовать хотя в небольшом, но настоящем военном деле». После этого грудь великого князя украсилась орденом святого Георгия, чем Александр потом всю жизнь очень гордился.

По достижении совершеннолетия наследник был введен в Государственный совет, а затем состоял членом множества излюбленных Николаем «комитетов» – от финансового до синодального. Это и было предложенное Жуковским «применительное учение», приобщение к государственным заботам.

Со временем император стал доверять Александру все более важные дела – вплоть до того, что во время отлучек оставлял в столице «временно исполняющим обязанности». И все же, пока властный Николай был жив, сын совершенно находился в тени отца, подавленный его волей, мощью характера и силой личности. Царь казался несокрушимым исполином, его внезапная смерть в тяжелейшее для страны время застала всех врасплох – и больше всего наследника. Он не только боялся грозного родителя, но и очень его любил. Потеря отца стала для Александра страшным ударом.

В отличие от Николая, всецело погруженного в государственные дела, Александр Николаевич жил прежде всего интересами частными. Надо сказать, что Николай вообще был последним из плеяды российских самодержцев, стремившихся прежде всего к величию. Для трех последних царей корона была бременем, «тяжелой шапкой Мономаха», а по-настоящему любили они покой и домашность.

Мария Александровна. *Ф. Винтерхаль*

У Александра II, привязчивого и чувствительного, эта сторона жизни складывалась непросто. Он рано охладел к жене, Марии Гессен-Дармштадтской, на которой женился очень молодым. Со своим «нравственным компасом» на интрижки не разменивался. Долгие годы у него была постоянная связь с Екатериной Долгорукой, родившей ему троих детей. Когда императрица умерла, Александр узаконил отношения с любимой женщиной, вступив с ней в морганатический брак. Для русского царя это был акт, потребовавший изрядного мужества. Почти все августейшее семейство, включая цесаревича, восприняло этот поступок как афронт, и последние годы жизни Александра были сильно омрачены враждебностью со стороны родственников. Больше всего их возмутило, что царь даже не выдержал положенный срок траура и вдовел только один месяц. Но в это время (1880 год) на Александра вели охоту террористы, и он хотел обеспечить матери своих детей прочное будущее. Как показали дальнейшие события, царь поступил правильно. Времени у него оставалось немного.

Екатерина Долгорукая. *К. Маковский*

В книге, посвященной политической истории, нет смысла углубляться в подробности интимно-романтической биографии императора, но этот поступок дает ключ к пониманию характера Александра. Многие современники пишут о его мягкости, нерешительности, подверженности чужим влияниям – и это, кажется, справедливо. Но когда речь шла о делах, для императора по-настоящему важных, он не отступался и шел до конца. Мы увидим, как это его качество проявилось в вопросе неизмеримо более важном, чем устройство личного счастья, – в осуществлении великой реформы 1861 года.

Описывая личность самого выдающегося реформатора российской дореволюционной истории, испытываешь некоторое разочарование. Личности как таковой почти не просматривается. Вернее сказать, она совсем не кажется яркой.

Александр был обаятелен и производил на всех чрезвычайно приятное впечатление. Он понравился даже злоязыкому маркизу де Кюстину, видевшему цесаревича в Эмсе: «Выражение его взгляда – доброта… Вид его скромен без робости. Он прежде всего производит впечатление человека превосходно воспитанного. Все движения его полны грации. Он прекраснейший образец государя из всех, когда-либо мною виденных».

Таким этот человек, по-видимому, и был: превосходно воспитанным, мягким, «полным грации» – и только. Правовед Б. Чичерин, близко знавший государя (был одним из учителей цесаревича), пишет: «Добрый по природе, он был мягок в личных отношениях; он, не доверяя себе, не доверял и другим; он скрытничал, лукавил, старался уравновешивать различные направления, держа между ними весы, но делал это так, что каждое парализовалось в своих действиях и не чувствовало под собой твердой почвы». Другая свидетельница, фрейлина Тютчева, признаёт, что государь (которого она очень любила) «страдал недостатком широты и кругозора» и к тому же был «мало просвещен». Никто не поминает глубокий ум, дальновидность, энергию, какие-либо таланты императора. Историки упрекают Александра – справедливо – в том, что он метался из крайности в крайность, уступая давлению то «прогрессистов», то «регрессистов», причем влияние последних в значительной степени

объяснялось страхом царя перед революционерами – тогдашние «силовики» уже очень хорошо умели использовать этот инструмент в борьбе за политическое влияние.

В целом возникает ощущение порядочного, но абсолютно ординарного человека, волей судьбы оказавшегося в абсолютно неординарном положении. Получается, что о личных качествах этого выдающегося исторического деятеля *как-то особенно нечего рассказать*. У него, кажется, даже не было твердых политических воззрений. Вступив на престол, он не имел никакой программы, не был ни либералом, ни консерватором, а лишь попеременно попадал под влияние то либеральных, то консервативных соратников.

Случай Александра II может служить убедительным аргументом в споре о роли личности в истории. Нередко великие государственные преобразователи становятся таковыми не столько из-за своих субъективных достоинств, сколько из-за величия ситуации, в которую помещает их жизнь.

Александр II – это отнюдь не Петр, который затеял грандиозную перестройку по своей собственной воле. На Александра Николаевича величие обрушилось само, не спрашивая. И заслуга царя в том, что он оказался на высоте «вызовов времени» (как сказали бы сегодня), а это было очень, очень непросто. «Не одаренный от природы ни сильным умом, ни крепкой волей, не получив даже воспитания, способного дать ему руководящие нити среди тех шатких условий, в которые он был поставлен, он призван был исполнить одну из труднейших задач, какие могут представиться самодержавному правителю», – так оценивает деятельность императора Б. Чичерин.

Александр II в зрелые годы. *Фотография*

Огромная реформаторская работа, проделанная в шестидесятые и семидесятые годы, была бы невозможна без сильной, деятельной команды. Уступая отцу по части энергии и силы характера, Александр обладал одним важным – пожалуй, даже главным для правителя качеством. Николай желал сиять в одиночестве, поэтому в основном окружал себя исполнителями, угодниками и посредственностями;

Александр же не боялся выдвигать людей более умных и ярких, чем он сам – и не мешал им делать дело.

Давайте посмотрим, что это были за люди.

…И его команда

Н. Эйдельман, исследователь александровских реформ, очень точно заметил, что, если общественные перемены по-настоящему востребованы, «срабатывает удивительный закон: преобразования, едва начавшись, находят своих исполнителей». Еще вчера казалось, что в закостеневшем николаевском аппарате совершенно не осталось инициативных, современно мыслящих людей, но стоило начаться «оттепели», и они появились в изобилии.

Первый импульс к обновлению возник внутри самой царской семьи. У наследника не было собственных политических убеждений, но они имелись у его брата **Константина Николаевича** (1827–1892). Второй сын Николая I был убежденным и последовательным либералом. Даже странно, как это родитель его «упустил». Возможно дело в том, что Константина с раннего возраста определили в морскую службу, и, много времени проводя в плаваниях, он оказался меньше подвержен строгому отцовскому контролю. В девятнадцать лет великий князь уже командовал немаленьким кораблем, а капитанская должность учит принимать самостоятельные решения.

Моряк из царского сына получился неплохой. В 26 лет Константин Николаевич возглавил морское министерство и после смерти отца, когда атмосфера разрядилась, превратил свое ведомство – казалось бы, совсем к такой деятельности не пригодное – в генератор вольнолюбивых идей и кузницу новых кадров. Способных офицеров и чиновников Константин отправлял в заграничные стажировки – не только для усовершенствования флотских знаний, но и для изучения государственного опыта. Многие из этих людей потом плодотворно работали в самых разных областях. Их будут называть «константиновцами». Журнал «Морской вестник», пользуясь тем, что освобожден от цензуры, печатал смелые статьи по любым вопросам, подчас весьма далеким от своей профильной тематики. По ведомству Константина Николаевича охотно служили (или сотрудничали с ним)

талантливые писатели передовых взглядов: И.А. Гончаров, А.Ф. Писемский, Д.В. Григорович. В общем, свежий ветер задул с моря.

Константин Николаевич. *Фотография*

Главная историческая заслуга великого князя состоит в том, что он увлек своими идеями августейшего брата. Вслед за Константином и Александр проникся духом общественного прогресса.

Великий князь принимал самое активное участие в подготовке первых реформ, был их двигателем. В 1857 году он стал членом Секретного (затем – Главного) комитета по крестьянскому делу и в полемике о земельном вопросе отстаивал интересы крепостных. Был он причастен и к другим важнейшим начинаниям: отмене телесных наказаний, переустройству судебной системы, оздоровлению финансовой политики, железнодорожному строительству.

Огромное влияние Константина пошло на убыль во время польского кризиса 1863 года. Назначенный наместником неспокойного Царства Польского, великий князь действовал там своими обычными либеральными методами, но поляки хотели не «реформ сверху», а восстановления независимости. Надо было или предоставлять ее, или действовать «по-имперски», то есть железной рукой. Первого наместник сделать не мог, второго не желал и в результате довел ситуацию до взрыва. Последующие кровавые события привели к тому, что царь засомневался не только в способностях брата, но и вообще в пригодности либеральных методов управления.

С 1865 года Константин Николаевич занимал почетную должность председателя Государственного совета, но голос его значил уже меньше.

Почти столь же заметную роль на первом этапе сыграла тетка Александра **великая княгиня Елена Павловна** (1807–1873), личность во всех отношениях симпатичная. Она всю жизнь занималась благотворительностью, во время Крымской войны создала русский Красный Крест, покровительствовала талантливым художникам, пожертвовала свои бриллианты на учреждение консерватории и так далее, и так далее.

Елена Павловна. *К. Брюллов*

Эта вюртембергская принцесса попала в Россию четырнадцатилетней невестой Михаила Павловича (самого младшего брата Николая I) и, как это бывало с немецкими барышнями, совершенно обрусела. Муж ее был солдафон и грубиян, про которого говорили, что единственная прочитанная им книга – армейский устав, но Елена Павловна, дама высокообразованная и гуманная, завела собственный салон и заняла весьма заметное место в столичной жизни. Ее Михайловский дворец стал центром интеллектуальной жизни. По четвергам там проходили так называемые «морганатические вечера» – в том смысле, что собирались без чинов, и члены императорской фамилии оказывались рядом с представителями мыслящей интеллигенции. Регулярно бывал у тетки и молодой император. Разговоры велись о будущем России – в особенности, когда после смерти Николая это перестало считаться чем-то предосудительным.

В 1856 году великая княгиня, страстная сторонница крестьянской «эмансипации», устроила масштабный эксперимент: дала свободу пятнадцати тысячам собственных крепостных, разработав систему наделения их землей за выкуп. Эта инициатива и этот опыт очень пригодились при разработке тысячекратно более масштабной операции по освобождению всех российских крепостных. Выдающийся русский юрист А. Кони в мемуарах называет Елену Павловну «главной или, во всяком случае, первой пружиной» этого великого свершения.

На старте преобразований было еще двое людей, которые перешли в новую эпоху из старой.

Из крупных сановников николаевской эпохи наверху вскоре остался только **граф Дмитрий Николаевич Блудов** (1785–1864). Этого старого, опытного чиновника называли «хамелеоном» за способность мимикрировать к любым политическим веяниям, но вообще-то таковы и должны быть профессиональные бюрократы: их дело не заниматься государственной политикой, а проводить ее в жизнь, и Дмитрий Николаевич отлично это умел.

Дмитрий Николаевич Блудов. *А. Мюнстер*

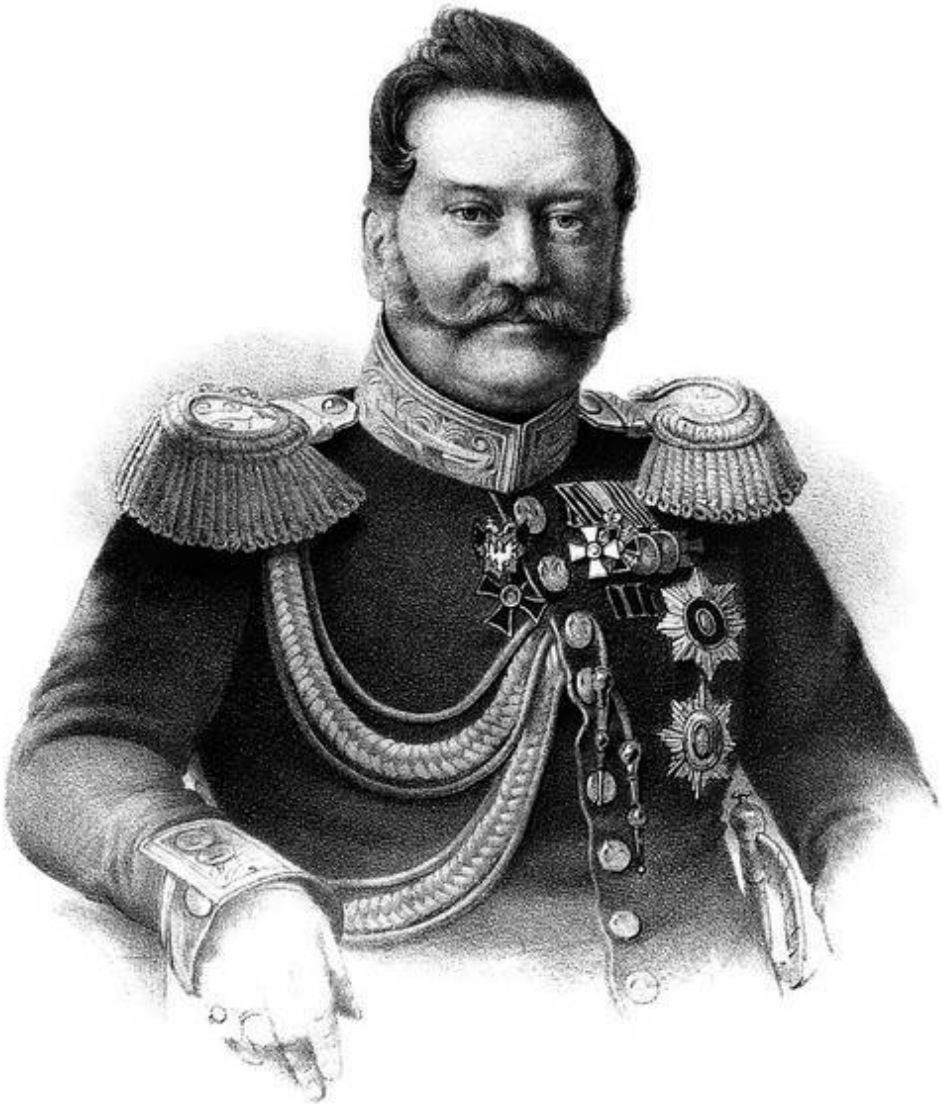
Извивы его жизненного пути действительно удивительны. В либеральные времена Александра I Блудов, член вольнолюбивого кружка «Арзамас», вполне мог бы оказаться среди заговорщиков. Но вместо этого молодой юрист был назначен делопроизводителем суда над декабристами и выполнил эту неблаговидную работу очень старательно, чем заслужил доверие императора. При Николае он был

министром внутренних дел, а затем начальником Второго (правоведческого) отделения императорской канцелярии.

Аппаратный опыт и юридические знания Блудова оказались востребованы при подготовке реформ нового царствования, и семидесятилетний граф Дмитрий Николаевич взялся за эту работу со всей присущей ему добросовестностью. Н. Эйдельман полагает, что тем самым Блудов желал «искупить отступление от нравственности», лежавшее на нем пятном со времен суда над декабристами, но не похоже, что граф рефлексировал по поводу своих былых поступков. Он просто выполнял высочайшую волю, и выполнял ее хорошо.

Блудову принадлежит заслуга юридической проработки крестьянского освобождения и подготовки судебной реформы. В 1861 году этот распорядительный администратор возглавил Государственный совет и Комитет министров.

«Осколком» прежнего режима был и **Яков Иванович Ростовцев** (1804–1860), которого «хамелеоном» никак не назовешь. Это был человек негибкий и нестандартный. Мы видели его в предыдущем томе совсем молодым офицером, подпоручиком лейб-гвардии Егерского полка, который в 1825 году сообщил Николаю о планах заговорщиков за два дня до восстания, но при этом не назвал ни одного имени, потому что это было бы бесчестно. Молодой царь, любивший играть в рыцарственность, отнесся к такой щепетильности с уважением (тем более, что все бунтовщики были очень быстро выявлены и арестованы).



Яков Иванович Ростовцев. *А. Мюнстер*

Ростовцев сделал неплохую, но не слишком большую карьеру, достигнув к концу николаевского царствования генерал-лейтенантского чина. Однако с 1855 года начинается его взлет. Дело в том, что Яков Иванович был близок к Александру – помимо прочих обязанностей цесаревич еще и шефствовал над военно-учебными заведениями, и Ростовцев состоял при нем начальником штаба. Будущий император знал генерала как хорошего организатора. Надежных помощников на

первых порах у нового государя было немного, и Ростовцева приставили к делу совершенно ему не знакомому и неблизкому, но на тот момент самому важному: заседать в комитете по освобождению крестьян. Приказ есть приказ, и Ростовцев стал исполнять его как привык – с полной отдачей. Он проникся высокоответственной задачей – отправился за границу изучать опыт других стран (в некоторых из них крепостное право было отменено относительно недавно). Проект освобождения обрел в лице этого служаки истового сторонника. Яков Иванович писал государю: «Смотря с точки гражданского права, вся зачатая реформа от начала до конца несправедлива, ибо она есть нарушение прав частной собственности; но как необходимость государственная и на основании государственного права эта реформа законна, священна и необходима». Он возглавил Редакционные комиссии по составлению закона «с молитвою, с благоговением, со страхом и с чувством долга».

На этой работе, выдерживая яростные нападки крепостнической партии, Ростовцев надорвался и слег. Перед смертью, прощаясь с царем, он прошептал: «Государь, не бойтесь…»

Так вышло, что человек, предавший декабристов, которые мечтали освободить крестьян, три десятилетия спустя осуществил эту мечту. Поистине история – удивительный сценарист.

Но в основном александровская плеяда состояла из людей новых и относительно молодых.

Петр Александрович Валуев (1815–1890), занимавший не слишком видную должность курляндского губернатора, обратил на себя внимание великого князя Константина Николаевича своей запиской «Дума русского во второй половине 1855 года», где обличал российскую действительность и призывал к обновлению. «Сверху блеск, снизу гниль; в творениях нашего официального многословия нет места для истины; самый закон заклеймен неискренностью», – говорилось в этом прочувствованном документе.

При дефиците администраторов «передового образа мыслей» Валуев был призван из провинции в центральный аппарат и назначен директором департамента в министерстве государственных имуществ. С этого началась большая карьера, приведшая Петра Александровича

на пост министра внутренних дел, а впоследствии сделавшая его председателем Комитета министров.

Этот человек, безусловно одаренный, был к тому же наделен феноменальной чиновничьей маневренностью. В зависимости от ситуации он лавировал то вправо, то влево, очень долгое время, больше двадцати лет, оставаясь наверху.

Карикатура на П. Валуева в сатирическом журнале «Искра», 1862 г.

Он умел понравиться и либералам, и консерваторам. Состоя под началом ультраконсервативного министра государственных имуществ М.Н. Муравьева, Валуев всячески отстаивал интересы помещиков, но впоследствии, возглавив министерство внутренних дел, многое сделал для проведения земской и цензурной реформ. На пике либерального движения Валуев даже представил государю записку, в которой предлагал учредить нечто вроде половинчатого парламента – с совещательными полномочиями, но с выборными представителями. По тем временам это была смелая инициатива. Историк С. Пушкарев называет этого сановника «поклонником либеральной фразы и весьма нелиберальной административной практики». Последнее качество немедленно проявилось, когда после покушения Каракозова начались правительственные строгости. Петр Александрович опять оказался в первых рядах ограничителей свобод.

Одним словом, для власти это был человек чрезвычайно удобный и полезный.

Выдвиженцем Елены Павловны был **Николай Алексеевич Милютин** (1818–1872), личность совсем иного рода. Экономист и статистик, высокопоставленный чиновник министерства внутренних дел, в 1856 году он подал государю через великую княгиню докладную записку «Предварительные мысли об устройстве отношений между помещиками и крестьянами». Эти «мысли» царем были отклонены как слишком радикальные, но Милютин вошел в Редакционные комиссии по крестьянскому вопросу и очень много сделал для освобождения.

После подавления польского восстания, когда царское правительство пыталось кнутом и пряником навести порядок в мятежной провинции, Милютин, статс-секретарь по делам Польши, отвечал за «пряник». Военные усмиряли, он умирял: облегчал положение польских крестьян, чтобы оторвать их от враждебно настроенной шляхты.

Николай Алексеевич Милютин. *Ф. Меркин*

Это был настоящий работоголик, который в конце концов не выдержал нагрузки и сорока восьми лет, после инсульта, отошел от дел, а через несколько лет умер. Противники из консервативного лагеря называли Николая Алексеевича «красным», хотя на самом деле он был всего лишь обычным прогрессистом. Зато в либеральных кругах его высоко чтили. Некрасов назвал Милютина «честным кузнецом-гражданином», Тургенев на похоронах сказал: «В течение полутора

десятка лет он был главой и душой тесного кружка верных слуг дела освобождения».

Если Н.А. Милютин был пусть важным, но далеко не единственным разработчиком гражданских реформ, то в области реформ армейских, имевших огромное значение для военной державы, безусловное первенство принадлежало его старшему брату **Дмитрию Алексеевичу Милютину** (1816–1912).

Это был не только боевой офицер, начальник штаба Кавказской армии во время пленения Шамиля, но и теоретик военного дела, профессор академии. По протекции Елены Павловны молодой генерал попал в ближний круг нового царя. Поражение в войне и удручающее состояние вооруженных сил требовали принятия чрезвычайных, радикальных мер. Милютин занимался этой колоссальной работой в течение двух десятилетий. При нем российская армия преобразовалась и модернизировалась, перешла от рекрутской системы к всеобщей воинской повинности, полностью перевооружилась. Вероятно, то же самое сделал бы на этом посту и другой руководитель – Россия всего лишь шла по пути других стран, но личным вкладом Дмитрия Алексеевича было, если так можно выразиться, очеловечивание абсолютно бесчеловечной николаевской системы, относившейся к солдатам как к живым механизмам и расходному материалу. С первых же дней Милютин вел борьбу с телесными наказаниями и в конце концов полностью их запретил. Много средств тратилось на образование солдат, в массе своей поступавших на службу неграмотными. Военное министерство учреждало ротные школы и учебные команды, издавало для нижних чинов книги и журналы.

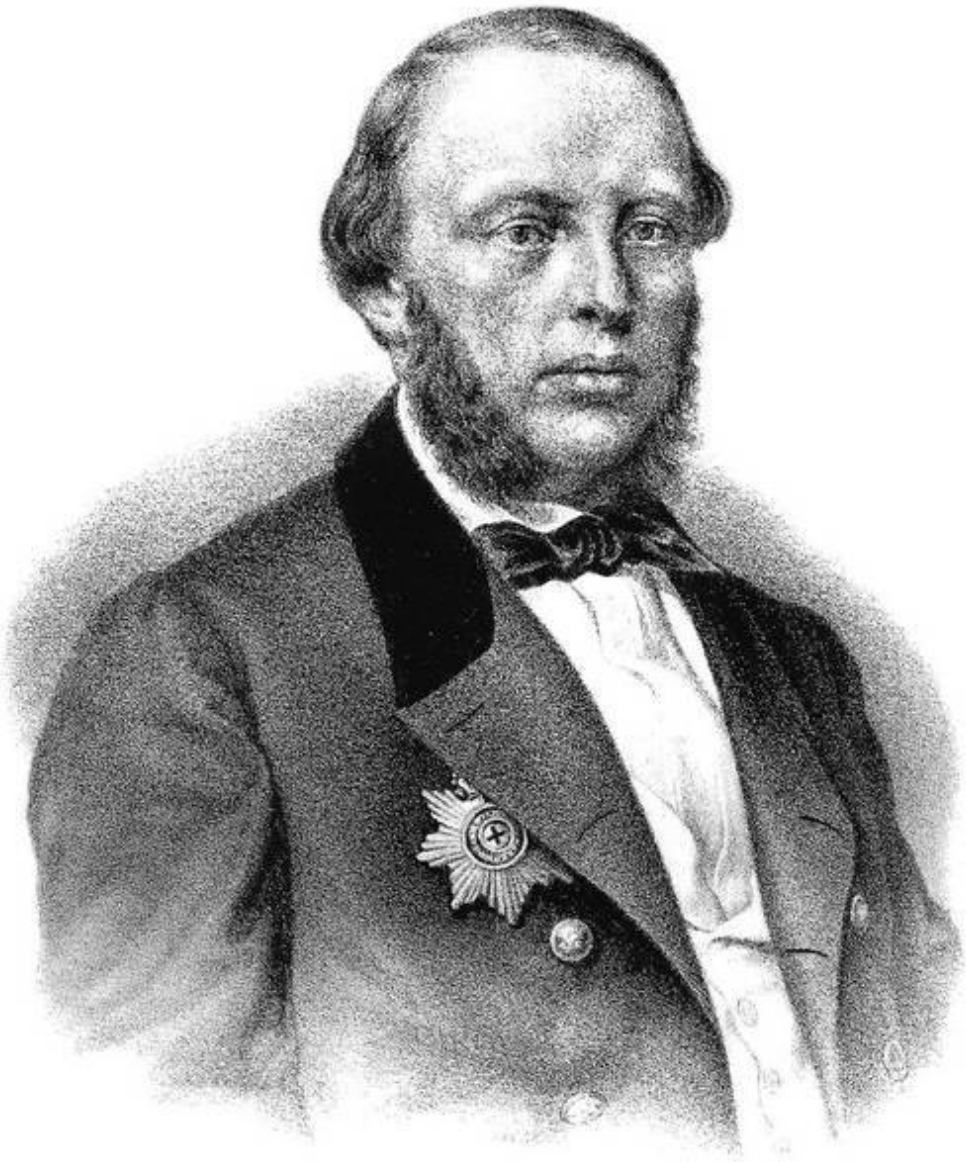
Дмитрий Алексеевич Милютин. *А. Мюнстер*

В семидесятые годы в России звучало много скептических голосов в адрес «милютинской» армии, якобы уступавшей по своим боевым качествам былым «чудо-богатырям», но турецкая война продемонстрировала, что грамотный, незамордованный солдат воюет лучше.

Дмитрию Милютину выпало прожить очень долгую жизнь. Он родился через год после окончания наполеоновских войн, а умер незадолго до Первой мировой и еще успел написать статью о применении автомобилей в войне двадцатого столетия.

Такой же эпохальной фигурой в области не менее важной, чем армия, был **Михаил Христофорович Рейтерн** (1820–1890), многолетний министр финансов.

Это тоже «константиновец», выходец из Морского министерства, где он занимался вопросами пенсионного обеспечения. В 1862 году, то есть уже на втором этапе реформ, Рейтерн возглавил финансовое ведомство, где ему пришлось расчищать настоящие авгиевы конюшни. Огромный государственный долг, вечный дефицит, дезорганизованность доходов и расходов – вот проблемы, которые требовали решения. И за десять лет министр все их решил. Если к концу царствования Александра II российская финансовая система вновь оказалась в тяжелом состоянии, виноваты в том были не ошибки Рейтерна, а большая политика.



Михаил Христофорович Рейтерн. *А. Мюнстер*

Михаил Христофорович считался кудесником бюджетной стратегии, да в общем и был им. Это единственный из министров-реформаторов, не утративший своего значения и при Александре III – наоборот, в восьмидесятые годы он даже возглавил Комитет министров.

В описаниях современников Рейтерн выглядит идеальным технократом, человеком-машиной, жившим только интересами дела.

Обычный день министра выглядел так. В восемь он вставал, в любую непогоду час гулял вдоль Невы, потом принимал посетителей, потом до пяти разбирал дела в кабинете, потом обязательно тратил один час на обретение новых знаний, с шести до восьми отдыхал и затем до полуночи опять работал.

Никакой личной жизни у Рейтерна не было, детей он не имел. Пожалованный ему царем графский титул потом достался племяннику.

Самая яркая звезда последнего периода царствования – **граф Михаил Тариэлович Лорис-Меликов** (1824–1888), из армянских дворян.

Он занимал различные военные и административные должности и всюду проявлял себя наилучшим образом.

Начальствуя на Кавказе над Терской областью, где была жива память о временах Шамиля, сумел наладить там мирную, упорядоченную жизнь.

Во время войны с турками командовал корпусом и взял сильную крепость Карс.

В 1879 году успешно справился с эпидемией чумы на Нижней Волге, причем особенно поразил государя экономией отпущенных средств: из выделенных ему четырех миллионов потратил менее десятой части.

Поставленный управлять Харьковской губернией, где накануне от руки террориста пал губернатор князь Д. Кропоткин (двоюродный брат революционера), навел там порядок, не прибегая к репрессиям. Даже народовольцы, развернувшие широкий террор против представителей власти, сочли Лорис-Меликова человеком приличным и не включили его в список генерал-губернаторов, подлежащих умерщвлению.

Михаил Тариэлович Лорис-Меликов. *П. Брож*

За Михаилом Тариэловичем закрепилась репутация администратора, умеющего сочетать силу с гибкостью, и государю пришло в голову, что такой человек может осуществить нечто подобное и во всероссийском масштабе.

В феврале 1880 года после ужасного взрыва в Зимнем дворце Лорис-Меликов был наделен очень широкими, почти диктаторскими полномочиями. Графиня Александра Толстая, хорошо знавшая

государя, в своих мемуарах так объясняет это неожиданное для многих выдвижение: «Смею думать, что столь стремительно снискал он милость у своего повелителя благодаря чисто психологической причине, независимой от его индивидуальных качеств. Поглощенный личными заботами, не имеющими никакого отношения к делам страны, государь неизбежно должен был ощущать себя счастливым, переложив на кого-нибудь основную тяжесть своего бремени».

Бремени Лорис-Меликов не боялся и сразу взялся за работу, ловко сочетая жесткость в охоте на террористов с мягкостью в отношениях с так называемым передовым обществом, чтобы отделить его от экстремистов. «Лисий хвост – волчья пасть», – так отозвался о новом руководителе государственной политики близкий к народникам публицист Н. Михайловский.

Эту свою двухприродность Лорис-Меликов наглядно продемонстрировал в истории с покушением, случившимся сразу после назначения «диктатора».

Революционеры передумали миловать опасного слугу режима, и 20 февраля 1880 года около собственного дома в графа стрелял некий молодой человек. Лорис-Меликов проявил военную решительность: сцепился с террористом и отделался тремя дырками в шинели, а потом спокойно заметил, что пули его не берут.

В ночь перед казнью революционера к Лорис-Меликову явился крайне возбужденный писатель Всеволод Гаршин – чтобы упросить великого человека о милосердии к стрелявшему. «В вашей власти не убить его, не убить человеческую жизнь (о, как мало ценится она человечеством всех партий!) – и в то же время казнить идею, наделавшую уже столько горя, пролившую столько крови и слез виноватых и невиноватых», – говорилось в страстном прошении. Поскольку Гаршин был человек известный, Лорис его принял. Правда, сначала бдительная охрана на всякий случай раздела ночного визитера донага и даже проверила, нет ли у него яда под ногтями. Министр побеседовал с идеалистом, успокоил его, пообещал подумать – а назавтра преступника, разумеется, повесили.

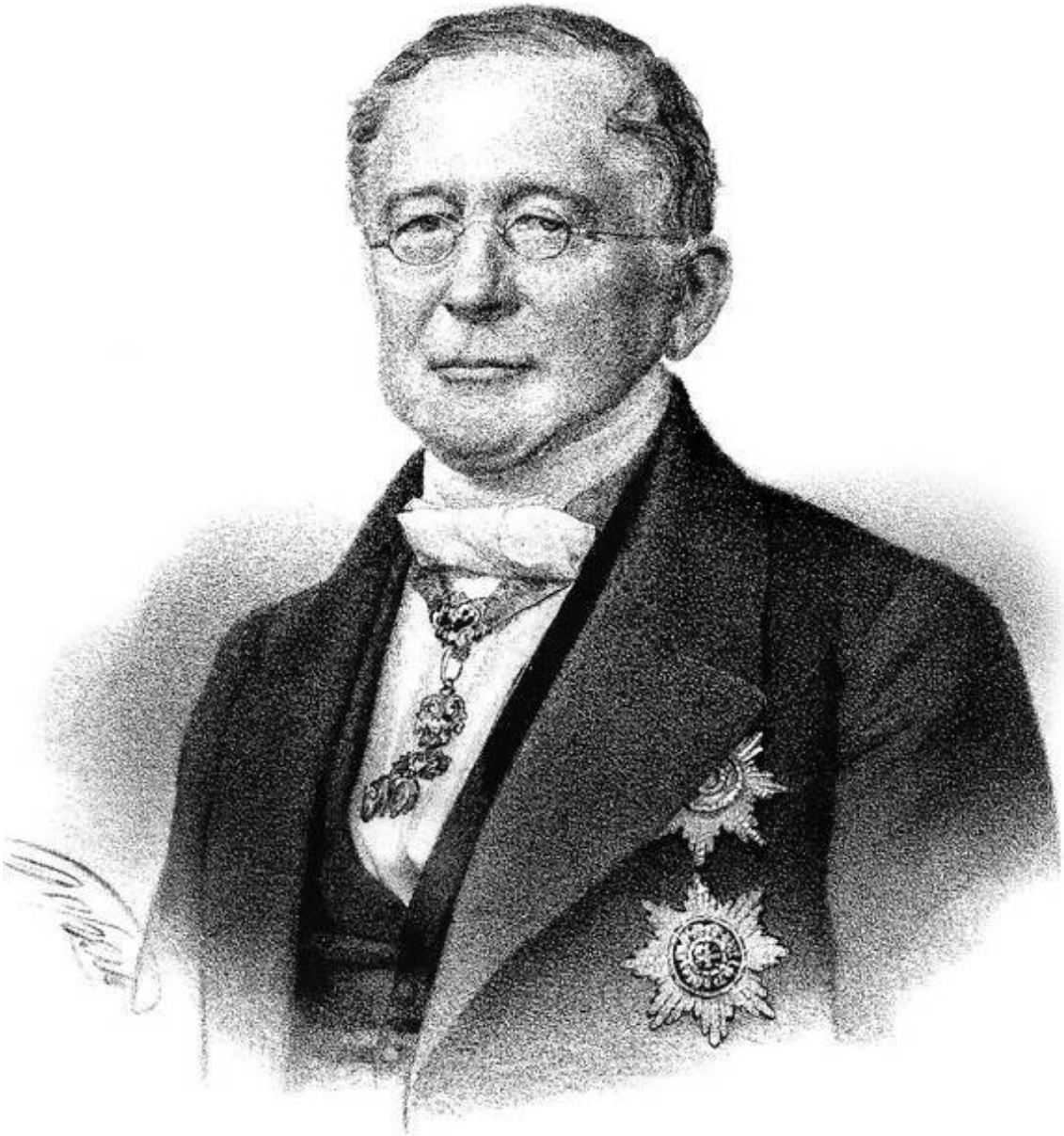
За короткий срок Лорис-Меликову удалось в значительной степени переломить настроение либерального общества, и оно начало склоняться в сторону диалога с властью, вдруг заговорившей иным языком. Пошли толки о конституции. У графа действительно были идеи в этом направлении, но взрыв первого марта стал концом относительно «мягкой» эпохи и стартом другой, предельно суровой.

Описание александровской «команды» будет неполным, если обойти вниманием нескольких деятелей, не причастных к реформам либо даже враждебных им.

Скажем, во внешней политике России никаких революционных перемен не произошло, это был всё тот же имперский курс, только приспособившийся к новым условиям, когда страна уже не могла претендовать на мировое первенство. Почти все время (с 1856 года) этим направлением руководил **князь Александр Михайлович Горчаков** (1798–1883), царскосельский однокашник Пушкина, который писал про него:

> Ты, Горчаков, счастливец с первых дней,
> Хвала тебе – Фортуны блеск холодный
> Не изменил души твоей свободной.
> Все тот же ты для чести и друзей.

Но поэт ошибался. Фортуна долго не благоволила князю. При Николае, во времена всесильного канцлера Нессельроде, Горчакову особенного хода не давали. Он достиг высших степеней лишь при новом царствовании, уже очень немолодым человеком.



Александр Михайлович Горчаков. *А. Мюнстер*

Горчакову досталось тяжелое наследие унизительного Парижского договора, преодоление последствий которого князь Александр Михайлович считал своей главной задачей.

Это был человек осторожный, расчетливый и очень упрямый. Его сильный характер, личные симпатии и антипатии, собственное видение международного положения империи оказывали огромное, даже

определяющее воздействие на внешнеполитический курс страны, а к добру это было или к худу, мы увидим в соответствующем разделе.

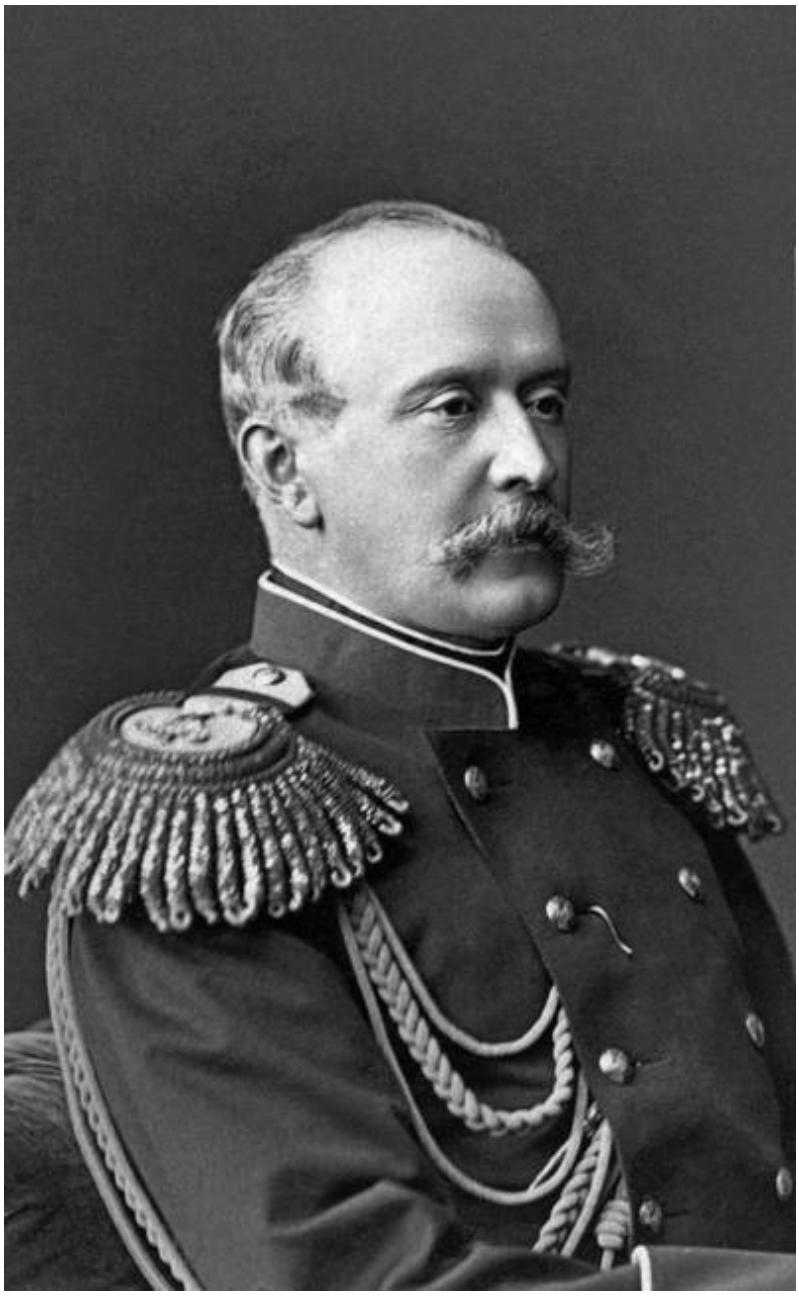
В «реакционном лобби», приобретшем большое влияние на государя во второй половине царствования, самое видное место занимал граф **Петр Андреевич Шувалов** (1827–1889).

Первоначально всего лишь столичный обер-полицмейстер, он оказался на вершине власти после выстрела Каракозова (1866), когда возглавил обе тогдашние «спецслужбы»: и Третье отделение, и Корпус жандармов. Играя на страхе Александра перед террористами, да еще всячески раздувая опасность, Шувалов добился огромной власти. Он продвигал близких ему людей на министерские посты, в результате чего правящий режим сильно поправел, а кроме того сменилось больше половины губернаторов. Недоброжелатели окрестили этого временщика «вице-императором». Поэт Тютчев в эпиграмме 1866 года писал:

Над Россией распростертой
Встал внезапною грозой
Петр по прозвищу Четвертый,
Аракчеев же второй.

Партию Шувалова называли «аристократической», и она занимала последовательно охранительные позиции.

Петр Андреевич не был политическим конъюнктурщиком. Еще во время обсуждения крестьянской реформы он был решительным противником «эмансипации», а затем оппонировал и другим либеральным реформам, видя в них угрозу для государства. Надо сказать, что революционные эксцессы, пришедшие на смену первоначальной общественной эйфории, полностью подтверждали шуваловскую тревогу, и у концепции «твердой власти» было немало сторонников.



Петр Андреевич Шувалов. *Фотография*

Человек он был умный, способный генерировать идеи и претворять их в жизнь, но, по счастью для либеральной партии, недостаточно гибкий. В конце концов военному министру Дмитрию Милютину, главе «прогрессистской партии», удалось оттеснить Шувалова с лидирующих позиций. Объяснялось это тем, что к тому времени стратегические интересы империи – реванш за крымское поражение и балканский вопрос – вышли на первый план. Решить эти

вопросы можно было только военным путем, и значимость военного ведомства, а стало быть, и его руководителя чрезвычайно возросла.

В 1874 году «вице-императора» отправили послом в Англию, на чем большая карьера Шувалова закончилась.

Другой видной фигурой консервативной «фракции» был **граф Дмитрий Андреевич Толстой** (1823–1889).

Изначально он был «константиновцем», заведовал канцелярией Морского министерства. В отличие от Шувалова был сторонником освобождения крестьян, но в дальнейшем очень далеко отошел от «прогрессивных» позиций.

Граф Дмитрий Андреевич был убежденным приверженцем исконно русских устоев, которые, с его точки зрения, состояли в укреплении православия, твердом порядке и сохранении сословности как основы государства. Разрушение социальных перегородок он считал опасным, ибо оно порождает хаос в умах, а это ведет к хаосу и в обществе.

После общего поправения внутренней политики в 1866 году Толстого, который к тому времени являлся обер-прокурором Священного Синода, назначили еще и министром народного просвещения, то есть в его ведении оказались две части знаменитой уваровской триады: «православие» и «народность».

Дмитрий Андреевич Толстой. *Фотография*

Дмитрий Андреевич провел реформу среднего образования, которую многие сочли элитаристской. Она превратила университетское образование в сословную привилегию, поскольку поступать в университеты теперь могли лишь выпускники классических гимназий, куда выходцам из бедных слоев попасть было практически невозможно. Граф считал, что людям, которым по рождению предназначена скромная доля, излишняя ученость только во вред. С той же целью он

мешал студентам поступать в иностранные университеты, где можно было набраться опасных идей. Тут, правда, имелся и позитивный аспект: министр сделал очень многое, чтобы хорошее образование можно было получить и на родине. Никогда еще в России не открывалось столько новых высших учебных заведений, лабораторий, образовательных курсов.

Поскольку репутации в России обычно создаются либеральными кругами, а они графа, разумеется, ненавидели, большинство исторических работ рисует этого деятеля черными красками. Например, согласно характеристике уже цитировавшегося либерала Б. Чичерина, граф Д. Толстой был человек, «ненавидящий всякое независимое движение, всякое явление свободы, при этом лишенный всех нравственных побуждений, лживый, алчный, злой, мстительный, коварный, готовый на все для достижения личных целей, а вместе с тем доводящий раболепство и угодничество до тех крайних пределов, которые обыкновенно нравятся царям, но во всех порядочных людях вызывают омерзение». «Явления свободы» Толстой безусловно не любил, но обвинение в алчности и угодничестве, кажется, несправедливо. Более спокойный либерал А.Ф. Кони, не разделяя взглядов Толстого, пишет о нем: «…Вообще это был человек незаурядный, человек с волей и образованием, человек, в известном смысле, честный; во всяком случае – это была крупная личность».

В самом конце царствования Александра II, когда в силу вошел более маневренный Лорис-Меликов, звезда Дмитрия Толстого вроде бы закатилась и он получил отставку с обеих министерских должностей. Но при Александре III, полном единомышленнике графа, Толстой опять будет востребован и обретет еще большее влияние, потому что возглавит министерство внутренних дел и политическую полицию. Мы увидим его в новой правительственной «команде», о которой будет рассказано в следующей части.

Тогда же мы поговорим и еще об одной крупной исторической фигуре, **Константине Петровиче Победоносцеве** (1827–1907). Он стал значительной персоной еще при Александре Николаевиче, так как воспитывал царских сыновей и в 1880 году сменил Толстого на посту синодского обер-прокурора, но по-настоящему развернулся только при

Александре Александровиче, эпоху которого иногда называют «победоносцевской».

Таковы основные действующие лица царствования Александра Освободителя. Как мы видим, людей тусклых и заурядных среди них не было.

Накануне

Этим наречием, вслед за одноименным тургеневским романом, принято называть преддверие великой освободительной реформы, законодательно оформленной актом 19 февраля 1861 года. Ветер перемен задул на несколько лет раньше. А. Герцен, зорко следивший за российскими событиями и настроениями, первым уловил признаки оттепели – возможно, памятуя о давней встрече с юным цесаревичем, который поспособствовал облегчению участи ссыльного вольнодумца. Николая едва похоронили, а в лондонской «Полярной звезде» уже появилось открытое письмо знаменитого эмигранта, обращенное к новому царю. Там говорилось: «Государь, дайте свободу русскому слову. Уму нашему тесно, мысль наша отравляет нашу грудь от недостатка простора, она стонет в цензурных колодках. Дайте нам вольную речь… нам есть что сказать миру и своим. Дайте землю крестьянам. Она и так им принадлежит; смойте с России позорное пятно крепостного состояния, залечите синие рубцы на спине наших братий – эти страшные следы презрения к человеку». Герцен писал, что готов отказаться от борьбы, «ждать, стереться», если только царь всерьез возьмется за реформы. Крамольного публициста тайно, но широко читали на родине, так что обращение несомненно дошло до адресата. И, как мы увидим, царь советом воспользовался, но произошло это не сразу.

Главной заботой Александра Николаевича в это время была война, главной задачей – не допустить шатания и паники, которые могла вызвать внезапная смерть железного императора. Поэтому первые заявления наследника звенели металлом. Он провозгласил перед иностранными представителями, что вслед за отцом будет отстаивать принципы Священного Союза и продолжать войну. Следовать отцовским путем он сулился и во внутренней политике.

В самом деле, в разгар тяжелой войны реформ никто не проводит. В Крыму еще полгода грохотали пушки и лилась кровь. Наконец Севастополь пал, начались переговоры, завершившиеся тягостным для России миром. «Сегодня утром появилась официальная статья в «Journal de St. Petersbourg», подтверждающая наш позор, – записывает в своем дневнике Тютчева. – Я не могу повторить всего, что я слышала в течение дня. Мужчины плакали от стыда…»

Но нет худа без добра – теперь перемены стали насущной необходимостью, которую осознали и русское общество, и сам государь. В цитировавшемся выше манифесте от 19 марта 1856 года о заключении мира помимо неуклюжего оправдания его унизительных условий содержалось и окрылившее всех обещание новых времен для России: «Да утверждается и совершенствуется ея внутреннее благоустройство; правда и милость да царствует в судах ея; да развивается повсюду и с новой силой стремление к просвещению и всякой полезной деятельности…»

Но общественного настроения и даже желания самодержца было недостаточно, чтобы приступить к преобразованиям. Во-первых, у царя было лишь общее представление о том, что дела в империи идут скверно, но как и что нужно делать, он не знал. Во-вторых, государственный аппарат, который только и мог осуществить перестройку, совершенно ее не желал, ибо им руководили старые николаевские функционеры.

Поэтому процесс развивался небыстро.

Этапы российской «революции сверху» были в точности такими же, как при другой Перестройке, случившейся в конце XX века: сначала «перестановки в Политбюро», затем артподготовка Гласности и лишь потом сами реформы.

Кадровая замена происходила постепенно и растянулась на несколько лет, причем проводилась мягко, с раздачей наград и часто с назначением на какие-нибудь пышные, но не слишком значимые должности. Тем не менее к концу пятидесятых годов состав правительства полностью переменился. Ушли председатель Комитета министров граф Чернышев, министр внутренних дел Бибиков, министр путей сообщения граф Клейнмихель, непотопляемый канцлер Нессельроде, князя В. Долгорукова перевели из военных министров на пост шефа жандармов. Даже лучший из николаевских бюрократов

министр государственных имуществ граф Киселев, все равно ассоциировавшийся с прежним режимом, был отправлен послом в Париж.

Это не означало, что правительство теперь состояло из реформаторов – им пока взяться было неоткуда. Большинство новых министров мало чем отличались от прежних и заняли свои посты ненадолго. Но дорога была расчищена.

Другим симптомом перемены государственного климата была широкая амнистия 1856 года, коснувшаяся жертв николаевских репрессий: декабристов, участников Польского восстания, петрашевцев. Этим жестом милосердия в России традиционно начиналась всякая либеральная эпоха.

Дальше – больше.

Было разрешено свободно ездить за границу и учиться в иностранных университетах. Вышло дозволение печатать ранее запрещенные книги – в последний период николаевского правления цензура доходила уже до совершенного маразма.

В 1856 году, выступая перед московским дворянством, взволнованным слухами о скорой отмене крепостничества, государь сказал: «Я убежден, что рано или поздно мы должны к этому прийти. Я думаю, что вы одного мнения со мною, следовательно, гораздо лучше, чтобы это произошло свыше, нежели снизу». Эти слова произвели впечатление разорвавшейся бомбы: преисполнили ужаса одних и восторга других.

Но плана реформ по-прежнему не было. Особенно пугала государя самая грандиозная и самая трудная из них: крестьянский вопрос. В свое время к этому крепкому орешку подступались и Екатерина, и Александр I, и даже Николай, но разгрызть его не решились – боялись лишить престол поддержки дворянства.

В конце концов верховная власть сделала то, что предлагал Герцен: «дало вольную речь» обществу. И тому действительно нашлось, что сказать.

Впервые в российской истории решение большой государственной проблемы стало предметом общественного обсуждения. Лучшие умы России развернули дискуссию о том, как провести реформу, не разорив ни крестьянства, ни дворянства.

Поначалу в стране, непривычной к гласности, возникла мода на составление докладных записок и проектов, которые адресовались снизу вверх. Мы видели, как этим способом выдвинулись П. Валуев и Н. Милютин. Было и множество других прожектеров, разного качества и уровня.

Текст подобных деклараций часто переписывался, ходил по рукам, обсуждался. В прежние времена подобная активность закончилась бы плохо, а теперь это было в порядке вещей.

Одной из первых ласточек стала «Записка об освобождении крестьян», составленная К. Кавелиным, который был наставником самого цесаревича – нечто раньше совершенно невообразимое. Либеральный профессор доказывал, что крестьян нужно не только освободить, но и закрепить за ними землю, которую они обрабатывают, а для помещиков, чтоб не обанкротились, надобно предусмотреть денежную компенсацию, причем разработать ее схему обязано правительство. Записка вызвала настоящую бурю среди консервативного дворянства, ибо исходила от человека, близкого к царской семье. Умеренные предложения Кавелина (которые вскоре будут реализованы) в 1858 году показались скандальными. Царю пришлось уволить наставника, а вслед за тем Кавелина убрали и из университета.

Но к этому времени общественная дискуссия вышла уже на иной уровень, поскольку в нее включилась пресса. Как раз в 1858 году цензура разрешила журналам публиковать статьи по крестьянскому вопросу – по мысли властей, гласность должна была подготовить общественное мнение к реформе.

Политическое влияние периодических изданий, находящихся в частных руках, давно уже привычное для Европы, в России было явлением новым. При отсутствии каких-либо форм народного представительства, да после десятилетий жесткой цензуры звезды новоявленной гласности и органы, где они печатались, быстро обрели огромное значение.

По поводу главного вопроса – отмены крепостничества – в среде пишущих и думающих людей поначалу царило согласие. Даже весьма умеренный «Русский вестник» М. Каткова, впоследствии рупор реакции, был за «эмансипацию». Давний оплот прогрессистов журнал «Современник» в условиях цензурного облегчения переживал период

расцвета. Редактор Н.А. Некрасов не только печатал известных писателей – Тургенева, Толстого, Гончарова, – но и привлек к сотрудничеству радикальных критиков российской действительности вроде Н. Чернышевского и Н. Добролюбова.

Очень скоро публицистам этой волны стало тесно в рамках одного лишь «крестьянского вопроса». Стали появляться статьи о необходимости переустройства всего общества и государства. Некоторые из них могли быть восприняты как призыв к революции.

Так российское правительство сделало для себя неприятное открытие: гласность – штука опасная, дай ей палец – откусит руку. Особенно государственных мужей встревожил восторг, с которым опасные идеи впитывало юношество, прежде всего студенты и гимназисты.

«Звезды» журнала «Современник». *Фотография*

(Слева направо: наверху Лев Толстой и Дмитрий Григорович; внизу – Иван Гончаров, Иван Тургенев, Александр Дружинин, Александр Островский)

Смелые речи зазвучали и на всякого рода публичных мероприятиях, банкетах, благотворительных обедах. Десятью годами ранее, в 1848 году, точно так же началась революция в Париже – память об этом была свежа.

Государь и его советники пришли к выводу, что общественной активности по поводу реформ, пожалуй, уже достаточно, и совершили – по неопытности – серьезную ошибку: запретили публикацию статей на

какие-либо общественно-политические темы, кроме «крестьянского вопроса». Когда джинн выпущен из бутылки, подобные меры уже не работают, они только переводят прогрессивную часть общества в оппозицию к власти. Эта аксиома тогда проявилась в России впервые и дала свои всходы несколько лет спустя.

Пока же царь решил, что пора переходить от слов к делу, и пошел привычным, то есть сугубо административным путем: создал секретный комитет по подготовке реформы. В это учреждение вошли в том числе и замшелые николаевские ветераны вроде князя А. Орлова или графа В. Адлерберга, не желавшие ничего менять. Негласный комитет принялся «изучать историю вопроса», вынув из архива проекты, составленные еще Сперанским и графом Киселевым. Работа не двигалась.

Тогда возникла другая сугубо аппаратная идея: придать освобождению вид инициативы, исходящей от самих помещиков. Виленский генерал-губернатор В. Назимов организовал петицию от местных помещиков об отмене крепостной зависимости. Проблема, однако, заключалась в том, что дворяне не хотели отпускать крестьян с землей, а в Петербурге отлично понимали невозможность подобного решения.

Верховная власть сделала следующий ход: государь ответил милостивым согласием на просьбу виленских землевладельцев, но предписал им подготовить проект с учетом интересов крестьянства. Разосланный по провинциям рескрипт привел к созданию дворянских комитетов по всем губерниям. С большей или меньшей охотой помещики взялись за разработку реформы, которая должна была уничтожить их как класс.

Не слишком рассчитывая на таких помощников, царь учредил два правительственных органа, которые должны были исполнить настоящую работу.

Появился уже не секретный, а всем видный Главный комитет по крестьянскому делу и Редакционные комиссии по обработке дворянских проектов – их возглавил исполнительный Я. Ростовцев. Координировал всю работу товарищ министра внутренних дел Н. Милютин.

Так в 1859 году, лишь на пятом году нового царствования, после смены членов правительства и подготовки общественного мнения,

наконец началась системная разработка реформы, которая навсегда изменит Россию.

«Эмансипация»

Этот юридический термин, общепринятый во времена крестьянской реформы, а впоследствии вышедший из употребления, означает «уравнение в правах». Он гораздо точнее выражает суть великого события, чем «отмена крепостничества». То, что у помещиков отобрали право владеть живой собственностью, было несравненно менее значимо, чем то, что миллионы и миллионы россиян обрели право быть гражданами.

В самом явлении крестьянской несвободы ничего уникально российского не было. В Средние века крестьянство многих европейских стран находилось в той или иной форме личной зависимости от помещиков. Особенность отечественной ситуации состояла в том, что Россия двигалась в обратном по отношению к Европе направлении: по мере того, как там крепостная зависимость ослабевала или упразднялась, в евразийской империи она только развивалась. Этому анахроническому процессу способствовали две важные перемены, произошедшие с российским государством в восемнадцатом веке.

Сначала преобразования Петра Великого, европейские только по видимости, а на самом деле всемерно укрепившие изначальную «ордынскую» вертикальность государственной модели[1], превратили рыхлую страну в военно-бюрократическую империю, где «крепостными» являлись решительно все: крестьяне – у дворян, а дворяне – у царя. Степень свободы всех подданных, любого сословия, была сведена почти к нулю. Дворянин, хочет он того или нет, обязан был всю жизнь служить, крестьянин – тоже, на отведенном ему судьбой месте. Линия на всё большее порабощение крепостных усиливалась и в дальнейшем. В 1731 году им запретили коммерческую деятельность (брать откупы и подряды); в 1736 году навечно прикрепили к заводам и рудникам рабочих, превратив в крепостных и эту категорию населения; в 1760 году помещики получили право ссылать своих крестьян в Сибирь.

В шестидесятые годы XVIII века Екатерина II произвела существенное переустройство государственной пирамиды. Нуждаясь в заинтересованных, мотивированных помощниках, самодержавие перевело дворянский класс из безгласных исполнителей монаршей воли в соправителей или, выражаясь современным языком, «акционеров-миноритариев». Благородное сословие получило свободу от обязательной службы и возможность участия в местном управлении – дворянские собрания. Упрочилась и экономическая основа дворянского благополучия – крепостное право. Теперь помещик мог отправлять провинившегося крестьянина даже на каторжные работы, а крепостным запретили жаловаться начальству на своих господ. «Личнозависимые» крестьяне превращаются в самых настоящих рабов, живой товар, которым торговали, как скотиной, – и происходило это в самый расцвет европейского Века Просвещения.

В конце восемнадцатого – начале девятнадцатого веков на Западе крепостничество (впрочем нигде не имевшее столь радикальных форм, как в России) постепенно исчезает: либо в результате революции, как во Франции в 1789 году, либо по воле монарха, как в Австрии в 1780-е годы и в Пруссии в наполеоновскую эпоху.

Росли антикрепостнические настроения и в российской элите (крестьянские-то настроения были недвусмысленно заявлены еще пугачевщиной). Движение за эмансипацию обретало все больше сторонников, в том числе и на самом верху, причем аргументация была двух уровней. Во-первых, нравственная, которая осуждала рабство с этической и гуманитарной точки зрения. Во-вторых, прагматическая. Закрепощение превратилось в тормоз, мешавший развитию экономики. В деревне был излишек рабочих рук, и помещикам приходилось кормить лишние рты, а в городах, на фабриках и заводах не хватало мастеровых – рынок рабочей силы практически отсутствовал. Помещичьи хозяйства сплошь и рядом были нерентабельны и малопроизводительны, более половины имений к середине девятнадцатого века оказались в закладе. Из-за низкой мобильности населения и его почти нулевой платежеспособности еле теплились товарно-денежные отношения. Одним словом, Россия катастрофически отставала от Европы по части промышленного и капиталистического развития – что и было продемонстрировано Крымской войной.

Торг. Сцена из крепостного быта. Картина из недавнего прошлого. *В. Неврев.* Картина написана вскоре после Освобождения, когда подобные сюжеты в живописи стали возможны

Без этого потрясения самодержавие, вероятно, еще не скоро решилось бы на реформу, в целесообразности которой давно уже не сомневалось, но осуществить которую боялось, чтоб не лишиться главной своей опоры – дворянства. Однако горечь поражения создала и в этой среде настроение невозможности жить по-прежнему. Только тогда, медленно и опасливо, дело задвигалось.

Мы видели, как важно было для правительства включить в этот процесс самих помещиков. Вообще главная и, по правде сказать, очень странная особенность российской эмансипации заключалась в том, что люди, которых она должна была облагодетельствовать, то есть крестьяне, в принятии решений не участвовали, *и никто даже не спрашивал их мнения*. Подобный прецедент был бы слишком опасен.

Великая революция осуществлялась только сверху и должна была выглядеть как проявление высочайшей милости, одобренной помещиками.

С одобрением помещиков, разумеется, возникли сложности. За исключением «передового общества», весьма узкого и сосредоточенного в столицах, дворянство приняло правительственную инициативу в штыки. Повсеместно начался ропот, пошли панические слухи. Консерваторы из царского окружения стали пугать Александра кто крестьянским восстанием, кто офицерским переворотом. Последнее выглядело даже страшнее, потому что дед царя (Павел I) и прадед (Петр III) пали от руки заговорщиков, а отца (Николая I) чуть не свергли декабристы.

Надо отдать должное твердости Александра Николаевича – он не испугался и не отступил.

На самом деле страхи перед мятежом крепостников были безосновательны. Долгое полицейское правление Николая совершенно отбило у офицерства заговорщические навыки, к тому же все потенциальные российские мятежники принадлежали к противоположному идеологическому лагерю – не к охранительному, а к прогрессистскому.

Итак, в 1857 году литовское дворянство предложило освободить крестьян без земли. Царский ответ был разослан всем губернаторам с комментарием министра внутренних дел, что любые предложения помещиков касательно «улучшения быта» крестьян (такой использовался эвфемизм) будут всячески приветствоваться. Губернаторы поняли рекомендацию правильно: как приказ. Повсюду были созданы дворянские комитеты, и помещики – кто-то охотно, кто-то неохотно – начали составлять записки об «улучшении быта». Всем стало ясно, что вопрос о личной зависимости крестьян наверху уже решен, но оставалась другая важная проблема: что будет с землевладением, ведь главным богатством аграрной страны являлась земля.

Рассматривали дворянские проекты Редакционные комиссии Ростовцева, в основном состоявшие из чиновников. За полтора года комиссии изучили шестьдесят предложений от губерний и свели их в

обширную программу, включавшую в себя все аспекты реформы и ее модификации с учетом различных местных особенностей.

Бумажная работа дополнялась опросом губернских представителей. Их вызывали в Петербург поочередно. Объяснялась эта громоздкая, растянувшаяся по времени процедура страхом перед возникновением чего-то вроде французских Генеральных Штатов 1789 года, когда большое собрание депутатов привело к созданию парламента и краху монархии.

В ходе оформления программы самая горячая дискуссия развернулась вокруг земельного вопроса: во-первых, отпускать ли крестьян с наделами и если да, то какого они будут размера; во-вторых, получат ли помещики выкуп за свои потери, и какой. Второй проблемой занималась специальная Финансовая комиссия, тоже подчиненная Ростовцеву, в чьих руках, таким образом, был сконцентрирован контроль над всем рабочим процессом.

Выявились две «партии», что объяснялось разностью ситуации, в которой находились помещики Черноземья и Нечерноземья. Для первых личное освобождение крестьян большой проблемой не являлось. Основную ценность представляла сама земля, и помещики делиться ею не желали. В начале 1860 года представители этой группы даже собрали в Петербурге нечто вроде съезда – событие беспрецедентное.

Помещики северной полосы жили главным образом за счет крестьянского труда. Для них самой болезненной потерей были не скудные земли, а бесплатные работники. Поэтому представители Нечерноземья требовали включить в стоимость земельных участков компенсацию за лишение рабочей силы.

Были и дворяне, которые заботились не о своем кармане, а об общественном благе. Они доказывали, что одна отмена крепостничества еще не сделает крестьян гражданами – необходимы более широкие реформы, включающие создание местного самоуправления, независимого суда, неподцензурной прессы. С подобными идеалистами правительство поступало суровей, чем с «экономическими» оппозиционерами – вплоть до административной ссылки.

Так обошлись, например, с молодым предводителем тверского дворянства Алексеем Унковским, биография

которого может служить наглядным пособием по эволюции российской общественной жизни.

В 16 лет Унковский был исключен из лицея за вольнодумство. Став совершеннолетним, отпустил на волю своих дворовых. Избранный губернским предводителем, стал, опережая ход событий, добиваться не только освобождения крестьян с землей, но еще и земского самоуправления, притом развил такую активность, что энтузиаста сначала поместили под полицейский надзор, потом сняли с должности, а в конце концов сослали.

В пореформенные годы бывший дворянский деятель станет знаменитым адвокатом и в 1881 году будет защитником на процессе цареубийц.

Оказавшийся под огнем со всех сторон, изнервничавшийся и измучившийся Ростовцев, который, надо отдать ему должное, изо всех сил отстаивал крестьянские интересы, слег и в начале 1860 года умер.

На его место поставили министра юстиции графа В. Панина, считавшегося отъявленным реакционером. Либералы приуныли – и напрасно. Реакционеры хороши тем, что не подвергают сомнению волю верховной власти. Когда император велел Панину продолжать дело Ростовцева, граф Виктор Никитич повиновался. Он занимал нейтральную позицию и только координировал работу комиссий.

Компромисс между интересами двух помещичьих фракций и интересами крестьянства (предположительными, ибо, повторю, крестьян никто не спрашивал) в конце концов был найден главным образом усилиями Н. Милютина.

На финальном этапе, впрочем, понадобилось личное вмешательство государя.

По окончании работы Редакционных комиссий проект поступил в Главный комитет по крестьянскому делу, где в это время председательствовал Константин Николаевич, так что процедура оформления надолго не затянулась, но законопроект еще нуждался в одобрении Государственного совета, в значительной степени состоявшего из сановников-консерваторов и вполне способного так или иначе просаботировать реформу.

В этот ключевой момент на заседании Совета выступил самодержец, твердо и ясно давший понять, что эта мера является его

«прямой и непреклонной волей». Император сказал: «Я вправе требовать от вас одного: чтобы вы, отложив все личные интересы, действовали не как помещики, а как государственные сановники, облеченные моим доверием». После такой речи всякое противодействие стало невозможно.

Если коротко изложить суть подготовленной реформы, она состояла из следующих основных тезисов.

1. Крепостные становились лично свободными и получали все гражданские права. Отныне они могли заниматься торговлей или промышленной деятельностью, свободно распоряжаться своим имуществом, получать образование, без разрешения вступать в брак, поступать на службу и так далее.

2. При этом земля оставалась собственностью помещиков – в том числе и наделы, которые «свободные сельские обыватели» (новое официальное название крестьянского сословия) обрабатывали для собственного пропитания. За право и впредь пользоваться своим участком крестьянин по-прежнему должен был платить барщиной или оброком. Подобное положение дел объявлялось временным, а бывшие крепостные – «временнообязанными».

Размер наделов и объем «временных обязанностей» был различным в черноземной, нечерноземной и степной зонах: на плодородной земле поменьше, на скудной побольше, в среднем же 3,3 десятины (3,5 гектара) на мужскую «душу».

3. Крестьянская доля выделялась не отдельным хозяевам, а всей общине, которая уже сама распределяла землю между своими членами. Пастбища, сенокосы и прочие угодья общего пользования находились в коллективном владении. Соглашение с помещиком о земле и повинностях тоже заключала община. Управлять ею должен был староста, избираемый на сходе – то есть вводились основы крестьянского самоуправления.

Для ведения сложных переговоров между крестьянами и землевладельцами учреждался институт мировых посредников – из числа лиц, уважаемых обеими сторонами. Выдвигались посредники дворянским предводителем, но после этого ему уже не подчинялись и в течение трех лет могли быть отстранены лишь по решению суда. (Как ни удивительно, эта странная система очень неплохо себя показала,

потому что в мирские посредники охотно пошла интеллигенция, считавшая своим долгом защищать крестьянские интересы.)

4. Еще более трудный вопрос – о выкупе – решался сложным способом. Переход крестьянских наделов из временной собственности в постоянную переносился на будущее, когда помещикам будет выплачена денежная компенсация за землю.

Роль государства в этой вроде бы частной сделке между продавцом и покупателем была тройной. Во-первых, оно устанавливало размер выкупа. Во-вторых, гарантировало, что операция осуществится. В-третьих, помогало общинам сделать первый взнос – вносило 80% суммы. Это был не дар, а ссуда, которую следовало выплачивать в течение 49 лет.

На выкупной операции нужно остановиться подробнее, ибо она представляла собой весьма хитроумный ход со стороны правительства.

Государственная щедрость казалась таковой только на первый взгляд – да в казне после Крымской войны и не нашлось бы столь астрономической суммы (около миллиарда рублей). На самом деле финансовые стратеги умудрились еще и заработать на этом «авансировании»: и на крестьянах, которые потом выплачивали государству проценты по ссуде, и на помещиках, поскольку из положенных им компенсаций вычитался долг за ранее заложенные имения – всего около трехсот миллионов рублей, которые иначе вряд ли когда-либо попали бы в казну. Основная часть государственной выплаты производилась не наличными, а процентными бумагами, и это обязательство впоследствии покрывалось крестьянскими взносами. По словам придворного историка С. Татищева, «обширная финансовая операция в сущности не стоила казне никаких жертв».

Зато она стоила изрядных жертв крестьянам. Цена получаемых ими наделов была завышенной (в особенности в Нечерноземной зоне), а личная свобода оказалась условной. «Временнообязанные» не могли отказаться от своих наделов и уехать из деревни на поиски лучшей жизни, пока не выплатят долг. Кроме того человек попадал в зависимость от общины, ибо расчеты по ссуде производились не индивидуально, а всем «миром».

При очевидных минусах компенсационной операции это был максимум того, чего смогли добиться либеральные защитники

народных интересов в Редакционной комиссии и Главном комитете.

Обременительные для крестьян условия были вынужденным компромиссом, без которого помещичье сословие очень быстро разорилось бы и дворянская монархия осталась бы без дворян. Медленный выкупной процесс теоретически позволял за несколько десятилетий заменить прежнее помещичье сословие средним классом. Парадокс заключался в том, что пополняться этот новый класс должен был в первую очередь за счет развивающегося крестьянства, а богатеть ему не давали удушающие долги по казенной ссуде. К этой теме мы вернемся позднее, оценивая социальные итоги описываемой эпохи.

Вышеприведенные правила касались только русского крестьянства. В других областях империи надо было учесть местные особенности, и реформа на несколько лет отсрочилась. Больше всего повезло крепостным бывшей Польши. Объяснялось это причинами политическими. Освобождение там производилось в 1863–1864 годах, сразу после кровопролитного восстания, и правительству хотелось оторвать крестьянскую массу от освободительного движения – главным образом шляхетского. Руководивший польско-литовско-белорусской эмансипацией Н. Милютин добился для тамошних сельчан куда более льготных условий, чем в 1861 году для русских крестьян: и выкуп был меньше, и права собственности не отсрочены, и местное самоуправление обошлось без дополнительного ошейника в виде общины (которой в западных областях, собственно, и не существовало).

В привилегированном положении оказались и удельные крестьяне, принадлежавшие царской фамилии (их по стране насчитывалось до двух миллионов человек обоего пола). Им досталось больше земли – в среднем в полтора раза, чем крепостным. Государственные крестьяне (около двадцати миллионов человек), и прежде существовавшие в гораздо лучших условиях, чем помещичьи, получили в собственность в среднем по шесть десятин, а выплачивали за землю почти вдвое меньше. В этой среде в основном и будут происходить новые социально-экономические процессы.

Чтение манифеста об освобождении крестьян. *Б. Кустодиев*

Высочайший манифест, длинно озаглавленный «О всемилостивейшем даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей», был подписан Александром II в шестую годовщину воцарения, 19 февраля 1861 года. Заканчивался торжественный документ призывом: «Осени себя крестным знамением, православный народ, и призови с нами Божие благословение на твой свободный труд, залог твоего домашнего благополучия и блага общественного».

Документ был обнародован по всей стране (для неграмотных крестьян его зачитывали в церквях) и, как всегда бывает при компромиссах, вызвал всеобщее недовольство.

Разумеется, роптали приверженцы «священной старины» и консервативное помещичество, предугадывая печальные для себя последствия реформы.

Слева витийствовали нетерпеливые приверженцы демократии, негодуя за обобранных крестьян.

Были разочарованы и облагодетельствованные крестьяне. Слухи о грядущей царской милости ходили в народе уже очень давно и породили множество надежд – главным образом на то, что всю помещичью землю бесплатно и навсегда отдадут тем, кто на ней трудится. Теперь же выяснялось, что много лет придется выплачивать огромные долги.

Пугачевщины, которой пугали царя противники реформы, не случилось, но без эксцессов не обошлось. Виновато в этом было чрезмерное рвение некоторых местных администраторов, которые по-своему поняли полученный сверху приказ обеспечить общественное спокойствие.

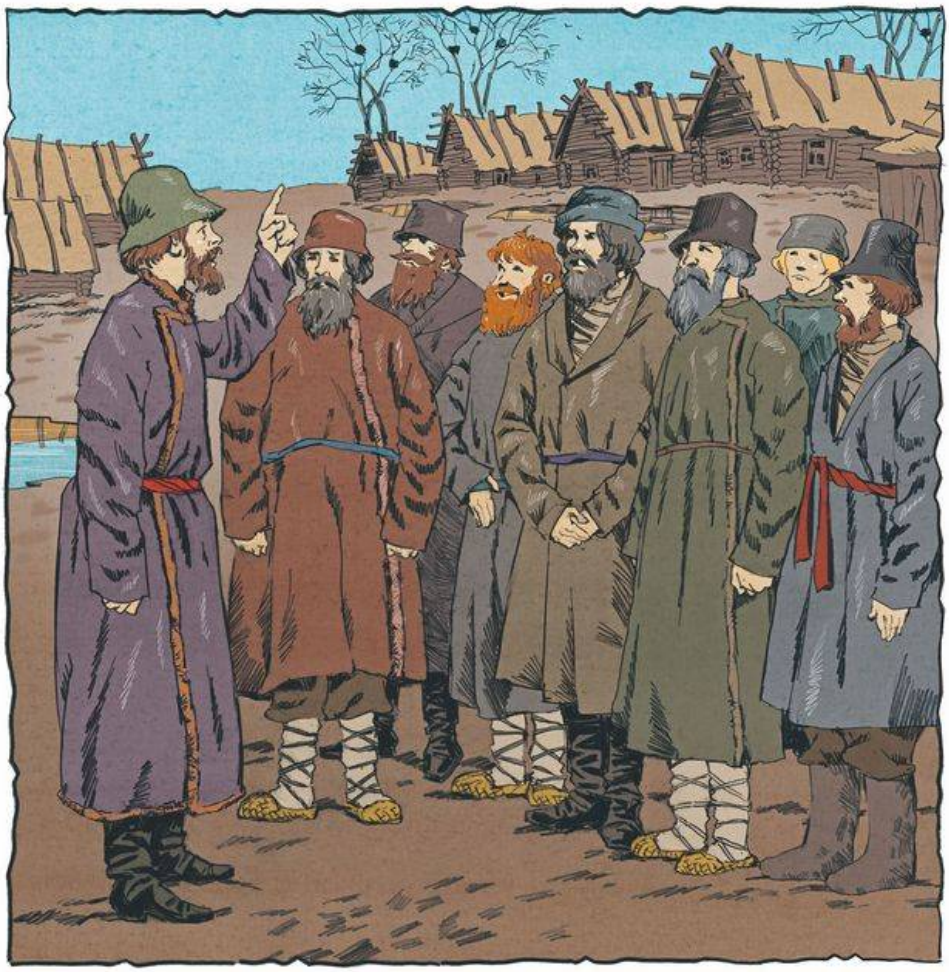
Указ 19-го февраля был объявлен населению с двухнедельным опозданием, потому что правительство желало подготовиться к возможным беспорядкам.

Во все губернии было откомандировано по свитскому генералу и флигель-адъютанту. Местные жандармы преисполнились усердия. Вместо того, чтобы отвечать на вопросы озадаченных крестьян и разъяснять им непростой смысл правительственных мер, начальство кричало и грозило – других навыков общения с народом в России не было.

Волнения прокатились почти по всем великорусским губерниям. Во многих случаях новых свободных граждан во имя порядка выпороли розгами. Кое-где пришлось прибегнуть к силе оружия.

> В селе Бездна Казанской губернии произошла целая крестьянская революция.
>
> Крестьянин-книжник Антон Петров стал рассказывать односельчанам, что царскую грамоту злые начальники толкуют неверно. Мало того, что крестьян отпустили еще два года назад, да скрывали, так батюшка-государь еще и отдал им всю пахотную землю, барам же жалует только «песок да камыш».
>
> Послушать хорошую весть приходили крестьяне со всей округи. Собралось несколько тысяч человек. На сходе решили барщину отменить, барский хлеб забрать себе и, раз уж теперь свобода, жить дальше своей волей.

Когда движение охватило несколько волостей, обеспокоенные власти прислали солдат. Крестьяне расходиться отказались. Пришлось по ним стрелять. Число жертв оценивают по-разному, но в любом случае счет шел на сотни. Петрова публично расстреляли, многих подвергли порке и отправили в ссылку.



Антон Петров открывает односельчанам правду. *И. Сакуров*

Так или иначе, пускай с трудностями и издержками, великая перемена свершилась. Россия наконец перестала быть «страной рабов,

страной господ».

Правительству было ясно, что по-новому устроенное общество нуждается в новых правилах общежития. Вслед за первой, главной реформой, должны последовать другие, столь же важные и неотложные, касающиеся всех сфер жизни.

Реформа правосудия

Российское государство еще со времен Алексея Тишайшего все время пыталось навести порядок в юридической практике, чтоб «суд и расправа была во всех делах всем равна» и чтоб дела не застревали в неповоротливой, коррумпированной судебной машине на годы, а то и на десятилетия. Все усилия, даже самые титанические, желаемого эффекта не давали, да и не могли дать.

Нормально работающее правосудие, во-первых, является полноценной ветвью власти, а во-вторых, законы должны быть обязательны для всех, в том числе и для первых лиц государства. В системе, где никакой закон в принципе не мог стоять выше воли императора, а на местном уровне – выше воли его представителя, суд всегда оставался послушной прислугой при административной «вертикали». Уже в середине девятнадцатого века главный страж государственного порядка Бенкендорф произнес свою знаменитую максиму: «Законы пишутся для подчиненных, а не для начальства». Какое уж тут правосудие?

В юриспруденции не делалось различия между законодательными актами и царскими указами – вторые даже исполнялись неукоснительней, что являлось прямым наследием «ордынского» взгляда на устройство права.

Российский суд был несамостоятелен, закрыт от общества и несостязателен – подсудимому даже не полагался адвокат. Часто вердикт выносился вообще в отсутствие обвиняемого. Неудивительно, что в этом затхлом мире процветали взяточничество, волокита и прямой произвол. Кроме того, как всегда бывает при режимах диктаторского типа, судебные решения отличались чрезвычайной жестокостью. Человека могли приговорить к телесным истязаниям: порке плетью, кнутом, шпицрутенами, что часто заканчивалось мучительной смертью. На лицах каторжников выжигали клейма.

Управленцы новой генерации, пришедшие во власть, горели желанием превратить всё это кривосудие в настоящее правосудие. Того же хотел и новый император.

Однако инициатива этого большого дела, как ни удивительно, исходила от человека во всех смыслах старого – и по возрасту, и по правительственному стажу: от графа Дмитрия Николаевича Блудова.

Этот высококвалифицированный правовед, много лет возглавлявший Второе (юридическое) отделение императорской канцелярии, при Николае постоянно пытался как-то исправить инвалидную судебную систему: составлял проекты, подавал записки, но царь, заклятый противник кардинальных реформ, всё надеялся обойтись мелким косметическим ремонтом. Когда задул ветер перемен, у старого законника появилась возможность осуществить свою заветную мечту.

В 1858 году граф подает императору очередную записку о преобразовании судебной системы – и получает полное одобрение. Однако набор идей, с которыми пришел Дмитрий Николаевич, для николаевского времени был слишком смел, а теперь оказался чересчур робок. Государственный совет предложил не вносить поправки в существующее законодательство, а составить принципиально новые судебные уставы.

Была создана группа из лучших юристов, которую формально возглавил Блудов, но его подчиненные скоро совершенно затмили старика. Самым деятельным из сотрудников был правовед С. Зарудный. В 1858 году он побывал в длительной заграничной командировке и по возвращении написал целую серию статей, в которых изложил принципы будущей реформы.

В начале 1862 года появился предварительный проект с тусклым названием «Соображения государственной канцелярии». Проект был рассмотрен и одобрен Государственным советом. В это же время консерватора графа Панина на посту министра юстиции сменил сторонник реформы Д. Замятин, и дело пошло быстрей. Новый министр начал с того, что своим приказом отменил практику наиболее жестоких телесных наказаний – это уже было огромным, поистине историческим событием.

На последнем этапе работу возглавлял статс-секретарь В. Бутков, не столько либеральный, сколько чуткий к веяниям времени и, что

важно, близкий к государю.

В 1864 году титаническое предприятие, по объему еще более трудоемкое, чем крестьянская реформа, наконец завершилось. Новые уставы создали всестороннюю и принципиально иную юридическую систему, которая охватывала организационно-процессуальную сферу, гражданское и уголовное судопроизводство, а также порядок рассмотрения частных тяжб (самый распространенный вид разбирательства).

Преобразованный российский суд основывался на принципах состязательности, независимости, бессословности и открытости, то есть обретал все признаки полноценной судебной власти.

Каждый из четырех вышеназванных элементов для самодержавной монархии был поистине революционным.

Состязательность означала, что отныне государству в лице обвинителя (прокурора или товарища прокурора) предстояло доказывать вину человека, которого будет защищать адвокат (присяжный поверенный), и вполне может оказаться, что частное лицо возьмет верх над исполнительной властью. Невероятно!

Более того: решать, кто прав в этом споре, тоже будет не государство, а представители общества – избранный судья или коллегия присяжных заседателей. Независимость судей от администрации гарантировалась тем, что они не могли быть ею сняты или заменены. Даже император не мог отменить приговор суда, за самодержцем оставалось только право на помилование. Еще более невероятно!

Небывалой новацией для жестко структурированного общества, где дворянские и крестьянские дела прежде рассматривались разными инстанциями, а крепостных вообще могли судить сами помещики, была и отмена сословных границ. Кем бы ни был человек по своему происхождению и социальному статусу, перед законом теперь все отвечали одинаково.

Но самым сильным потрясением для извечно закрытого российского общества была гласность судебного процесса. В конце концов устройство суда касалось только тех, кому не повезло оказаться объектом разбирательства, а вот прийти и посмотреть на диво дивное, демократический суд, мог кто угодно. Общественное и политическое

воздействие этого новшества намного превосходило его юридическое значение.

Организационно система подразделялась на две части: коронный суд и мировой. К компетенции первого относились крупные дела, к компетенции второго – мелкие (то есть большинство).

В коронном суде вводилось три инстанции: окружной суд, судебная палата (где можно было обжаловать решение) и Правительствующий Сенат, который мог отменить приговор лишь при выявлении нарушений в отправлении правосудия. В уголовном производстве следствие становилось двухступенчатым. Если раньше достаточно было полицейского разбирательства (никем не контролируемого), то теперь вводилось еще и предварительное судебное следствие, результаты которого в ходе процесса могли быть оспорены защитой. Присяжные заседатели определялись по жребию из представителей всех сословий данной местности и должны были решить «по совести» виновен ли обвиняемый и, если виновен, заслуживает ли он снисхождения. Судья не имел права отменить этот вердикт.

Судьи коронной системы, правда, не избирались, а назначались министерством юстиции – но из числа кандидатов, одобренных юридическим сообществом, и затем у государства не было права без законных оснований отстранить судью от должности.

Мировые же судьи избирались на трехлетний срок городскими думами или земскими собраниями (о которых речь пойдет в следующей главе). Здесь высшей инстанцией являлись съезды мировых судей.

Оправданная. *В. Маковский*

Авторы реформы после долгих дискуссий решили выделить еще одну, особенную форму суда для разбора конфликтов и мелких преступлений в крестьянской среде. Были учреждены так называемые волостные суды, где заседали представители сельского сословия. Сделано это было с учетом той важной роли, которую теперь стали играть общины. Крестьяне должны были сами решать, кто прав, а кто виноват, с учетом местных обычаев. Либеральные юристы и публицисты осуждали это исключение, считая его пережитком прошлого, но для темной, неграмотной крестьянской среды логика волостных судов была ближе и понятнее, чем разглагольствования профессиональных юристов.

Судебная реформа была самым радикальным и последовательным из правительственных начинаний. Ее успеху способствовала своего рода мода на службу в судебной системе, охватившая молодых,

прогрессивно настроенных людей образованного сословия. Все хотели учиться на юридических факультетах, поступать на службу в правовые учреждения, избираться мировыми судьями. Всякое громкое судебное разбирательство вызывало огромный общественный интерес. Быстро возникла плеяда блестящих, красноречивых адвокатов. Пресса делала их настоящими звездами. Перипетии состязательных судебных процессов не только развлекали публику, они зарождали и укрепляли идею о том, что общество и частный человек имеют право полемизировать с государственной властью в лице прокурора – и иногда могут одерживать верх.

Очень скоро эти настроения создадут для империи большие проблемы.

Недореформа самоуправления

Если бы ко второй ветви власти, судебной, прибавилась бы еще и третья, представительная, Россия превратилась бы в классическую демократию, но так далеко планы царя-освободителя не заходили. Поступаться своими полномочиями император не собирался и все проекты подобной направленности категорически отвергал.

Невозможна была при абсолютизме и полноценная «четвертая власть», то есть свободная пресса, которая неминуемо начала бы критиковать все аспекты российской жизни и даже покушаться на сакральность Помазанника Божия. Поэтому речи об отмене цензуры не шло – только о некотором ее смягчении. В 1865 году был принят закон «О даровании некоторых облегчений и удобств отечественной печати», частично отменивший предварительную цензуру, но зато усиливший ответственность за всякого рода вольности. Вышедший за рамки дозволенного издатель подвергался денежным штрафам и получал «предостережение» от министерства внутренних дел. Три предостережения вели к приостановке издания. В такой обстановке авторы проявляли недюжинную ловкость по части эзопова языка и всякого рода подмигиваний, которые публика жадно улавливала и которым бурно радовалась. Все-таки разница между «гласностью» и свободой слова велика.

Но и этой весьма умеренной либерализации оказалось достаточно, чтобы в стране начался бум периодики, которая отныне становится

большой общественно-политической силой – тем более что возможности «народных представителей» в этом смысле были минимальны.

Некоторые шаги по введению избирательной системы правительством были сделаны, но очень скромные и вовсе не с целью разделения властей.

Если параллельно с судебной реформой готовилась реформа местного самоуправления, вызвано это было не парламентскими устремлениями (как в свое время мечталось Александру Первому), а соображениями сугубо прагматическими. Государство понимало, что собственными силами не сможет навести порядок в регионах огромной империи: в казне не было на это денег, к тому же не хватало кадров. При крепостном праве крестьянами управляли помещики, но теперь с этим было покончено. Требовался какой-то иной механизм. Разработан он был под общим руководством министра внутренних дел П. Валуева, в ведение которого входило управление губерниями.

Идея состояла в том, чтобы создать некие учреждения, которые, с одной стороны, ни в коем случае не будут являться местной властью, но в то же время помогут государству решать вопросы, справиться с которыми оно не в состоянии. Новая структура получила название «земской».

Ее параметры были определены «Положением о губернских и уездных земских учреждениях» (1864). Этот акт обычно называют Земской реформой.

В ведение земств входили хозяйственные и культурно-социальные задачи: содержание дорог, медицина, школы, благотворительность, доставка почты, страхование и прочее. Для финансирования своей деятельности земство могло производить сбор средств, приобретать имущество, накапливать капитал.

Всей этой немалой работой должны были руководить уездные и губернские собрания, куда депутаты («гласные») избирались на трехлетний срок. Собрание выбирало из своего состава управу, которая вела повседневные дела в промежутках между съездами.

Хоть избирательная система называлась всесословной, закон принял меры предосторожности, чтобы большинство населения, крестьяне, не стали в собраниях слишком заметной силой. Для этого

депутаты делились на три курии: владельцев земельных угодий существенного размера, горожан определенного имущественного статуса и крестьян, получавших весьма урезанное число представителей. Соотношение «гласных» уездного собрания по куриям получилось таким: почти половина – землевладельцы, чуть больше трети – крестьяне, остальные – горожане. Гласные уездного собрания избирали своих представителей в губернское собрание, где пропорция помещиков была еще выше.

В земском собрании. *К. Лебедев*

Эта куцая самоуправляемость дополнительно ограничивалась тем, что председателей уездной земской управы утверждал губернатор, а губернской – министр внутренних дел. Плюс к тому закон предупреждал, что «начальник губернии имеет право остановить исполнение всякого постановления земских учреждений, противного законам или общим государственным пользам» – причем под «общими

государственными пользами» могло пониматься что угодно. В случае конфликта земство имело право жаловаться в Сенат.

Земская реформа была заявлена как еще одна монаршья милость: «Признав за благо призвать к ближайшему участию в заведывании делами, относящимися до хозяйственных польз и нужд губернии и каждого уезда, местное их население посредством избираемых от оного лиц, Мы повелели министру внутренних дел составить на указанных Нами началах проекты постановлений об устройстве особых земских для заведывания подобными делами учреждений». По сути дела, однако, выходило, что государство снимает с себя значительную часть расходов по местному жизнеустройству и перекладывает их на обывателей, давая им взамен некоторое, очень ограниченное право этими расходами распоряжаться.

Притом земства вводились только в тех губерниях, где существенную часть гласных составили бы дворяне. Поэтому в Сибири, где помещиков не было и где большинство получили бы крестьяне, новые учреждения не создавались. Остались без земского представительства и бывшие польские области. Правительство боялось, что органы местного управления попадут там под влияние сторонников независимости.

Некоторое время спустя Земская реформа была дополнена еще одной, в том же духе, но касавшейся обустройства городской жизни: «Городовым положением» 1870 года.

Россия этого времени продолжала оставаться страной деревенской, и большинство ее городов, за вычетом нескольких крупных, тоже были похожи на большие деревни – с немощеными улицами и отсутствием какого-либо благоустройства. У государства хватало финансовых и административных ресурсов на то, чтобы поддерживать в более или менее приличном состоянии лишь губернские центры, и то не все. К этому времени из пятисот с лишним российских городов лишь одна шестая существовала в городском режиме, то есть жила промышленностью и торговлей. В остальных обыватели обрабатывали землю или зарабатывали отхожими промыслами.

Новая система должна была оживить этот косный мир, призвав к хозяйственно-организационной деятельности общественно активных людей.

Вводились городские думы с депутатами-гласными, избираемыми на 4 года, и городские управы, руководимые мэром («головой»). Функции у этих учреждений были такими же, как у земств. Сохранялась и элитарность избирательной системы. Гласные выбирались по трем куриям – от крупных, средних и мелких налогоплательщиков. Беднота, не плативша налогов, к выборам не допускалась.

Контроль за деятельностью управ сохранялся у исполнительной власти. Мэров в небольших городах утверждал губернатор, в губернских – министр внутренних дел. Мало того – для наблюдения за деятельностью управы учреждалось еще и «губернское по городским делам присутствие», имевшее полномочия отменять неугодные постановления общественных представителей.

На волне реформы самоуправления в прогрессистской среде возникли ожидания, что нечто вроде «всероссийского земства», совещательного полупарламента, будет создано и на центральном уровне, но наверху было слишком много противников этой идеи, и первое покушение на царя (1866 г.) дало им сильный аргумент против заигрывания с народовластием.

Несмотря на крайнюю ограниченность и стесненность новых учреждений, они сумели сделать на удивление много для изменения условий жизни страны – еще и потому, что нередко приходилось строить с нуля, отчего перемены выглядели разительными.

Множество альтруистических, самоотверженных людей с головой ушли в земское движение и занялись улучшением городов. Постепенно стали появляться больницы, школы, статистические конторы, а затем и библиотеки, музеи, театры. Частная инициатива оказалась много плодотворней казенного попечительства.

Со второй половины девятнадцатого века жизнь российской провинции будто воспряла, начала развиваться. Заслуга эта в первую очередь принадлежала новым людям – деятелям местного самоуправления.

Военная реформа

Большое значение для государства и общества – отнюдь не только военное – имела реформа вооруженных сил, проведенная в шестидесятые и семидесятые годы.

Крымская война обнаружила, что хваленая николаевская армия, которой «Жандарм Европы» так долго пугал европейцев, весьма нехороша.

Солдаты браво выглядели и отлично маршировали, но неважно стреляли. Офицерский корпус по большей части не имел специального образования: кто родился дворянином, тот и офицер. Снабжение было скверным, вооружение – отсталым. При огромных штатах мирного времени в условиях войны резервы брать было неоткуда – разве что собирать необученное ополчение, от которого мало толку.

Всю систему требовалось коренным образом перестроить, но в пустой казне денег на это не было.

Поэтому реформы стартовали не сразу и растянулись на два десятилетия. Медлительность объяснялась еще и тем, что армии все время приходилось воевать – то на юге, то на западе, то на востоке.

Сначала сделали то, что давно назрело и больших затрат не требовало: наконец упразднили аракчеевские военные поселения, завершив этот неудачный эксперимент по удешевлению армии; закрыли школы кантонистов, где в несчастных детей палками вколачивали дисциплину; сократили срок рекрутской службы с двадцати пяти лет до пятнадцати (последняя мера была скорее экономической – требовалось урезать расходы на армию).

Настоящие перемены начались только с 1861 года, когда министром стал Дмитрий Милютин, у которого имелся план всесторонних преобразований. Но и теперь дело шло не быстро. Очень уж велика была работа и постоянно недоставало средств.

Первый этап реформы коснулся главным образом организации и управления.

Страну разделили на военные округа, устроенные по единому принципу. В каждом имелись собственные управления по интендантской, артиллерийской, инженерной и медицинской части, а также военно-учебные заведения, которым придавалось особое значение.

Военная форма стала проще и удобней. *Рис. В. Балашова*

Милютин учредил новую систему военного образования. Прежние кадетские корпуса теперь состояли из младшего отделения («военной гимназии») и старшего («военного училища»), откуда молодой человек выходил подготовленным офицером. Кроме того создавались четырехклассные военные прогимназии, после которых можно было поступить в двухлетнее юнкерское училище. Высшее образование давали пять академий: генерального штаба, артиллерийская, инженерная, военно-медицинская и военно-юридическая. К 1880 году в стране существовало 27 офицерских училищ, выпускавших вполне достаточное количество профессиональных кадров.

Однако европейские события – три победоносные войны, проведенные Пруссией против Дании, Австрии и Франции, – показали, что в мировой политике появился новый сильный игрок, у которого есть чему поучиться. Германская армия комплектовалась на основе всеобщей воинской повинности. Она быстро разворачивалась при объявлении войны, а в мирное время снова сокращалась, избавляя

государство от лишних расходов. Высокая боеспособность обеспечивалась за счет инициативности и грамотности солдата (в Пруссии была лучшая в Европе система образования), а также благодаря превосходству в вооружении. Никто не ожидал, что «колбасники», считавшиеся совсем не воинственной нацией, в 1870 году так легко и сокрушительно разгромят грозную французскую империю.

В России началась подготовка ко второй очереди реформ, которые теперь должны были затронуть уже не верхушку армии, а основной ее контингент – солдат.

В наши времена считается, что профессиональная армия хоть и дороже призывной, но эффективней. В девятнадцатом веке логика была обратной. Содержание огромной постоянной армии тяжелым бременем ложилось на бюджет и лишало страну множества рабочих рук, а во время войны пополнять войско было неоткуда. При этом в эпоху неразвитых технологий для обучения солдата так уж много времени не требовалось – если не тратить усилий на выработку чеканного строевого шага.

В 1874 году Милютин провел реформу, преобразовавшую вооруженные силы, а в значительной степени и всё российское общество. Отныне вводилась всеобщая воинская повинность, распространявшаяся на все сословия, в том числе и дворянское, которое уже больше ста лет было освобождено от какой-либо обязательной службы. Это был почти такой же важный шаг в сторону классовой эмансипации, как освобождение крепостных. «Защита престола и отечества есть священная обязанность каждого русского подданного, – говорилось в новом уставе. – Мужское население, без различия состояний, подлежит воинской повинности».

Каждый год в ноябре все здоровые двадцатилетние юноши должны были являться на призывные пункты. Мобилизовали не всех, а только тех, кому выпадет жребий. Квота менялась в зависимости от текущей потребности в пополнении. Попавшие в армию отбывали шестилетний срок службы, а затем еще девять лет числились в резерве. Во флоте служили семь лет, но в запасе состояли только три года.

Эта гибкая система обеспечивала вооруженные силы ровно тем количеством солдат, которого требовала ситуация.

На конечном этапе Крымской войны под ружьем находилось два миллиона триста тысяч человек, причем большинство – небоевого состава. После демобилизации ополчения и сокращения срока рекрутской службы, но еще до начала реформ в армии служило девятьсот тысяч военных. После перехода на всеобщую повинность численность вооруженных сил несколько сократилась – до 750 тысяч, но при всеобщей мобилизации 1876–1878 годов, с учетом резервистов, армия увеличилась более чем вдвое.

Вторым компонентом милютинской реформы был принципиально иной подход к подготовке солдата. Вместо шлифовки пуговиц и муштровки нижние чины теперь обучались меткой стрельбе, гимнастике, тактике – и в обязательном порядке грамоте, так что служба в армии для огромного количества крестьянских парней становилась еще и школой.

Поскольку в стране вечно не хватало образованных людей, молодые люди со средним и тем более высшим образованием отбывали сокращенный срок службы «вольноопределяющимися» и потом, после экзамена, уходили в резерв с первым офицерским чином. В случае войны они могли быть снова призваны.

Наконец, огромные усилия и средства расходовались на модернизацию оружия, без чего в новые технологические времена обходиться было невозможно.

Со второй половины девятнадцатого века индустриальные державы включаются в гонку вооружений. В первые пореформенные годы России это состязание давалось трудно, поскольку ее военная промышленность отставала и приходилось закупать оружие за границей, но со временем ситуация понемногу выправится.

Поражения в Крыму объяснялись в том числе устаревшим стрелковым вооружением, из-за чего русская пехота с ее гладкоствольными ружьями несла тяжелые потери во всяком полевом сражении. По той же причине австрийцы в 1866 году оказались слабее пруссаков, оснащенных скорострельными винтовками с унитарным патроном.

Поэтому в России началось масштабное перевооружение пехотных частей, осложненное тем, что все время появлялись новые, более современные образцы оружия. Министерству приходилось закупать то винтовки Карле с бумажной гильзой, то винтовки Крнка с

металлической гильзой, то винтовки Бердана со скользящим затвором. В результате все эти ружейные системы существовали параллельно, что создавало трудности с обеспечением боеприпасами, но ускорение технического прогресса делало подобную проблему неизбежной.

Так же быстро развивалась артиллерия, которая в это время массово переходила на стальные орудия, заряжавшиеся не с дула, а с казенной части: деревянные лафеты заменялись на железные.

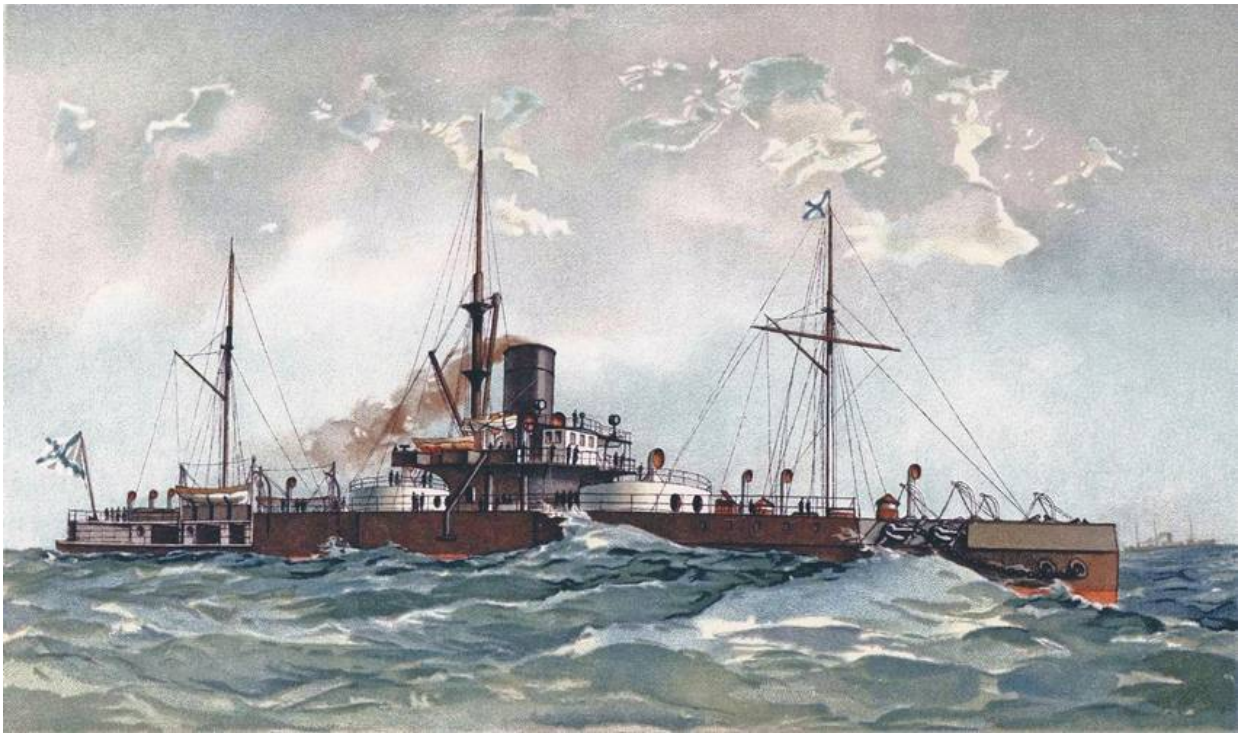
Очень серьезных расходов требовал флот. Его практически пришлось создавать заново, потому что при Николае адмиралтейство по старинке всё держалось за парусные корабли, в современной войне оказавшиеся совершенно негодными. Поэтому Черноморскую эскадру пришлось затопить без боя, а Балтийская не посмела дать отпор пароходам союзников, когда те хозяйничали в Финском заливе. В 1855 году паровой флот империи состоял всего из девяти фрегатов на парусно-колесном ходу.

Великий князь Константин Николаевич, управлявший морским министерством, был бы рад развернуть кораблестроение, но это требовало слишком больших средств, которых не было. Поэтому в первые послевоенные годы главные усилия тратились на обучение экипажей и модернизацию верфей.

Едва только в казне завелись деньги, началось строительство броненосных кораблей (с 1864 года). Судостроительные заводы были модернизированы, что позволило полностью отказаться от размещения заказов за рубежом.

В 1873 году вступило в строй первое крупное броненосное судно – фрегат «Князь Пожарский», обошедшийся в полтора миллиона рублей. Четыре года спустя – первый броненосец «Петр Великий» (более двух миллионов рублей); он станет рекордсменом по долголетию и закончит свою службу только в 1959 году.

И все же российский военно-морской флот при Александре II развивался не так быстро, как армия. Например, личный состав к концу царствования был вчетверо меньше, чем в его начале.



Первый броненосец «Петр Великий». *Литография конца XIX века*

Причина заключалась не только в дороговизне. Эта эпоха для России не была мирной. Не вступая в вооруженный конфликт ни с одной иностранной державой больше двадцати лет, вплоть до 1877 года, империя постоянно вела необъявленные войны – то на Кавказе, то в Польше, то в Средней Азии. Все эти кампании были сухопутными, для них требовался не мощный флот, а мощная армия, которой – все это понимали – рано или поздно предстояло взять реванш за крымское поражение. Унизительные условия Парижского мира 1856 года и Балканский вопрос делали новое столкновение с Турцией неизбежным.

Вооруженные силы России не просто модернизировались, они готовились к большой войне.

Финансовые эксперименты

Лишиться статуса «сверхдержавы» в политическом смысле было досадно, но в финансовом – весьма и весьма выгодно. Военные статьи, при Николае даже в мирное время превышавшие половину бюджета, в новых обстоятельствах (во всяком случае, на первых порах) сильно сократились, но одного этого фактора для исправления ситуации было

недостаточно. Денежное хозяйство России пребывало в катастрофическом состоянии. Непорядок царил повсюду: и в сборе денег, и в их расходовании, и в системе контроля. Ограниченность частного капитала и отсутствие коммерческих банков стопорили индустриальное и капиталистическое развитие. Накопился колоссальный государственный долг. Хронической болезнью был бюджетный дефицит, обостренный войной, но не изжитый и после ее окончания. Официозный историк царствования С. Татищев даже называл положение безвыходным, приводя для примера данные первого мирного года, 1857-го: «Доходы были исчислены в нем в 258 миллионов рублей, из которых, за вычетом 100 миллионов на уплату процентов по займам, военное и морское ведомство требовали 117 миллионов рублей, так что на покрытие потребностей государства по всем прочим ведомствам оставался всего сорок один миллион рублей. Дефицит по смете исчислен был в 30 миллионов рублей; на деле он оказался гораздо значительнее и вследствие недобора в доходах и сверхсметных расходов достиг 74 миллионов рублей».

Естественно, первой мерой нового правительства стала жесткая экономия, но здесь сразу же – по привычке решать все проблемы административным путем, за счет населения – была совершена грубая ошибка. Государство резко понизило процент выплат по банковским вкладам, вследствие чего владельцы счетов начали массово изымать свои средства. За несколько месяцев была истребована треть всех вкладов и произошел отток капиталов за границу. 1858 год завершился еще хуже, чем предыдущий.

Тогда увеличили выпуск кредитных билетов, масса которых стала быстро расти и к 1862 году превысила 700 миллионов, что неминуемо привело к обесцениванию бумажных денег. При этом дефицит бюджета год за годом сохранялся и даже повышался, потому что большие реформы требовали больших средств. На пике, в 1866 году, расходные статьи по отчетам превысили доходные на 60 миллионов, а фактически, как обычно, дыра получилась еще больше.

Кредитный билет

Руководители финансового министерства сменялись, но положение не исправлялось. Так продолжалось до назначения на этот пост М. Рейтерна, который наконец переменил стратегию: начал врачевать не проявления болезни, а ее причины.

План преобразований, собственно, был предложен не Рейтерном, а чиновником канцелярии государственного контроля Валерианом Татариновым, в ходе длительной командировки изучившим финансовую политику европейских стран и составившим обширный доклад с рекомендациями. Они были одобрены специальной комиссией и государем еще в 1859 году, но практическое осуществление реформы началось уже при Рейтерне.

Главным новшеством стало учреждение так называемой «единой кассы», то есть централизация движения денежных средств. Раньше у каждого ведомства был собственный бюджет. Теперь все деньги стали проходить через министерство финансов и его региональные отделения – казначейства, по единым правилам.

За исполнением смет наблюдали органы государственного контроля – контрольные палаты, подчиненные не губернаторам, а государственному контролеру (эту должность занимал В. Татаринов). Работали палаты не в ревизионном режиме, а постоянно, что очень сократило объем непродуманных трат и злоупотреблений.

Эта система вряд ли эффективно работала бы (мало ли вводилось контролирующих инстанций и прежде), если б не еще одно новшество, совершенно в духе времени: открытость. Раньше государственные расходы по всем ведомствам считались тайной. С 1862 года подробная роспись доходов и выплат публикуется для всеобщего сведения, то есть становится достоянием общества – и может им обсуждаться.

Подобные административные меры были лишь частью реформы. Они упорядочивали финансовую жизнь страны, но сами по себе толчка к развитию не давали.

Иное дело – банковская реформа. Она началась с учреждения Государственного банка (с капиталом в 15 миллионов рублей), который открыл свои отделения по всей России и среди прочего стал выдавать кредиты на торгово-промышленные цели. А в 1862 году было дозволено и частное кредитование. Вышло «Положение о городских общественных банках», давшее старт российскому финансовому предпринимательству. К концу царствования в империи работало почти триста частных банков, оперировавших суммарным капиталом в двести миллионов рублей. Эти деньги активно работали на развитие капитализма.

Другим двигателем развития стала переориентация государственной инвестиционной политики. Шестого октября 1866 года на стратегическом заседании Совета министров, в присутствии государя, было принято решение сократить все «непроизводительные издержки» (включая военные расходы) во имя ускоренного строительства железнодорожной сети.

Это была эпоха, когда железнодорожный бум охватил все промышленные страны. Новые магистрали лихорадочно строили в Европе и в Америке. Повсюду, где прокладывались рельсы, происходило оживление торговли и производства.

На казенное строительство, как при Николае, средств в бюджете не было, к тому же Рейтерн был принципиальным противником

государственного предпринимательства, поэтому ставку сделали на привлечение иностранного и частного капитала.

Дело было выгодное, а государство к тому же давало всевозможные льготы, поэтому повсюду возникли акционерные общества по строительству частных дорог. За десятилетие с 1866 до 1876 года в строительство железных дорог было вложено полтора миллиарда рублей. Проложили 20 тысяч верст рельсов, и эта «железнодорожная революция» сделала для развития российской экономики больше, чем любые государственные постановления. Экспорт и импорт выросли в десять (!) раз. Еще выше был рост внутреннего товарного оборота.

Акция Курско-Киевской железной дороги

Одновременно с этим государство покровительствовало развитию всех других видов предпринимательства. Министерство финансов учредило специальный Совет торговли и мануфактуры, способствовало созданию товарно-сырьевых бирж в крупных городах империи.

Опыт деятельности Рейтерна, занимавшего свой пост до 1878 года, представляет собой своего рода учебник по поиску выхода из тяжелого бюджетного кризиса – с примерами как удачных, так и неудачных решений.

> Рейтерну случалось и ошибаться.
>
> Одним из первых начинаний нового министра была попытка повысить курс кредиток, введя их свободный обмен на золото. Но билетов к этому времени (1862) выпустили такое количество, что операцию через год пришлось остановить. Золотой запас, образовавшийся благодаря «металлическому займу» у Англии, быстро истощился. Последовал финансовый кризис, окончательно похоронивший надежды на «конвертируемость» бумажного рубля. Его стоимость упала до 68 золотых копеек. Провал этой акции надолго отбил у правительства охоту к экспериментам подобного рода.

Успешнее прошла операция по повышению «пьяного дохода» государства – старинного и верного способа пополнения казны. Со времен Екатерины существовала система винных откупов, при которой торговец покупал у государства право торговать алкоголем на определенной территории. Новая система, введенная с 1 января 1863 года, отменяла этот монопольный принцип, позволяя любым частным лицам продавать спиртное, но облагала особым налогом каждую бутылку. Питейные сборы при подобном порядке увеличились. Такой же акцизный сбор был установлен для торговли табаком, солью и сахаром.

В 1877 году придумали брать таможенные пошлины не бумажными рублями, а золотыми, что из-за разницы курсов автоматически увеличило сборы на треть.

Сочетание всех этих мер – организационных, стимулирующих и акцизных – привело к тому, что с конца шестидесятых годов дефицит начал сокращаться, а в семидесятые годы произошло нечто невиданное: бюджет России избавился от этого, казалось, неизлечимого недуга.

Впервые доходы оказались выше расходов в 1871 году. Потом в течение двух лет дефицит, хоть и небольшой, возник опять, но это было вызвано чрезвычайными обстоятельствами: неурожаем, подготовкой военной реформы и организацией среднеазиатского похода. Зато с 1874 года образовалась тенденция к стабильному профициту, и на 1 января следующего года в казначействе накопилось свободных остатков на 40 миллионов.

Это высшая точка финансовых успехов рейтерновского управления, при котором государственные доходы увеличились в два с половиной раза, достигнув 630 миллионов рублей.

К сожалению, мирный рост, начавшийся с того, что Россия отказалась от претензий на европейское лидерство, завершился, когда эти амбиции, пускай в более скромных размерах, возродились во второй половине семидесятых годов. Рейтерну суждено было увидеть, как заботливо выстроенная им система разваливается под бременем новой войны – но об этом рассказ впереди.

Реформа образования

Разительней всего было отставание России от Европы по части образования. К середине девятнадцатого века в развитых странах уже худо-бедно существовала система народного просвещения, тотальная неграмотность низов ушла в прошлое. В России же девяносто процентов населения не умели даже читать по складам. Школ средней ступени было мало, высших учебных заведений всего четырнадцать (семь университетов и семь технических институтов) – для державы с населением в 60 миллионов человек совершенно недостаточно.

Отношение правительства к образованию было непростым. С одной стороны, его необходимо было развивать – этого требовала эпоха быстрого технического прогресса и международной промышленной конкуренции. С другой стороны, государственным мужам консервативного лагеря была очевидна опасность, которую несут с собой плоды просвещения. Европа столкнулась с ними в 1848 году,

когда оказалось, что научившиеся читать социальные низы Франции и Германии стали слишком много о себе понимать и теперь требуют иных условий жизни. Путь постепенной демократизации, по которому после этого двинулась Западная Европа, с принципами российского государственного устройства никак не сочетался.

Хотелось иметь грамотных и опрятных, но при этом знающих свое место низовых работников и хорошо образованное, но исполнительное и послушное среднее сословие. На практике подобная государственническая идиллия, увы, невозможна. Люди устроены таким образом, что чем больше они информированы о законах природы и общества, тем они взрослее ментально, а стало быть, требуют к себе соответствующего отношения со стороны власти.

Вследствие этого парадокса политика российского правительства в области образования была непоследовательна, двигалась зигзагами. Очень коротко ее суть может быть выражена поговоркой «и хочется, и колется».

Инертность в устройстве общедоступного начального образования отчасти объяснялась тем, что в России основную массу населения составляли люди, трудящиеся на земле, и считалось, что для такой работы грамотность, в общем, необязательна. Образовывать крестьян стремились в основном прекраснодушные интеллигенты, немногочисленные и ограниченные в своих возможностях. Усилия правительства в этом направлении всегда были вялыми. Не особенно активизировались они и при Александре Втором. Грамоте хорошо учило только военное министерство, поскольку современная армия нуждалась в развитом солдате.

В 1864 году было издано «Положение о народных училищах», которое до некоторой степени расширило систему низового образования. Теперь начальные школы можно было создавать земствам и даже частным лицам (что при Николае строжайше воспрещалось). Земства получили право – в меру имевшихся у них средств (очень небольших) – открывать училища с не более чем четырехклассным курсом. Кроме того существовали школы церковноприходские и «министерские», то есть казенные (последних было немного). Обучали детей на начальной ступени только грамоте, арифметике и закону божию. Считалось, что для человека из низов этой суммы знаний в жизни вполне достаточно.

Успехи народного просвещения были весьма скромны. В отчетах результаты выглядели неплохо: количество начальных школ за четверть века увеличилось втрое – в восьмидесятые годы их насчитывалось 22 тысячи. Но неграмотность все равно превышала 80 процентов, то есть оставалась на абсолютно неевропейском уровне.

Со средним образованием получилось немногим лучше. При либеральном министре А. Головине было объявлено, что теперь в гимназии будут принимать детей «всех состояний». Гимназии делились на классические (ориентированные на гуманитарное образование) и реальные (без преподавания латыни и греческого, зато с упором на естественные науки). Срок обучения составлял семь лет.

В сельской школе. *В. Маковский*

В среднюю школу хлынули мальчики из так называемых разночинных семей, то есть из мещанского, духовного, даже крестьянского сословий. Многие их них потом продолжили учебу в высших учебных заведениях, социальный состав которых существенно изменился. Выходцы из бедной, лишенной привилегий среды, естественно, желали прав, которых в дворянской империи не имели. Уже в начале шестидесятых годов студенческое брожение в столицах

стало для властей нешуточной проблемой. В 1866 году после покушения Каракозова за «исправление» системы образования взялись всерьез. Вместо либерального Головина министром назначили сурового консерватора Д. Толстого, который руководствовался простой логикой: чтоб в университеты не попадали всякие сомнительные элементы, нужно предельно ограничить им доступ к высшему образованию.

Для этого провели реформу средней школы – вернее говоря, контрреформу, поскольку направленность нововведений была консервативной и даже реакционной.

При Д. Толстом гимназия элитаризируется. Теперь государство рассматривает ее прежде всего как школу для детей из правящего класса. Учиться в гимназиях получают возможность те, кому в будущем предстоит управлять империей. Плата за обучение повышается, мертвые языки становятся чуть ли не главными дисциплинами – заведомая непрактичность такой программы подчеркивала закрытость и корпоративность гимназического образования. В университет отныне можно было поступать только с аттестатом о классическом образовании.

Для разночинцев остались реальные училища, где давали образование, «приспособленное к практическим потребностям и к приобретению технических познаний». Оно было на два класса короче гимназического и позволяло поступать только в высшие заведения технического профиля.

Мера была очень странная и своей главной цели, конечно, не достигла. Как мы скоро увидим, ни в университетах, ни тем более в технических институтах после толстовской контрреформы спокойнее не стало.

Женского образования до поры до времени правительство опасалось меньше, и девочкам из разночинных семей получить его было легче, чем мальчикам.

В николаевскую эпоху дворянок обучали главным образом в домашних условиях. Государство содержало всего несколько «институтов благородных девиц» и пансионов благотворительного Мариинского ведомства, где в основном учили манерам и домоводству.

С шестидесятых годов во всех мало-мальски значительных городах появляются женские гимназии семиклассного цикла. К ним прибавляются прогимназии, где учили три или четыре года. Сословные

ограничения отсутствовали – если не считать имущественного ценза, поскольку образование было платным, а стало быть, для бедноты недоступным.

О развитии российского женского образования много говорили и писали, но цифры выглядят скромно. К концу царствования Александра II в империи имелось 109 женских гимназий и 165 прогимназий, в которых суммарно насчитывалось 30 тысяч учениц – меньше одного процента российских девочек.

За пределами среднего образования девушек поначалу допускали только к педагогике да акушерству. Те, кто желал получить иную профессию, должны были уезжать за границу. Лишь на исходе эпохи в Петербурге открылись Высшие женские курсы, где выпускницы гимназий могли слушать лекции на историко-филологическом и физико-математическом отделениях, но не для практической деятельности, а для общего развития.

Повышение интеллектуального уровня подданных всегда опасно для несвободного общества. В александровской России этот закон острее всего проявил себя в студенческой среде, где соединение реформаторского духа эпохи с молодой пассионарностью создавали взрывчатую смесь.

Еще у Александра Первого возникла рискованная идея превратить университеты в своего рода экспериментальные площадки по приобщению подданных к начаткам демократии. В начале века университетам были дарованы автономия, выборность и прочие права. Николай со всеми этими вольностями покончил и превратил высшую школу в подобие кадетского корпуса. Студентов содержали в военной строгости, заставляли ходить в мундире и при шпаге, при малых провинностях сажали в карцер, при больших – отправляли в ссылку или в солдаты.

Новый император все эти драконовские установления отменил. Контроль над преподавателями был ослаблен, вернулись самоуправление, выборность профессорского состава, вошли в обычай публичные диспуты и собрания, прекратилось преследование студенческих кружков. Плата за обучение оставалась довольно высокой (40–50 рублей в год), но нуждающимся давали льготу, что, как уже было сказано, сильно изменило сословный состав учащихся.

Эти факторы в сочетании с всегдашним радикализмом юного возраста не могли не привести к росту политической активности. Общество обсуждало проекты реформ, ждало перемен, жаждало новых свобод, и студенты, конечно, не оставались в стороне – наоборот, они желали быть в авангарде. Периодически вспыхивали акции протеста – иногда по серьезным поводам, иногда не очень. В 1861 году из-за введения студенческих билетов, которые были восприняты как покушение на вольность, в Санкт-Петербургском университете начались столь серьезные волнения, что это учебное заведение на целых два года закрыли.

В дальнейшем, при графе Д. Толстом, правительственный курс касательно высшей школы выражался в двух параллельных тенденциях. С одной стороны, государство всячески пыталось снизить протестную активность среди студентов, создавая искусственные препятствия для выходцев из низов; с другой – страна отчаянно нуждалась в квалифицированных специалистах, поэтому прилагались большие усилия для повышения уровня преподавания. Со второй задачей власти справились много лучше, чем с первой. В уже существовавших учебных заведениях научно-педагогические стандарты значительно улучшились, к тому же появились новые центры знания.

Университеты открылись в Варшаве, Одессе и Томске, то есть их стало уже десять. Еще деятельней развивали высшее техническое образование. К концу столетия в России будет уже не семь профильных институтов, а шестьдесят.

В целом система российского образования в точности соответствовала анатомическому строению всего общества: светлая, но очень маленькая голова на огромном, немытом теле.

Конституционные поползновения

В великих – действительно великих – реформах этого времени таилось некое глубинное противоречие. Затеяв перестройку всего государственного здания, они не покушались на самодержавный способ правления, который и был первопричиной всех проблем. Империя крепко держалась за свою вековую «вертикаль» – во времена, когда в Европе уже не осталось абсолютных монархий. Повсюду установилась

та или иная форма конституционного правления. Даже в Османской империи в 1876 году была провозглашена конституция.

Адепты самодержавия объясняли его правомочность «исконной народностью» царизма – особыми доверительными отношениями между государем и благодарным населением, а парламенты объявляли вредоносной западной напастью, непригодной для русской почвы. Правда, в отечественной истории имелся опыт земских соборов, созывавшихся в шестнадцатом и семнадцатом веках, но старинные представительные учреждения, в отличие от парламента, не являлись постоянно действующим органом, а собирались по царской воле и как правило ничего не решали – лишь смиренно высказывали государю свои чаяния. Тем не менее исторический прецедент существовал, и российские либералы время от времени о нем вспоминали, хотя само слово «парламент» и тем более «конституция» старались не употреблять, поскольку эти термины подразумевали ограничение самодержавной власти.

Первую попытку создать некое выборное представительство еще сто лет назад предприняла Екатерина со своей Уложенной комиссией – и быстро образумилась. При Александре Благословенном правительство поразмышляло над «Всемилостивейшей грамотой» графа А. Воронцова и над планом Сперанского (оба проекта предлагали нечто вроде протопарламента), но решило воздержаться от опасных экспериментов.

Однако в новые времена, наступившие после николаевского «застоя», идея народного представительства возникла вновь – и не могла не возникнуть на волне всестороннего обновления российской жизни. Парламент становится главной мечтой передовых кругов российского общества. В периоды, когда в правительстве задавала тон «либеральная партия», попытки создания конституции предпринимались и на государственном уровне, но такие робкие, что правильнее будет назвать их поползновениями.

Первая подобная инициатива принадлежала министру внутренних дел П. Валуеву, который во времена мягкие был либеральнее либералов, а во времена жесткие делался жестким государственником. В 1863 году возникла ситуация, требовавшая одновременно мягкости и жесткости. Разразилось восстание в Польше. Подавлять его пришлось силой оружия. Это вызвало протесты по всей Европе, где сразу

вспомнили о николаевских временах, когда царская власть вела себя по-жандармски. Возникла угроза новой антироссийской коалиции, а сил для большой войны у Петербурга не было. На Западе, особенно в Англии, государственная политика в значительной степени зависела от общественного мнения, которому надо было продемонстрировать, что Россия теперь не та, что прежде. Тут Валуев и представил свой проект, призванный, с одной стороны, успокоить Европу, а с другой сплотить вокруг трона всех умеренных отечественных прогрессистов.

В 1863 году подготовка земской реформы уже входила в завершающую стадию. Отчего бы не увенчать пирамиду уездных и губернских земств неким всероссийским собранием «гласных», которое будет участвовать в работе Государственного совета в качестве его нижней палаты, предлагал в докладной записке императору Валуев. Нет-нет, это ни в коем случае не парламент, уверял министр. Во-первых, гласные будут съезжаться только раз в год. Во-вторых, его прерогативы ограничатся лишь хозяйственными вопросами. В-третьих, часть депутатов будет не избираться, а назначаться самим правительством. В-четвертых, мнение съезда в любом случае будет сугубо совещательным – оно передается в Государственный совет, а окончательное решение останется за императором.

Даже в таком травоядном виде проект всенародного (на самом деле преимущественно дворянского) представительства самодержцу не понравился. Но международный кризис усугублялся, и Александр некоторое время колебался. Он даже санкционировал возрождение финляндского парламента, Сейма – чтобы продемонстрировать непокорным полякам, что империя готова либеральничать в спокойных регионах. Однако польскую проблему наконец решили при помощи старого испытанного средства – штыков и виселиц. Угроза европейской войны отпала, и государь с облегчением похоронил опасное начинание.

В последующие годы конституционный проект, подобно птице Феникс, воскресал еще несколько раз.

В начале 1865 года оппозиционно настроенное дворянство второй столицы, Москвы, направило государю адрес о созвании «собрания выборных людей от земли русской для обсуждения нужд, общих всему государству». Петиция была оставлена без последствий.

Год спустя с новым проектом выступил тот, чье мнение проигнорировать было невозможно, – великий князь Константин

Николаевич, незадолго перед тем назначенный председателем Государственного совета, а стало быть действовавший в пределах своей прямой компетенции. Он предлагал создать при Совете не один, а два совещательных съезда: земский, делегаты которого избираются губернскими земскими собраниями, и дворянский – от собраний дворянских.

Но прогремел выстрел Каракозова и положил конец первому, безоблачно либеральному периоду александровского царствования.

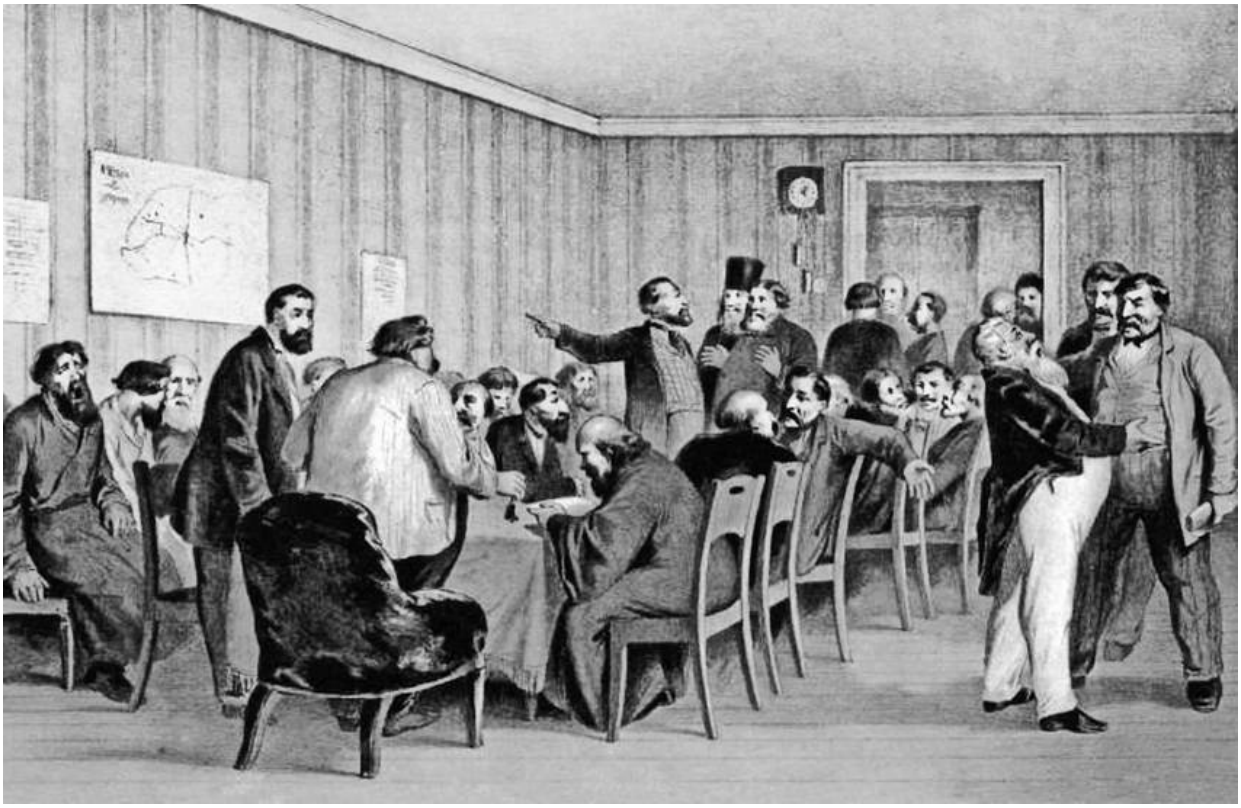
Покушение на священную особу государя – первое в российской истории (гвардейские перевороты в счет не шли) – было воспринято Александром как государственный кризис, что, в общем, соответствовало действительности. На жизнь безмерно строгого отца никто из подданных не покушался, а на либерального сына поднял руку представитель того самого народа, который Александр облагодетельствовал! Вывод тут мог быть только один: послабления ведут к хаосу и развалу государства.

Реформаторский кабинет сменился консервативным, во внутренней политике наступила эпоха строгостей. Но и в следующее нелиберальное десятилетие поиски какой-нибудь квазиконституционной формы правления продолжались.

Самую серьезную попытку в этом направлении предпринял деятель совершенно неожиданный – шеф жандармов и самый влиятельный член правительства П. Шувалов. Дело в том, что граф Петр Андреевич вовсе не являлся приверженцем возврата к безраздельному самодержавию николаевского типа. Шувалов был англоман, сторонник аристократического правления, то есть более активного участия дворянства в управлении страной. Таков же был разработанный им проект, в составлении которого участвовал и П. Валуев, всегда шедший в ногу со временем.

В 1873–1874 годах шуваловская фракция настойчиво продвигала концепцию привлечения дворянских и земских представителей к «управлению хозяйственными интересами страны». Шеф жандармов писал: «Громадный механизм, созданный в виде земских учреждений, остающийся без умственной пищи, вселяет опасения политического свойства». Таким образом, земцев следовало занять хозяйственными заботами, а дворян – приблизить к власти. Если бы шуваловский проект

был принят, у России появился бы прообраз парламента, но преимущественно дворянского.



Земское собрание в провинции. *К. Трутовский*

Конституционная затея Шувалова, как ни парадоксально, провалилась из-за противодействия либеральной «милютинской партии». Д. Милютин сказал: «Я, конечно, не разделяю этих стремлений не потому, чтобы вообще был противником конституции – кто же из просвещенных людей станет порицать эту форму правления, – а потому, что если будет у нас когда-нибудь конституция, то это должна быть конституция настоящая, то есть вполне демократическая». Позиция эта сегодня представляется совершенно демагогической, потому что никакой «вполне демократической конституции» в России появиться не могло, и лучше уж аристократический парламент, чем вообще никакого. Но военному министру удалось сыграть на недоверии императора к любым конституционным начинаниям, и в итоге парламентская инициатива реакционного министра провалилась, а сам он лишился поста и отправился послом в свою любимую Англию.

Патриотический подъем второй половины семидесятых, вызванный солидарностью с балканскими славянами и последующей войной, привел всё российское общество в движение – и движение это распространилось не только в одобряемых правительством направлениях.

Одним из первых актов новосозданного болгарского государства было принятие конституции (1879). В России заинтересованно наблюдали за тем, что происходит в молодой стране – ведь за ее освобождение отдало жизнь много русских солдат. Сразу же прокатилась волна возмущения: что же, болгары достойны конституции, а мы нет?

К этому времени в империи уже развернулись и окрепли земские учреждения, сплотившие многих общественно активных людей и давшие им возможность самоорганизоваться. Казалось естественным, что система народного представительства должна перейти с регионального уровня на всероссийский.

Правительство, естественно, опасалось подобных настроений и делало все возможное, чтобы земства не выходили за пределы местных интересов. Административное решение проблемы – запрет созывать межрегиональные совещания – лишь политизировало изначально аполитичную и лояльную властям земскую общественность. Земские деятели начали устраивать съезды нелегально. Дело дошло до создания подпольного «Земского союза».

Влиятельное Харьковское земство первым выступило с политическими требованиями: смягчения полицейских мер и продолжения реформ. Сразу же последовал строжайший запрет министра внутренних дел Макова обсуждать на земских собраниях какие-либо политические вопросы. Но земские собрания еще нескольких губерний проигнорировали запрет. Они требовали конституционных свобод.

В самой Москве в 1879 году состоялся нелегальный съезд земских деятелей, принявший несколько довольно радикальных решений: требовать свободы слова, прав личности и народного представительства.

Происходило это на волне революционно-террористического движения и напугало власть еще больше, чем бомбы и кинжалы, потому что народовольцев было мало и покушались они на отдельных

лиц, а либералов было много, и их оппозиционность угрожала всему режиму.

В этой ситуации новый «сильный человек» М. Лорис-Меликов получил от царя полную поддержку в стратегии разделения демократического движения на «мирное», которое можно будет контролировать, и «немирное», которое нужно истребить.

Процесс маргинализации революционеров и приручения либералов происходил быстро и довольно успешно. У последних правление Лорис-Меликова получило ироническое, но в то же время приязненное название «диктатура сердца» – нечто вроде будущего «социализма с человеческим лицом».

Репрессии сворачивались, земству оказывалось подчеркнутое уважение, прессе дали больше воли, а главное стало известно, что в правительстве готовится нечто «конституциеобразное». Либеральному сообществу этого, в общем, было вполне достаточно. Поддержка революционного движения пошла на убыль.

В конце января 1881 года Лорис-Меликов представил царю свой проект, в котором решительно отвергался западный парламентаризм, «чуждый русскому народу» и чреватый смутой «со всеми ея неисчислимыми последствиями». Министр писал: «Опыт представительных учреждений за границей показывает, что они не располагают к стабильности; что бы там ни говорили о парламентах, они только мешают управлять как следует». В то же время граф не поддерживал идею воскрешения земских соборов как безнадежно архаичную. Предлагалось повторить удачный опыт конца 1850-х, когда были учреждены комиссии по подготовке крестьянского освобождения, только теперь эти комиссии становились частично выборными и должны были заняться обсуждением более широкого круга общественных преобразований. Речь шла о создании не законодательного, а всего лишь «законосовещательного» органа, но введение народного представительства даже и в таком усеченном виде стало бы огромным событием, меняющим конструкцию государства.

Чтобы заручиться высочайшим одобрением, слово «конституция» Лорис-Меликов не употреблял, а в аргументирующей части делал упор на то, что это средство прежде всего «полезно и необходимо для дальнейшей борьбы с крамолою». Особое совещание под председательством вечного Валуева одобрило проект, 17 февраля дал

свое согласие и государь. Еще через несколько дней был составлен проект правительственного сообщения о созыве земских представителей. Как всё у Лорис-Меликова, дело двигалось с какой-то нероссийской быстротой. Уже первого марта Александр передал указ в Совет министров для финального рассмотрения, назначенного на четвертое марта.

Но тогда же, в первый день весны, разразился политический кризис: царя-освободителя убили террористы. Правительственный курс сделал поворот на 180 градусов, лорис-меликовский проект и сам Лорис-Меликов были отставлены. В следующий раз к конституционным экспериментам империя вернется только через четверть века, когда общественный раскол зайдет уже слишком далеко и подобными средствами его будет не излечить.

Остается вопрос, было ли это возможно в начале восьмидесятых? Вопрос не праздный и к жанру альтернативной истории отнюдь не относящийся. В марте 1881 года только роковое стечение обстоятельств помешало первому конституционному плану осуществиться. Что же произошло бы, если бы энергичный и настойчивый «диктатор сердца» довел дело до конца?

Попробуем смоделировать эту ситуацию, тем более что она в российской истории довольно скоро, в 1905 году, при созыве первой Думы, повторится.

Вероятно, произошло бы то же самое. На первых порах передовые люди эпохи удовлетворились бы предоставленной трибуной. Очень скоро им стало бы недостаточно «хозяйственных тем», тем более что почти любой подобный вопрос был прямо или косвенно связан с политической системой. Далее «законосовещатели» пожелали бы стать законодателями, и собрание начало бы радикализироваться. В ответ самодержавие было бы вынуждено вновь надеть «ежовые рукавицы». Закончилось бы это скорее всего баррикадами и диктатурой уже отнюдь не сердца. На введение подлинной демократии правительство ни за что не пошло бы – разноплеменные области империи удерживались под контролем Петербурга лишь благодаря сильной сверхцентрализованной власти. Александр понимал это лучше всех. Еще в 1865 году, после вышеупомянутого конституционного демарша дворян московской губернии царь сказал представителю фрондеров Голохвастову: «Вы [податели петиции], конечно, уверены, что я из мелочного тщеславия не

хочу поступиться своими правами. Я даю тебе слово, что сейчас, на этом столе, я готов подписать какую угодно конституцию, если бы я был убежден, что это полезно для России. Но я знаю, что, сделай я это сегодня, и завтра Россия распадется на куски».

И действительно распалась бы. Реформы реформами, но прежде всего Россия оставалась империей и жила имперскими интересами.

Интересы империи

Внешняя политика

В этой главе речь пойдет, собственно, лишь об одном из трех направлений российской внешней политики – западноевропейском. Две другие составляющие, балканская и азиатская, будут подробно рассмотрены позднее: балканская – в главе, посвященной турецкой войне, азиатская – в главе о колониальной экспансии. При всей своей важности они имели для Петербурга второстепенное значение сравнительно с главной дипломатической задачей: восстановить международный авторитет державы, подорванный крымским поражением.

Самой знаковой переменой в новом правительстве была замена многолетнего министра иностранных дел графа Нессельроде на князя А. Горчакова, бывшего посланником в Вене. Заслуга князя Александра Михайловича состояла в том, что он сумел удержать враждебную Вену от прямого вступления в войну – это стало бы для России смертельным ударом.

Поменяли и посланников во всех существенных иностранных столицах.

Отставка Нессельроде и его ставленников подавала Европе сигнал, что с идеями Священного Союза теперь покончено и что Россия больше не станет активно вмешиваться в большую политику. В своем программном циркуляре Горчаков сформулировал новый курс так: «Император решился посвятить преимущественную заботливость благосостоянию своих подданных и сосредоточить на развитии внутренних средств страны деятельность, которая будет распространяться за пределы империи, лишь когда того безусловно потребуют положительные пользы России». И далее: «Говорят, Россия дуется (La Russie boude, dit-on). Нет, Россия не дуется, а сосредотачивается в самой себе».

Эта декларация международной пассивности абсолютно не соответствовала истинным намерениям министра. Наоборот, при Горчакове российская дипломатия будет действовать очень активно и маневренно, просто изменятся методика и риторика. Петербург теперь

проповедовал уважение к суверенитету менее сильных государств и решительно осуждал диктат великих держав. Если николаевский курс именовали «медвежьим», горчаковский стали называть «лисьим». Что ж, после Крыма у ослабевшей России иного выхода и не было.

Внешнюю политику этого четвертьвекового периода можно разделить на два периода. Сначала (1856–1871) Россия вела упорную борьбу за отмену унизительных условий Парижского договора, играя на противоречиях между странами-победительницами; потом, добившись своего, перестала «сосредотачиваться в самой себе» и вновь начала действовать по-имперски.

По заключении мира, оказавшись в изоляции, Россия прежде всего должна была обзавестись союзниками. Самым естественным ходом казалось сближение с Пруссией, которая единственная из больших стран во время войны держалась по отношению к Петербургу более или менее сочувственно. К этому тяготел и новый царь, лично расположенный к берлинскому двору. Но в то время Пруссия была наименее значительной из великих держав, и ее поддержка мало что дала бы. Выбирать надо было между вчерашними врагами – Лондоном, Парижем и Веной (Австрия напрямую в войне не участвовала, но ее вооруженный нейтралитет стал одной из причин русского поражения).

При всей личной неприязни Александра к авантюристу Луи-Наполеону единственно возможным партнером казалась Франция. «Вероломную» Австрию и «вечно гадящую Англичанку» в Петербурге ненавидели, французы же выказывали готовность к сближению.

Дело в том, что Маленький Наполеон (как называли племянника великого завоевателя) после крымского триумфа, мало что давшего его стране, нацелился на Италию, контроль над которой тогда принадлежал Австрии. Император очень нуждался в партнере, который сдерживал бы австрийцев. Так у российского правительства появилась отличная возможность, во-первых, составить важный альянс, а во-вторых, расквитаться с Веной.

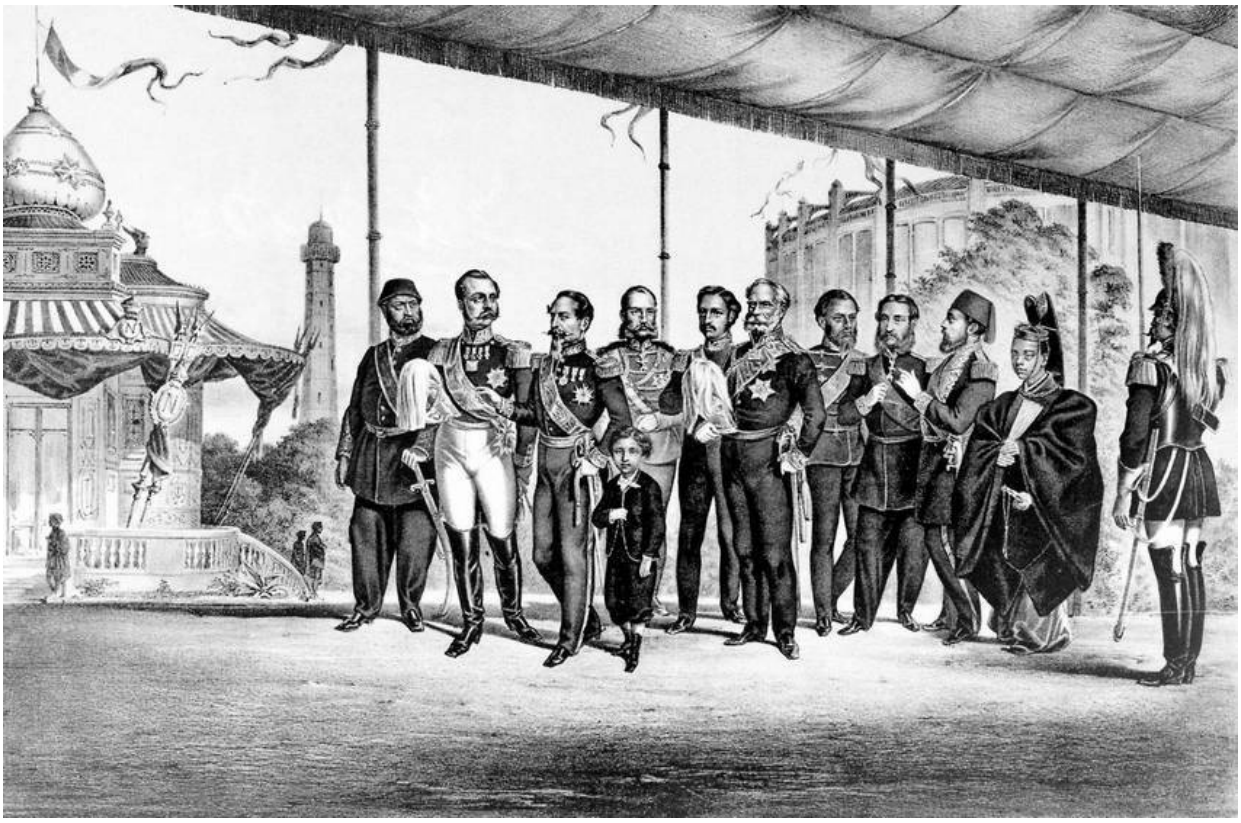
В ознаменование важности союза партнеры взаимно повысили уровень дипломатического представительства. В 1856 году в Париж посланником отправился крупнейший деятель николаевского царствования граф П. Киселев (что заодно позволило освободить занимаемое им кресло министра государственных имуществ);

посланником в Петербург был назначен граф де Морни, единоутробный брат Луи-Наполеона.

В следующем году состоялась встреча двух государей, французского и русского. Отец Александра всячески третировал Наполеона III, не признавая этого парвеню ровней, теперь же ситуация переменилась, и в искательном положении находился русский император. Александру Николаевичу это было мучительно, а самоуверенный француз еще и позволил себе заступаться за поляков, то есть вмешался во внутренние дела России. Выйдя после встречи, царь сказал: «Со мною посмели заговорить о Польше!» – так громко, что это было услышано всеми.

Петербург все-таки оказал Парижу дипломатическую поддержку во время франко-австрийской войны 1859 года, но альянс с Луи-Наполеоном продлился недолго и был разорван из-за рокового польского вопроса. Во время восстания 1863 года французский император был вынужден занять резкую антироссийскую позицию, поскольку общественное мнение в его несамодержавной стране было целиком на стороне поляков. На этом дружба и закончилась.

Россия предпочла другого партнера, пускай менее сильного, но проявившего больше понимания к «польским затруднениям» Петербурга: Пруссию.



Августейшие особы на Парижской выставке. *Литография. 1867 г.*

В центре композиции русский царь и французский император, погруженные в беседу, но к этому времени отношения между Петербургом и Парижем уже холодные

К тому же баланс силы и слабости вскоре должен был перемениться. Пруссия готовилась к тому, чтобы превратиться в Германию.

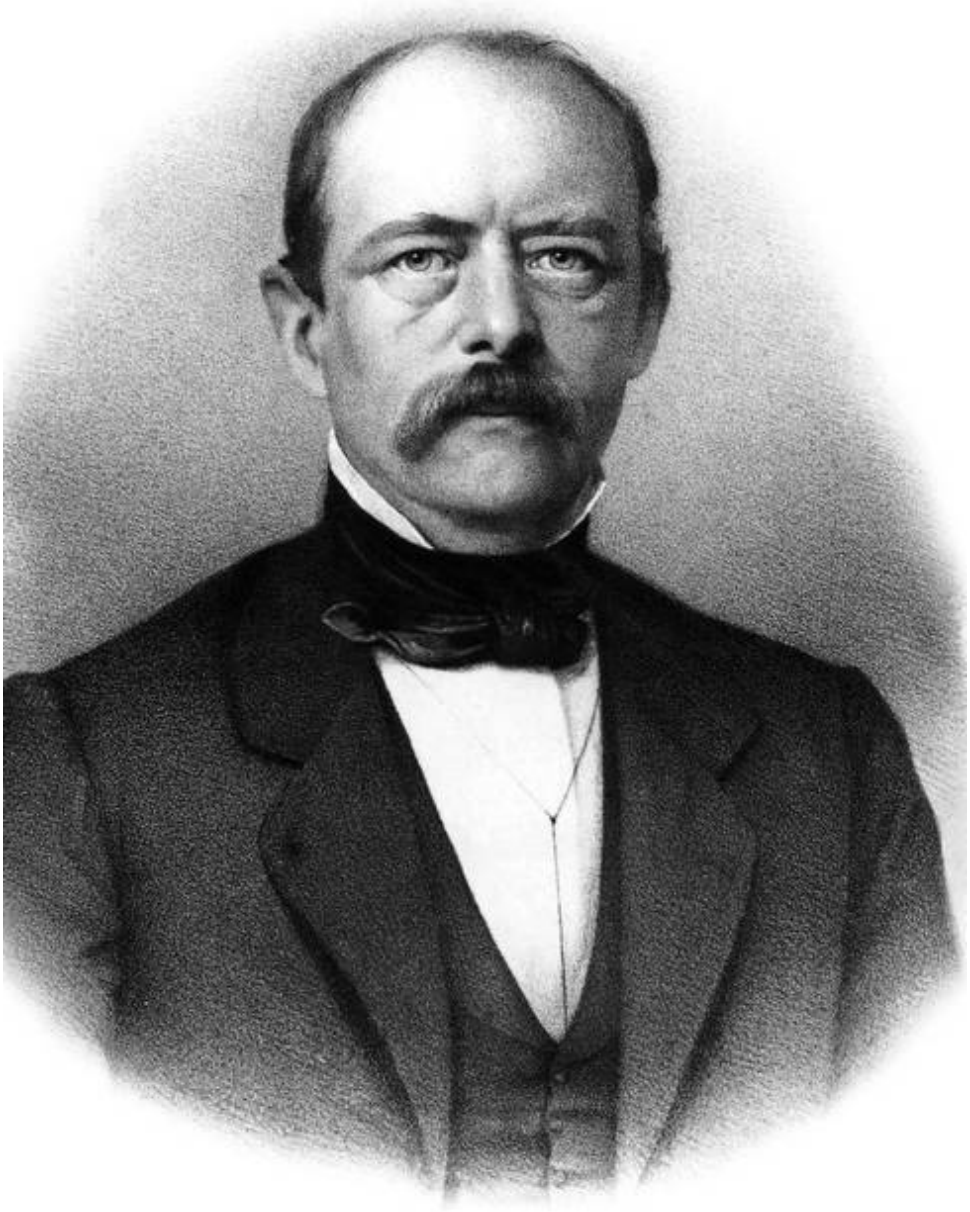
> Важную роль в этой переориентации сыграл самый главный персонаж европейской политики второй половины столетия – Отто фон Бисмарк (1815–1898), большая карьера которого началась с назначения прусским послом в Петербург (1859). Бисмарк сразу установил особые отношения с русским министром иностранных дел, который считал более молодого дипломата чуть ли не своим учеником. (В будущем ученик переиграет и затмит учителя.) Прусский посол выучил язык, наладил хорошие отношения со всеми нужными людьми и вообще прослыл русофилом. Но на самом деле Бисмарк был

единственно и исключительно германофилом, что тогда означало приверженность идее объединения Германии. Этой цели он и посвятил всю свою деятельность.

Без российской поддержки осуществить великий проект было невозможно, и на этом этапе Бисмарк всячески способствовал сближению двух стран. Дело пошло на лад, когда на прусский престол взошел Вильгельм Первый (1861), которого связывали самые сердечные отношения с племянником – русским царем. В это время Бисмарк уже служил послом во Франции, но в следующем году был вызван в Берлин возглавить правительство. С этого момента внешнеполитическая активность Пруссии – сначала дипломатическая, а затем и военная – чрезвычайно активизируется.

Бисмарк решил воспользоваться франко-русскими разногласиями по польскому вопросу, и состоялся взаимовыгодный (хоть официально и не оформленный) обмен: Пруссия проявила солидарность с российской политикой в Польше, а год спустя Россия с точно такой же снисходительностью отнеслась к прусской аннексии Шлезвиг-Гольштейна, отобранного у Дании. Эта уступка была особенно значительна, поскольку маленькое северогерманское государство издавна считалось зоной русских интересов (все цари, начиная с Петра III, происходили от гольштейнского герцога Карла-Фридриха, женившегося на дочери Петра Великого).

Но это было лишь первой ступенькой грандиозного бисмарковского плана. На следующем этапе Пруссии предстояло победить Австрию в давнем споре об общегерманском лидерстве. Необходимым условием для победы в этом конфликте был нейтралитет России – и в Петербурге не стали вмешиваться, когда в 1866 году в короткой, победоносной войне пруссаки разгромили одряхлевшую австрийскую империю.



Отто фон Бисмарк. *Литография. 1866 г.*

После этого объединению Германии под эгидой династии Гогенцоллернов могло помешать только противодействие Франции, которая никак не могла допустить создания у своей границы столь могущественной державы.

И опять между Берлином и Петербургом возникло нечто вроде обменной операции. Россия не помешала Пруссии развязать войну 1870 года, а затем не противодействовала провозглашению всегерманского

государства в 1871 году – а правительство Бисмарка не стало чинить препятствий для осуществления давней мечты Петербурга о пересмотре итогов Крымской войны.

Уже осенью 1870 года, вскоре после разгрома французов под Седаном, Горчаков циркулярной депешей известил все государства, что Россия более не намерена соблюдать запрет на создание Черноморского флота. Момент был исключительно удачный. Франция была повержена, Австрия еще не оправилась от поражения. Англии из-за Черного моря воевать тоже не хотелось.

Конечно, разразился дипломатический кризис, в Петербург полетели ноты протеста, но новая великая держава Германия отблагодарила Россию за поддержку. При посредстве Бисмарка была собрана Лондонская международная конференция, которая в феврале 1871 года отменила самые унизительные статьи Парижского договора, запрещавшие России иметь военный флот в собственных водах.

За это историческое свершение Горчаков получил титул светлейшего, а русская внешняя политика переориентировалась на новые цели.

Международная ситуация совершенно переменилась. Прежний континентальный лидер Франция потеряла свои позиции, но в самом центре континента появилось новое государство с мощной экономикой и сильной армией, которое к тому же состояло в тесном союзе с Австрией, фактически признавшей себя сателлитом Берлина.

Еще некоторое время по инерции Россия продолжала следовать фарватером бисмарковской политики, стратегия которой на этом этапе сводилась к обеспечению безопасности пределов новосозданного Рейха. Угроза ему могла исходить только от Франции, ослабленной, но не уничтоженной. По французской прессе, общественному мнению, политическим сигналам было ясно, что рано или поздно Париж попытается взять реванш. Для Берлина было важно сделать подобные притязания совершенно нереалистичными, поэтому в первые послевоенные годы германское правительство способствовало созданию тройного германо-австро-российского союза. Он был составлен в 1873 году и получил название «Союза трех императоров» («Драйкайзербунд»).

Этому альянсу была предуготована очень короткая жизнь, потому что интересы его участников мало в чем совпадали, а по ряду позиций и противоречили друг другу.

Начать с того, что теперь России стало невыгодно дальнейшее ослабление Франции и усиление Германии, которая и так претендовала на европейское главенство. Союз имел бы смысл для Петербурга, если б Берлин согласился на заключение оборонительного альянса в случае агрессии со стороны некоей третьей державы, но Бисмарк проявлял подозрительное нежелание заключать подобный договор даже в тайном режиме.

Это и неудивительно, поскольку у Германии уже существовала аналогичная секретная договоренность с Австрией. В обмен на отказ от претензий на верховенство в немецком мире Вена получала карт-бланш на Балканах с обещанием всесторонней поддержки. При этом обеим сторонам было очевидно, что в этом регионе австрийские интересы столкнутся с российскими.

Русско-германские дружественные визиты и горячие заверения в искренности намерений тут ничего изменить не могли.

В 1875 году на западе континента возникла опасная ситуация, получившая название «Военная тревога». Во Франции все громче звучали голоса сторонников воинственной партии, и германское правительство стало готовиться к превентивному удару – пока потенциальный противник не восстановил свои силы. Но Россия дала понять, что не позволит добить Францию. С этого времени начинается постепенное охлаждение между Петербургом и Берлином. Оно еще больше обострилось в результате Балканской войны и дипломатических маневров Бисмарка по поводу перезаключения условий русско-турецкого мира. В 1879 году произошло событие в дипломатии почти небывалое: не разрывая «Драйкайзербунда», двое его участников, Германия и Австрия, заключили тайный оборонительный союз против России. В тексте без экивоков заявлялось: «В случае если бы одна из обеих империй… подверглась нападению со стороны России, то обе высокие договаривающиеся стороны обязаны выступить на помощь друг другу со всею совокупностью военных сил своих империй».

С точки зрения большой истории европейская политика России этого периода выглядит мягко говоря недальновидной. Решив одну, в

сущности, локальную задачу – о восстановлении Черноморского флота (который потом не очень-то и пригодится), Россия поспособствовала тому, что под европейское здание были заложены две мины замедленного действия.

Первой было создание объединенного германского государства, готового решать возникающие проблемы силой оружия. Без поддержки Петербурга добиться этой цели Бисмарку было бы намного трудней. В результате захвата Эльзаса и Лотарингии между Францией и Германией возникла непримиримая вражда, которая стала доминантой всей европейской политики на десятилетия.

Другой очаг напряженности возник на Балканах, между Россией и Австрией (Турция в серьезный расчет уже никем не бралась). Экспансионистские планы Вены касательно славянских земель тоже были косвенным результатом создания германского Рейха.

Из двадцать первого века может показаться, что горчаковско-бисмарковские дипломатические менуэты – предание далекого прошлого, но на самом деле мы сегодня живем в мире, судьба которого была предрешена именно тогда, полтора века назад.

Лихорадочное составление военных союзов, в конечном итоге приведшее к двум мировым войнам, революциям и сонму других катастроф, не в последнюю очередь было результатом горчаковской дипломатии, нацеленной на решение сегодняшних задач и не задумывающейся о дне завтрашнем.

Внутренние войны

В первые годы правления Александра II империи пришлось вести две большие внутренние войны на национальных окраинах.

Первая из них, северокавказская, досталась новому государю по наследству. Началась она еще при Александре I и всё николаевское царствование продолжалась с переменным успехом. Людские и материальные затраты намного превосходили всякую выгоду от завоевания этого бедного и сурового края, но обратный ход империя давать не умела. Несколько поколений горцев, военных и казаков гибли в ущельях и теснинах, вырубались леса, уничтожались посевы и колодцы, а конца войне всё не было. Оставалось два очага упорного сопротивления. В западной части Кавказа не сдавались черкесы

(адыги). На востоке существовало горное государство Шамиля, имевшее собственную армию и упорно отбивавшее все атаки царских войск.

Во время войны 1853–1856 годов для боевых действий против турок в Закавказье было собрано большое количество войск. После подписания мира они должны были вернуться в Россию, и тут молодой генерал Д. Милютин подал военному министру докладную записку с предложением использовать эти силы для разгрома Шамиля. Предложение поддержал начальник штаба кавказского наместника князь А. Барятинский, которому и была поручена войсковая операция.

Летом 1857 года Кавказская армия начала наступление на Дагестан с трех сторон. Большое численное преимущество обеспечивало успех. Войска двигались без спешки, основательно укрепляясь на захваченных участках. Лишь к весне 1859 года кольцо окончательно сомкнулось. 1 апреля пала столица Шамиля – Ведено.

Последний бой имам, у которого осталось только 400 мюридов, дал в горном ауле Гуниб. Барятинский привел туда 16 тысяч солдат. Для русских было очень важно взять легендарного вождя горцев в плен. Если бы Шамиль погиб в бою, это означало бы, что его место занял бы кто-нибудь другой, как это произошло после смерти первого имама Кази-Муллы в 1832 году и второго имама Гамзат-бека в 1834 году.

Переговоры ничего не дали. Несмотря на безнадежность ситуации, сдаваться Шамиль отказался. 25 августа 1859 года войска пошли на штурм. Лишь после того, как девять десятых гарнизона погибли, имам наконец капитулировал.

Пленение Шамиля. *А. Кившенко*

В плену его содержали с чрезвычайной уважительностью. Великого врага империи, четверть века проливавшего русскую кровь, с почетом принимали в обеих столицах, с ним неоднократно встречался государь, пожаловал его потомственным дворянством и поселил в недальней ссылке, в городе Калуга, со всеми удобствами. Объяснялась подобная обходительность не только природной мягкостью Александра, но и соображениями политическими. То, что Шамиль из благодарности в конце концов дал царю присягу, сделало для замирения Кавказа больше, чем любая войсковая операция.

В конце концов уже неопасному старику даже позволили отправиться в Мекку, где в 1871 году Шамиль и умер.

Однако со взятием аула Гуниб война далеко еще не закончилась. Справиться с сопротивлением западнокавказских горцев оказалось труднее, потому что оно не было централизованным и одним штурмом покончить дело было невозможно.

В 1861 году император лично отправился на Кавказ и встретился с представителями шестидесяти непокорных племен. Им был предложен выбор: либо сложить оружие и переселиться на контролируемую властями территорию, либо с миром отправиться из родных мест к своим турецким единоверцам. Ни покориться, ни покинуть родину горцы не пожелали. Война продолжалась еще целых три года, прежде чем армии удалось подавить последние очаги вооруженной борьбы.

Но надежды на то, что на западном Кавказе вновь не вспыхнет восстание, когда полки вернутся в Россию, у победителей не было, и русское правительство пошло на беспрецедентную меру. Ее логику с солдатским прямодушием объясняет дореволюционный военный историк генерал Р. Фадеев: «Исключительное географическое положение черкесской стороны на берегу европейского моря, приводившего её в соприкосновение с целым светом, не позволяло ограничиться покорением населявших её народов в обыкновенном значении этого слова… Нам нужно было обратить восточный берег Черного моря в русскую землю и для того очистить от горцев все прибрежье. Надобно было истребить значительную часть закубанского населения, чтобы заставить другую часть безусловно сложить оружие. Изгнание горцев и заселение западного Кавказа русскими – таков был план войны в последние четыре года… Земля закубанцев была нужна государству, в них самих не было никакой надобности».

Как и предлагал Александр, черкесов в несколько этапов переселили в Османскую империю. Из некогда многочисленного народа к концу войны оставалось 350–400 тысяч человек. Больше половины были насильно отправлены на чужбину, причем в дороге многие от лишений погибли. По меркам нашего времени эту операцию иначе как геноцидом не назовешь, но в девятнадцатом веке, в эпоху колониальных захватов и поголовного истребления «неудобных туземцев», никто в мире подобным решением черкесского вопроса особенно не возмутился.

После «умирения» Северного Кавказа этот проблемный регион был поделен на административные округа и некоторое время

существовал в особом полувоенном режиме. Два казачьих войска, Кубанское и Терское, присматривали за порядком, но полного спокойствия в горах так никогда и не наступит. Мелкие восстания и абреческое движение не прекратятся до самого конца империи.

Вторая внутренняя война возникла в бывших польско-литовских областях из-за действий самого Александра. То есть настоящей причиной, конечно, было присоединение инородного, иноверного и инокультурного региона, который не желал находиться в составе России. Удерживать в империи подобную область можно было только по-николаевски, жесткими полицейскими средствами. Прежнее правительство так и действовало, благодаря чему в течение четверти века, с 1831 года, поляки вели себя тихо, хоть по-прежнему противились русификации и ассимиляции. Дух независимости и жажда национального возрождения не исчезли, а были на время лишены голоса.

Одной из первых поездок нового государя было посещение Варшавы, где Александр обратился к представителям польского дворянства с речью, в которой призвал «оставить мечтания» и пригрозил, что «сумеет воспрепятствовать мечтам выступить из пределов воображения».

Эта риторика полякам была знакома и понятна. Тем же языком с ними разговаривал и родитель Александра. Никакого народного возмущения не произошло.

Но вскоре началась всероссийская либеральная «оттепель», достигшая и польских пределов. По амнистии вернулись ссыльные и политэмигранты, ослабли строгости, осмелела пресса, и Польша стала просыпаться.

Если царь ждал от своих польских подданных благодарности, то напрасно. Они хотели только одного – свободы.

Начались акции протеста, манифестации. Радикально настроенная молодежь была готова и к более решительным действиям. Летом 1862 года произошло покушение на царского наместника генерала Лидерса. Он был ранен.

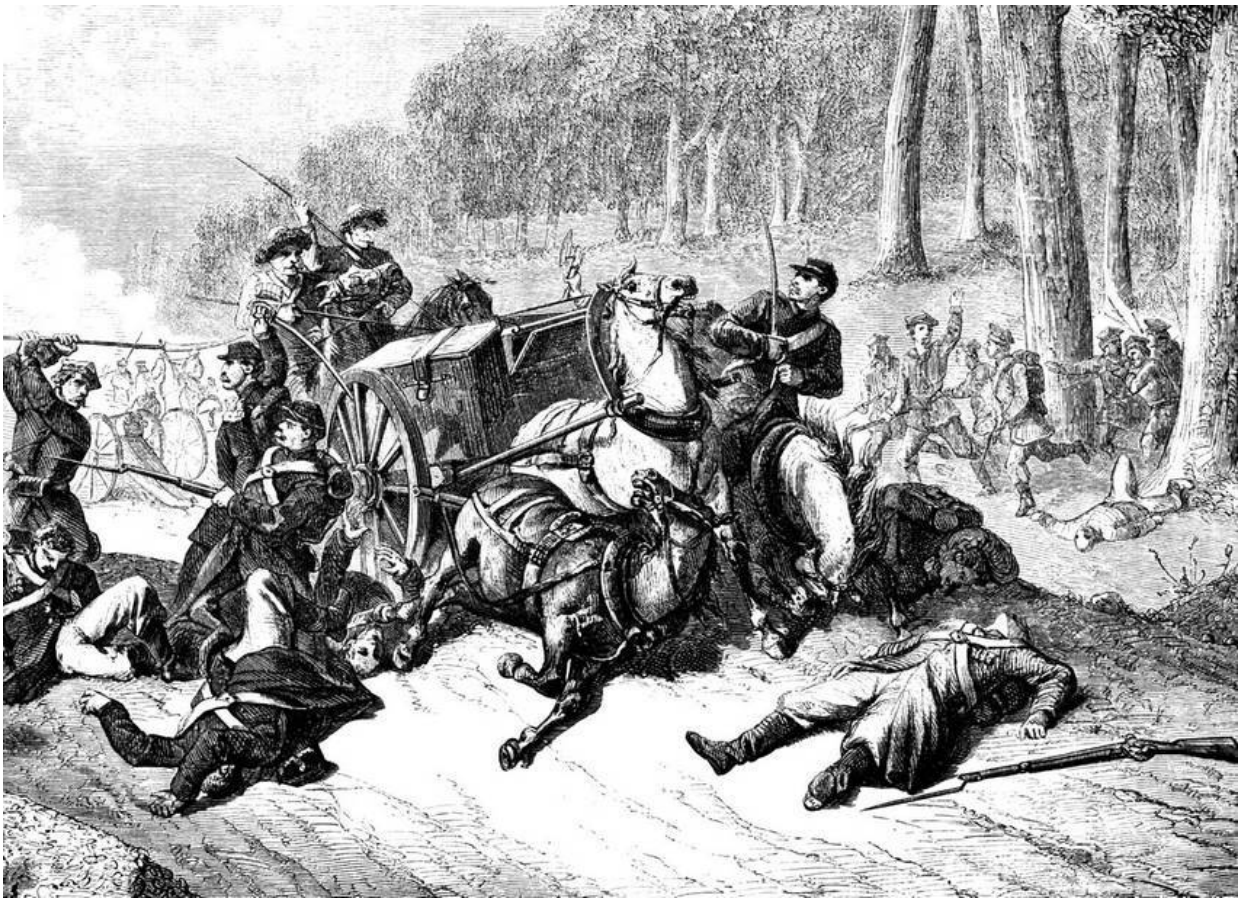
Новым правителем Царства Польского был назначен мягкий Константин Николаевич, вознамерившийся завоевать расположение поляков потоком милостей: предоставлением автономии и местного

самоуправления, назначением на административные должности поляков, повышением статуса польского языка и так далее. Но патриотам не нужно было от царизма никаких подачек, и в великого князя стреляли на следующий же день после прибытия. Пуля попала ему в плечо. Дважды покушались и на главу польского правительства маркиза Велепольского, хотя он, участник прошлого восстания и прогрессист, проводил реформы, призванные успокоить национальное чувство. Единственное, на что не могла пойти империя, – восстановить польское государство, а на меньшее вожди освободительного движения не соглашались.

Такое противостояние могло закончиться только взрывом. Он грянул в январе 1863 года, когда начальству пришла в голову мудрая идея изъять самый активный общественный элемент, радикально настроенную молодежь, призвав ее на армейскую службу. Был объявлен рекрутский набор, в списки включили 12 тысяч подозреваемых в крамольных настроениях.

Это стало искрой, попавшей в пороховой заряд. Предупрежденные заранее призывники бежали в леса, создав партизанские отряды. В польских, литовских и белорусских областях повстанцы стали нападать на русские гарнизоны и на представителей администрации. Движением руководил подпольный комитет, выпустивший манифест, в котором провозглашалась цель восстания: восстановление Польши в границах 1772 года. Вскоре появилось и временное правительство «Жонд Народовый», в котором, однако, так и не установилось единства, поскольку аристократическое крыло, «белые», все время конфликтовало с демократами-«красными». Представители крупного дворянства опасались, не перерастет ли национально-освободительное движение в социально-освободительное, не обратят ли крестьяне оружие против помещиков? Предводители Жонда все время менялись – за первые полгода это произошло восемь раз. Единого руководства так и не возникло. Вообще, в отличие от освободительной войны 1830–1831 годов, это восстание в основном имело вид партизанской борьбы. Повстанцы собирались в отряды, иногда довольно крупные, но ни один из них нельзя было назвать «армией». Они нападали, иногда успешно, на гарнизоны и обозы, но от крупных боев уклонялись, если же сражение все-таки происходило, то из-за слабой организации и нехватки оружия инсургенты неминуемо бывали разбиты.

Самым крупным успехом мятежников был захват русского обоза с оружием в Жиржинском лесу (восточная Польша) летом 1863 года. Две роты при двух пушках подверглись нападению большого партизанского отряда и были наголову разбиты. Русские потеряли убитыми и ранеными половину наличных сил и оба орудия. Командир повстанцев Михаил Гейденрейх, бывший русский офицер и выпускник Академии Генштаба, получил за это невеликое сражение чин генерал-полковника, но новых побед после этого не одерживал.



Жиржинский бой. *Гравюра*

С другой стороны, отсутствие у поляков единой армии затрудняло подавление восстания. Пожар вспыхивал то в одном месте, то в другом – войска не могли всюду поспеть. Из-за этого противостояние растянулось на много месяцев. Сложилась странная ситуация, при

которой в городах удерживалась царская администрация, а сельская местность в основном контролировалась повстанцами.

На Пасху царь выпустил манифест с призывом к примирению и обещанием полной амнистии всем, кто сложит оружие, а также пообещал полякам новые милости «соответственно нуждам времени», но в ответной декларации Жонда заявлялось, что восставшие удовлетворятся только независимостью.

Такая непреклонность отчасти объяснялась тем, что как раз в это время три великие державы, Франция, Англия и Австрия, выступили с дипломатическими нотами в поддержку восстания. Европейское общественное мнение было целиком на стороне инсургентов. Для них повсюду собирали средства, закупали оружие, снаряжали добровольцев. Позднее к трем державам присоединились и другие страны: Италия, Швеция, Испания, Нидерланды, Дания, Португалия, Турция. Все призывали царя отказаться от насилия и вступить с Жондом в переговоры. Одни правительства требовали созыва международной конференции по польскому вопросу, другие – даже создания антироссийской коалиции. Как уже было сказано, объединению всей Европы против Петербурга помешала твердая позиция Пруссии, у которой были свои причины, во-первых, поддерживать Россию, а во-вторых, бояться возрождения независимой Польши, которая наверняка потребовала бы у Берлина вернуть ее западные земли.

Пока Европа протестовала, русское правительство приняло решение перейти от увещеваний к суровости. На территории, охваченной «беспорядками», было введено военное положение и начали действовать военно-полевые суды, имевшие право казнить тех, кто захвачен с оружием в руках.

В Северо-Западном Крае (бывшая Литва) подавлением руководил решительный М. Муравьев, бывший министр государственных имуществ, в молодости член декабристских обществ. После того, как наместник заявил, что он «не из тех Муравьевых, которых вешают, а из тех, которые вешают», в левых кругах за старым генералом закрепилось прозвище «Вешатель». Муравьев действительно ввел в обычай публичные повешения активных повстанцев и вообще действовал с демонстративной жесткостью, заявляя, что тем самым сокращает число будущих жертв.

Видя, что подобные меры результативны, царь сменил наместника и в Царстве Польском. Либеральный Константин Николаевич был убран. В рескрипте на имя великого князя император сетовал, что польский народ «оказался недостойным данного ему в лице любезного мне брата залога благосклонных намерений». Константин уехал за границу, а вместо него за дело взялся генерал николаевской выучки Ф. Берг, подавлявший польское восстание еще тридцать лет назад. Историк Татищев пишет: «Граф Берг деятельно взялся за усмирение мятежа и за восстановление порядка в крае, прибегая к мерам, уже изведанным на опыте генералом Муравьевым в Литве» – то есть стрелял, вешал, арестовывал. Всего в Польше и Литве были произведено около четырехсот казней и не менее десяти тысяч человек отправились в ссылку или на каторгу.

> Ожесточение было взаимным. Повстанцы не только убивали представителей царской администрации, но и расправлялись с «коллаборационистами» из польской среды. Члены «Народной жандармерии» (их также называли «стилетниками») безжалостно уничтожали тех, кто сотрудничал с властью. От революционного террора погибло не меньше людей, чем на муравьевско-берговских виселицах. Существовали и повстанческие «жандармы-вешатели», которые хватали в селах и местечках политических противников, устраивали над ними быстрый судебный спектакль и тут же вешали на глазах у жителей.

Но у царских чиновников возможности по части расправ были шире и по мере введения новых войск всё увеличивались. Если перед восстанием в западных областях правительство держало 60 тысяч солдат, то к осени 1864 года, когда последние очаги мятежа наконец были подавлены, карательный контингент насчитывал уже 220 тысяч штыков и сабель – при том, что силы мятежников даже на самом пике борьбы суммарно не превышали пятидесяти тысяч плохо вооруженных бойцов.

Противостоять мощи всей Российской империи сторонники польской независимости не могли. Постепенно их ряды таяли. Кто-то погиб, кто-то сложил оружие, многие эмигрировали.

Муравьев-«Вешатель». *Гравюра из польского альбома, выпущенного к 50-летию восстания*

Поражение национально-освободительного движения объяснялось еще и тем, что основная масса населения, крестьянство, относилась к шляхте, руководившей восстанием, с враждебностью. У простонародья помещики не вызывали ни любви, ни доверия. Конфискации и показательные расправы, практиковавшиеся инсургентами, лишь обостряли эту неприязнь. В то же время российские власти в отношениях с сельскими жителями вели себя очень неглупо. Грабить местное население войскам строжайше воспрещалось, а всем крестьянам, кто помогал правительству, выдавалось щедрое вознаграждение (5 рублей за каждого схваченного мятежника – немаленькие деньги). В результате партизанские отряды – в сельской местности – лишь на одну пятую состояли из мужиков.

Это отрадное обстоятельство российские власти учли и в период переустройства польских областей, когда восстание было уже подавлено. Залог стабильности правительство видело в опоре на крестьянство.

Вот почему земельная реформа в этой части империи проводилась на особых условиях, и польские крестьяне оказались в более выгодном положении, чем русские. Размер выкупных платежей за наделы здесь был сильно уменьшен, а «временные обязательства» по барщине отсутствовали. Притом деревня получила права самоуправления, которых не удостоились города. Ни земств, ни городских дум в бывшем Царстве Польском не вводилось. В «бывшем», потому что с играми в автономию теперь было покончено. «Царство» упразднили. Отныне этот регион именовался Привисленским краем и приравнивался к территории остальной России. Административно он делился на десять обычных губерний, и всё делопроизводство в них русифицировалось. Привилегии для этнических поляков и разрешение на использование национального языка, дарованные при Константине Николаевиче, отменялись. Преподавание в школах могло вестись только по-русски. Одним словом, горе побежденным.

Движение на Восток

Империя – такая форма государства, которая не может не стремиться к экспансии во всех возможных направлениях. Поражение в Крымской войне сделало дальнейшее расширение российской зоны влияния на запад невозможным. Даже сохранение прежних завоеваний, польских, на время оказалось под вопросом. Остановиться пришлось и на балканском фланге. Но на востоке и на юге лежали бескрайние просторы, куда можно было двигаться, не встречая сильного сопротивления.

Еще в предыдущем столетии русские колонисты пересекли Тихий океан и добрались до американского континента. Правда, в середине девятнадцатого века эти владения превратились скорее в обузу. Из-за чрезвычайной отдаленности снаряжать туда экспедиции и содержать гарнизоны было делом высокозатратным, а прибыли резко сократились, потому что в Европе упал спрос на меха и «рыбий зуб», которые считались главным богатством тамошних русских колоний.

От калифорнийских владений Россия избавилась еще в 1841 году – за комичную сумму в 30 тысяч долларов. Десятилетие спустя в тех краях нашли богатейшие залежи золота, но этот конфуз российских государственных мужей ничему не научил.

В 1867 году решили избавиться от огромной, снежной, пустынной Аляски, от которой, казалось бы, никакого проку не было. Сумма сделки составила 7,2 миллиона долларов – все-таки не тридцать тысяч, но в конце века и на этой утраченной территории, словно в издевательство, будут обнаружены несметные запасы золота.

Дальневосточные интересы России в то время ограничивались ближним берегом Тихого океана, и здесь империя никому ничего уступать не собиралась. Все выгоды были на ее стороне. Слабый цинский Китай оказать противодействие не мог, Япония опасений тоже пока не вызывала, а настоящим конкурентам – Британии и Североамериканским Соединенным Штатам добираться в эти дальние места было непросто.

В пятидесятые годы Дальний Восток входил в Восточно-Сибирское генерал-губернаторство, которым руководил энергичный Н. Муравьев. Он начал осваивать устье Амура еще в конце николаевского царствования. В 1856 году Муравьев съездил в столицу и убедил нового императора в перспективности Приморского края. Получив необходимые полномочия, в 1858 году губернатор заключил с китайцами договор, по которому весь левый берег Амура признавался российским, а Уссурийский край поступал в совместное управление, что на деле означало полный русский контроль над этой богатой, но малозаселенной областью. Раздираемому гражданской войной Китаю (там бушевало восстание тайпинов) было не до северо-восточной окраины и тем более не до конфликтов с Россией. Тем не менее, Пекин долго отказывался ратифицировать навязанный договор и пошел на это лишь в 1860 году, когда положение Срединной империи стало совсем катастрофическим. При этом Уссурийский край окончательно вошел в состав России.

Так начинался Владивосток. *Гравюра 1863 г.*

В 1875 году Россия подписала договор о разграничении тихоокеанских островов с Японией. В обмен признания русских прав на весь Сахалин японцы получили Курильский архипелаг.

Если посмотреть на географическую карту, дальневосточные территориальные приобретения России выглядели впечатляюще, но это пока была не более чем заявка на будущее. Огромный край остался пустынным и труднодоступным. Доставить туда снаряжение из Петербурга быстрее и дешевле всего было кружным морским путем через Индийский океан.

Тем не менее Дальний Восток быстро наполнялся русскими переселенцами, военными пунктами и торгово-промышленными факториями. Появились новые города: Благовещенск и Николаевск (1856), Хабаровск (1858), наконец океанский порт с говорящим названием Владивосток (1860). Постепенно дальняя колония становилась частью России, но окончательно это произойдет еще нескоро, лишь с постройкой Транссибирской магистрали.

Освоение Дальнего Востока в шестидесятые и семидесятые годы не было для империи главным направлением экспансии. Гораздо больше средств и усилий тратилось на присоединение Средней Азии.

За широкими степями и безводными пустынями находились три небольших феодальных государства: ханства Кокандское, Бухарское и Хивинское. Впервые Россия попыталась подчинить этот богатый край еще в 1717 году, но экспедиция закончилась гибелью всех участников, и следующая попытка была предпринята только в 1839 году – в ходе соперничества с Англией за господство в Азии. Британцы активно подбирались к этому региону со стороны Индии, пробовали укрепиться в Афганистане, и Николай Первый решил нанести упреждающий удар.

Целью похода была Хива, где русские собирались по английскому образцу посадить на ханский престол своего ставленника. Выступили зимой, чтобы уберечься от жары и жажды, но бураны и морозы оказались не лучше раскаленного зноя. Войска с большими потерями отступили.

В 1853 году оренбургский генерал-губернатор В. Перовский с боем взял кокандскую крепость Ак-Мечеть, однако дальше не пошел, потому что в Европе началась большая война.

Но вот империя немного окрепла после поражения и вернулась к среднеазиатскому «проекту». Его первоначальные геополитические цели несколько померкли, поскольку Россия перестала быть «сверхдержавой», зато появился новый стимул, практического свойства.

Самой развитой и прибыльной отраслью российской экономики была текстильная промышленность. Она нуждалась в качественном недорогом хлопке. Раньше основным его поставщиком были американские плантации, но из-за Гражданской войны и морской блокады южных штатов поставки прекратились. Среднеазиатский хлопок был ближе и дешевле, к тому же в случае успеха Россия могла монополизировать этот источник сырья.

К шестидесятым годам завершилось присоединение Казахстана, начатое еще в середине восемнадцатого века. Русская кордонная линия сильно продвинулась на юг. Теперь организация большой среднеазиатской военной экспедиции существенно упрощалась.

Наступление началось в 1864 году – как только освободились войска, ранее занятые на Кавказе и в Польше. Первую операцию

объяснили необходимостью в создании новой кордонной линии, которая должна была соединить русские аванпосты (форт Перовский на западе и укрепление Верное на востоке) в целях защиты от грабительских набегов степных кочевников.

В мае два отряда, один из Верного, другой из Перовского, двинулись навстречу друг другу, соединились и в начале осени взяли кокандский городок Чимкент. Новый рубеж назвали Ново-Кокандской линией. Присоединенную область возглавил генерал-майор Черняев, человек честолюбивый, авантюрного склада. Такие конкистадоры всегда появляются в эпоху колониальных захватов и становятся главным их мотором, нередко действуя на собственный страх и риск.

Во второй половине девятнадцатого века великие и даже не очень великие западные державы (вроде Бельгии или Голландии), пользуясь своим военным превосходством, бесцеремонно прибирали к рукам все территории, которые считались «нецивилизованными», а стало быть не охраняемыми международным правом. Российское правительство вело себя точно так же, но при этом очень заботилось о «соблюдении приличий». В связи с походом 1864 года министр Горчаков разослал по иностранным столицам циркуляр с нравственным обоснованием колониализма. Этот документ грех не процитировать.

> «…Интересы безопасности границ и торговых сношений всегда требуют, чтобы более образованное государство имело известную власть над соседями, которых дикие и буйные нравы делают весьма неудобными… Дабы положить им предел, оно бывает вынуждено привести соседние народцы к более или менее близкому подчинению… Азиатские народы по преимуществу уважают только видимую и осязательную силу, нравственная сила ума и интересов образования еще нисколько не действует на них. Поэтому работа должна начинаться постоянно снова». Далее, разумеется, констатировалось, что другие страны ведут себя точно таким же образом: «Соединенные Штаты в Америке, Франция в Африке, Голландия в своих колониях, Англия в Ост-Индии – все неизбежно увлекались на путь движения вперед, в котором менее честолюбия, чем крайней необходимости». Заканчивалась нравоучительная депеша обещанием, что

дальше на юг Россия не двинется – чтобы британцы не забеспокоились раньше времени.

Последнее заверение объяснялось еще и тем, что непоседливый Черняев по собственной инициативе в октябре 1864 года попытался сходу захватить Ташкент – и был вынужден отступить из-за нехватки сил. Дальнейшая экспансия нуждалась в более серьезной подготовке.

Уже через полгода, следующей весной, Черняев, поднакопив сил, снова подошел к Ташкенту, разгромил многочисленное, но плохо организованное кокандское войско и в июле взял город штурмом. В Петербурге действия инициативного генерала получили полное одобрение, он был назначен военным губернатором новообразованной Туркестанской области, а Горчаков отправил за границу депеши с очередным объяснением вынужденности этого шага – иначе кокандские и бухарские полчища ударили бы первыми.

После очень небольшой паузы окрыленный Черняев развернулся еще шире – теперь он нацелился на самое сильное из среднеазиатских ханств, Бухарское. И опять, как при первом походе на Ташкент, не рассчитал сил. В январе 1866 года генерал вторгся в бухарские владения, потерпел неудачу, и Петербург наконец отозвал чересчур ретивого завоевателя.

Однако оренбургский генерал-губернатор Крыжановский, принявший на себя командование, тоже жаждал славы. По собственному почину он взял две бухарские крепости. «В Петербурге, однако, сочли эти действия нарушением преподанных ему наставлений», – говорится в официальной хронике Александровского царствования. Во-первых, активность русских военных чересчур встревожила Лондон; во-вторых, надо было как-то оформить и закрепить предыдущие завоевания.

Жителям Ташкента было предложено самим попроситься в российское подданство. В марте 1867 года в столицу отправилась депутация местных жителей «с изъявлением верноподданнических чувств». Тогда на присоединенных территориях было образовано Туркестанское генерал-губернаторство и учрежден особый военный округ. Новым начальником стал генерал-адъютант К. Кауфман, который, получив подкрепления, продолжил начатое дело.

Эпизод Среднеазиатского похода (Самаркандский бой) в изображении В. Верещагина

Он действовал по принципу «разделяй и властвуй». С ханом Кокандским подписал мир, с ханом Бухарским замиряться отказался. В 1868 году взял Самарканд, разбил бухарскую армию и заставил эмира Музаффара принять навязанные ему тяжелые условия: уступить обширную территорию и выплатить контрибуцию, а также предоставить русским купцам право свободной торговли (что решило проблему с поставкой хлопка).

Коканд и Бухара превратились в российские протектораты.

На этом первый этап среднеазиатской экспансии (1864–1868) завершился. Пришло время готовиться ко второму, который должен был привести южные пределы империи в соприкосновение с британской сферой влияния. Вопрос заключался в том, где проляжет эта граница, поэтому соперничающие державы торопились.

С 1865 года между Лондоном и Петербургом не прекращался обмен нотами. Царское правительство заявляло, что «не питает никаких честолюбивых замыслов», но быстрое продвижение русских войск противоречило подобным уверениям. В 1869 году, предугадывая, что второй этап российского наступления не за горами, английский

министр иностранных дел лорд Кларендон предложил условиться о некоей нейтральной зоне, которая останется между британскими и российскими владениями во избежание возможного конфликта. Горчаков горячо поддержал идею, но дальше начались споры. Русские предлагали оставить в качестве буфера Афганистан, англичане – Хиву. Договориться стороны не смогли, и в Петербурге решили, что нужно поставить мир перед свершившимся фактом. Приготовления к Хивинской экспедиции были ускорены.

В военном смысле задача была очень трудной. Путь к Хивинскому оазису был длинным и пролегал через местности, лишенные воды. В качестве подготовительного этапа в 1870 году переброшенные с Кавказа воинские части основали на восточном берегу Каспия опорный пункт – Красноводскую крепость, но и оттуда до Хивы было 800 километров. Подготовка завершилась в 1873 году.

Операция началась с дипломатической увертюры: русский посол Бруннов заверил английское правительство, что Россия «вовсе не желает завладеть Хивой», а намерена лишь временно занять ее, дабы побудить хана к уступчивости.

В обеспечение этой уступчивости генерал-губернатор Кауфман повел наступление с четырех направлений. В экспедиционном корпусе было 13 тысяч солдат и 56 орудий. Обоз состоял из двадцати тысяч верблюдов.

Главным противником оказались суровые природные условия. Красноводский отряд, например, из-за отсутствия воды до цели так и не добрался – был вынужден повернуть обратно. В общей сложности русские потеряли четверть личного состава, в основном из-за лишений и болезней. Хивинцы пробовали оказать сопротивление, но тщетно. В августе хан Хивинский капитулировал, признав себя «покорным слугой» царя. Ханство вслед за Кокандом и Бухарой превращалось в российский протекторат, то есть отказывалось от самостоятельной внешней политики и упраздняло таможенные барьеры для русских коммерсантов. Кроме того оно уступало России все владения по правому берегу Амударьи и обязывалось выплатить контрибуцию.

Позиции Петербурга в споре с Лондоном усилились. Теперь англичане хотели сделать «буферной зоной» Туркмению, но русские на это не соглашались, говоря, что должны наказать туркменов «за разбой и нападения», зато в Афганистан потом уже точно не пойдут. После

всего, что было, англичане не верили и сами торопились утвердиться в Афганистане (в девятнадцатом веке еще не знали, что эта задача невыполнима).

В Кокандском ханстве постоянно возникали междоусобицы и беспорядки, поэтому русское правительство в конце концов решило попросту упразднить это маленькое государство – так было проще его контролировать. В 1875 году во все города были введены гарнизоны, мятежные отряды разогнаны, самого упорного из местных вождей Пулат-хана повесили на площади. Коканд вошел в состав Российской империи под названием Ферганской области. Управлял ею военный губернатор – молодой генерал Михаил Скобелев, впервые прославившийся во время кокандского усмирения.

Когда разразилась Балканская война, России стало не до среднеазиатских забот, и англичане воспользовались этой передышкой. Весной 1878 года они вторглись в Афганистан, прогнали эмира Шир-Али и посадили на престол его сына Якуб-хана. Но в 1879 году афганцы восстали и убили британского резидента со всеми его сотрудниками. Из Индии явилась большая английская армия, оккупировала несколько важных пунктов, включая Кабул, но восстания это не остановило. Боевые действия затянулись.

Завоевание Средней Азии. *М. Романова*

Тем временем Россия закончила воевать с Турцией и снова включилась в среднеазиатскую игру. Один из претендентов на афганский престол, принц Абдур-Рахман, жил в эмиграции на русской территории. Теперь он вернулся на родину, собрал сторонников, одолел соперников и оказался компромиссной фигурой, устраивающей обе державы. При Абдур-Рахмане, умевшем извлекать выгоду из российско-британского противостояния, Афганистан действительно стал чем-то вроде буфера между двумя империями.

Но это означало, что у России появилась свобода действий на севере, в Туркмении.

Еще в 1879 году состоялся поход против воинственных текинцев – неудачный, потому что взять крепость Геок-Тепе войска не смогли и ушли, понеся большие потери. На следующий год против туркменов выступил М. Скобелев, к тому времени самый прославленный русский полководец. У него была целая армия, 11 тысяч солдат, и много артиллерии. На сей раз готовились долго и тщательно, несколько месяцев запасая продовольствие и фураж. С Кавказа морем прибыли подкрепления. Построили даже специальную железную дорогу. После артподготовки Геок-Тепе была взята приступом, а вскоре пал и Аскабад.

Так и Туркмения стала российской. Две империи настолько сблизились, что столкновение казалось неизбежным. Но эскалация русско-английского соперничества в Средней Азии произойдет уже при Александре III.

Большая война

В отечественной истории за Александром Николаевичем закрепилось прозвание «Освободитель», потому что он освободил крестьян от рабства и славян от турецкого владычества. Вторая заслуга, однако, несколько сомнительна – победа получилась Пирровой, и последствия ее для Петербурга были, в общем, нерадостны.

Если бы Россия не жила имперскими интересами, после дезавуации унизительного Парижского договора воевать с Турцией в сущности было бы не из-за чего. Но, наблюдая, как слабеет и дряхлеет соседнее государство, империя должна была попытаться этим воспользоваться. Славянские и православные области Турции боролись за свою свободу, и Россия это движение всячески поддерживала. При этом считалось естественным, что, добившись независимости от Стамбула, новые страны попадут в зависимость от Петербурга.

Немусульманские области Османского государства имели разный статус. Греция отделилась еще в 1830 году. Сербия и Черногория, формально признавая верховную власть султана, уже несколько десятилетий существовали совершенно автономно; в 1867 году Турция даже вывела оттуда свои гарнизоны. Дунайские княжества Валахия и Молдавия объединились в единое румынское государство и в 1866 году

выбрали собственного монарха-господаря, которым стал немецкий принц Карл из династии Гогенцоллернов-Зигмарингенов. Румыния считалась турецким протекторатом. Но Болгария никакого самоуправления не имела, и национально-освободительное движение там жестко подавлялось.

Долго копившееся напряжение прорвалось в 1875 году, когда Турция оказалась в кризисном положении. С 1830-х годов страна пыталась проводить реформы, но им мешали архаичность государственной системы, влиятельное консервативное духовенство и коррупция на всех уровнях власти. Бюджетный дефицит покрывался за счет внешних займов, и выплата огромных процентов все больше обескровливала слабую турецкую экономику. К середине семидесятых годов накопился долг в 5 миллиардов франков, и в 1875 году правительство было вынуждено объявить дефолт.

Султан Абдул-Азиз держался непрочно. Скоро (в мае 1876 года) его свергнут и убьют, посадив на престол психически нездорового Мурада V, который три месяца спустя тоже будет свергнут.

В этой ситуации взбунтовались славяне Герцеговины и Боснии. Поначалу турецкие войска, немногочисленные и плохо снабжавшиеся, терпели поражение за поражением. Из-за этого восстание распространялось вширь. В апреле 1876 года поднялась Болгария. В июне Порте объявили войну Сербия и Черногория.

Но силы были слишком неравны. Даже в условиях политического и финансового кризиса Стамбул обладал несравненно бóльшими ресурсами. Мобилизовав их, Турция стала наносить ответные удары, начав с южной Болгарии, ближе всего расположенной к Стамбулу. Каратели действовали с чрезвычайной жестокостью. Отряды иррегулярной конницы, так называемые башибузуки («сорви-головы») вырезáли целые деревни.

> Ничего необычного в этой акции устрашения не было, турки испокон веков так себя вели при подавлении восстаний. Но в Стамбуле не учли, что мир переменился и что в Европе политика теперь зависит от общественного мнения, а его формирует пресса.
>
> Власти не препятствовали американскому дипломату Шулеру и британскому репортеру Мак-Гахану совершить поездку по местам недавних волнений. Отчет был

опубликован в лондонской «Дейли ньюс» и потом повсеместно перепечатан. Шокированные европейцы узнали об одном из эпизодов недавней трагедии – резне в болгарском селении Батак: «…Вот дом, весь пол которого покрыт белым пеплом и обугленными костями – здесь сожгли живьем тридцать человек. Вот место, где посадили на кол и подожгли деревенского старосту Трандафила и где он теперь закопан. Вот груда разложившихся трупов. Вот речная плотина, забитая распухшими телами. Вот школа, где спрятались двести женщин и детей и где они были сожжены…» И так далее, и так далее, одна картина ужасней другой.

Болгарские мученицы. *В. Маковский*

Картина, выставленная в 1877 году, сильно воздействовала на эмоции публики и помогла собрать деньги на «славянское дело»

По западному миру прокатилась волна возмущения. Турция и так была у европейцев не в чести из-за отказа возвращать долги, теперь же на нее все окончательно ополчились. Даже английское правительство, главный союзник, под давлением прессы и парламента было вынуждено изменить свою позицию.

Больше всего, конечно, негодовали в родственной России, где развернулась мощная кампания солидарности. Власти, обычно с подозрительностью относившиеся к любому неконтролируемому общественному движению, на сей раз ему не препятствовали. С одной стороны, этот порыв отвлекал интеллигенцию от антиправительственных протестов, с другой – был в русле государственной политики. Получалось, что правительство и общество в кои-то веки выступают за одно и то же.

По всей стране благотворительные комитеты собирали пожертвования для братьев-славян. Петербуржцы дали восемьсот тысяч рублей, москвичи – семьсот тысяч. Общество Красного Креста посылало в Сербию санитарные отряды. Тысячи добровольцев по собственному почину отправились на Балканы воевать за «славянское дело».

Произносилось множество пылких, возвышенных речей. Славянофилы и западники, либералы и ретрограды, народники и монархисты были охвачены единым порывом. «Всех немедленно единит прекрасное и великодушное чувство бескорыстной и великодушной помощи распинаемым на кресте своим братьям», – прочувствованно писал Достоевский в «Дневнике писателя». Никто не слушал сомневающихся и возражающих – вроде старого умного князя П. Вяземского, пушкинского приятеля. «Всё, что делается по Восточному вопросу, настоящий и головоломный кошмар, – писал он. – …Тут нет ни политического достоинства, ни политической добросовестности, нет и благоразумия. Все плотины прорваны и поток бушует и разливается во все стороны; многое затопит он… Народ не может желать войны, а по неосмотрительности своей ведет к войне. Война теперь может быть для нас не только вред, но и гибель. Она может наткнуться на государственное банкротство…» В заключение

Вяземский, который скоро умрет, просит своего корреспондента сохранить это письмо, дабы «потомство удостоверилось, что в пьяной России раздавались кое-какие трезвые голоса». Мы увидим, что пророчество князя Петра Андреевича полностью сбудется.

Среди русских добровольцев, отправившихся в Сербию, был среднеазиатский герой Черняев, отчисленный из армии за свою неуправляемость и десять лет скучавший без дела. Сербы, нуждавшиеся в опытных полководцах, а еще более в громких именах, сделали отставного русского генерала главнокомандующим.

Черняев бодро повел плохо вооруженную, недисциплинированную армию в наступление, очень скоро был разбит и откатился назад к Белграду. Сербская столица вот-вот должна была пасть. Тогда правитель страны князь Милош воззвал к европейским державам и попросил их о посредничестве в переговорах с турками во имя прекращения «бесцельного кровопролития».

Российское правительство откликнулось сразу же, поручив своему послу графу Игнатьеву предъявить Порте ультиматум: немедленно прекратить наступление и начать переговоры – иначе разрыв отношений и, подразумевалось, война.

Стамбул совсем не желал воевать с Россией, не имея на это ни денег, ни иных ресурсов. В октябре 1876 года Турция уступила и согласилась на перемирие.

Однако дальнейшие события развивались таким образом, что турецкая партия войны обретала внутри страны все больше сторонников и в конце концов возобладала.

Объективности ради следует признать, что давление, оказываемое на Стамбул, ставило Турцию в безвыходное положение.

Сначала турки согласились обсуждать свою внутреннюю гражданскую войну на международной конференции, что само по себе было очень серьезной уступкой. В декабре европейские державы предложили провести реформу в Герцеговине, Боснии и Болгарии, учредив там автономии под контролем иностранных наблюдателей. Турция соглашалась, но, будучи суверенным государством, желала провести преобразования сама. И уж во всяком случае она не соглашалась, чтобы генерал-губернаторы автономий назначались по согласованию с иностранными державами. Западные страны

признавали турецкие возражения резонными, но Россия настаивала, и ее неожиданно поддержала Австрия.

Дело в том, что в это время между Петербургом и Веной шли закулисные переговоры о будущем разделе Балкан. Договорились на том, что Босния и Герцеговина окажутся в австрийской зоне влияния, а остальные территории – в российской.

При этом английскому послу лорду Лофтусу канцлер Горчаков заявлял, что Россия «не преследует своекорыстной политики и не хочет материальных приобретений». Всё чего она хочет – «соблюдения мира в Европе и улучшения положения турецких христиан».

В конце концов позиция России и Австрии возобладала. В марте 1877 года в Лондоне державы составили протокол, требовавший от Стамбула осуществить реформу под иностранным надзором.

В Турции после очередного переворота воцарился новый султан Абдул-Гамид, приведенный к власти сторонниками твердой линии. Требование держав было отвергнуто.

Все европейские столицы выразили свое разочарование и тем удовлетворились. Но Россия после всей многомесячной пропагандистской кампании отступить уже не могла. Министр финансов Рейтерн пугал императора разорением, военный министр Милютин – тем, что армейская реформа еще не завершена, но все остальные – высшие круги, общественность, пресса – желали спасать славянских братьев. Не помогло даже то, что часть славянских братьев, Сербия и Черногория, уже подписали с турками мир.

Вся логика имперского развития, вся предшествующая политическая стратегия требовали войны.

Пятого апреля 1877 года Александр отбыл в Бессарабию, где уже собирались войска, и неделю спустя выпустил манифест: «Исчерпав до конца миролюбие наше, мы вынуждены высокомерным упорством Порты приступить к действиям более решительным. Того требуют и чувство справедливости, и чувство собственного нашего достоинства».

Румыния не только согласилась пропустить через свою территорию русские войска, но и сама присоединилась к войне, чтобы добиться полной независимости.

Русское командование предполагало, что Турция в ее тогдашнем состоянии не сможет оказать серьезного сопротивления. Главная

трудность – форсировать Дунай, а дальше всё будет просто. Армия разделится на три части. Одна займет западную часть Болгарии – Никополь и Плевну; другая – восточную; третья пойдет через Балканы прямо на Константинополь. На Закавказском театре предполагалось ограничиться демонстрациями и активной обороной. Морские операции не планировались, поскольку возрождение флота на Черном море еще только начиналось, однако в поддержке боевых кораблей необходимости вроде бы и не было. Дунайская армия имела 185 тысяч солдат и мощную артиллерию – больше восьмисот орудий. Кавказская – около ста тысяч и 276 пушек, но для поставленных перед нею задач этого казалось достаточно.

Хоть военная реформа еще не закончилась, боевые качества новой призывной армии были неплохими, а ее вооружение – вполне современным. Особенно хороша была артиллерия.

Турция некоторое время назад тоже модернизировала свои войска, но регулярные части, низам, составляли меньшинство. Кавалерия почти отсутствовала, если не считать башибузуков, годных только для разведки и мелких диверсий. Артиллерии не хватало. Профессионально подготовленных офицеров было мало.

Однако турецкая пехота была оснащена современными винтовками и очень щедро снабжалась патронами. Неважно обученная, но храбрая и стойкая, она лучше всего проявляла себя в обороне.

Численно турецкая балканская группировка несколько превышала русскую армию, но вдвое уступала ей по числу пушек. План турецкого командования состоял в том, чтобы не дать русским переправиться через Дунай, а те части, которые все же высадятся на правом берегу, уничтожить.

Начало боевых действий сложилось для России удачно. Самая трудная и рискованная задача, преодоление водной преграды, была блестяще решена.

Готовили операцию в полной секретности, так что до самого последнего момента лишь очень небольшой круг лиц знал, где именно состоится переправа. Все приказы передавались только устно, даже императору сообщили подробности всего за несколько часов. Понтоны и плавсредства подогнали в самый последний момент. В нескольких ложных пунктах устроили демонстрации.

Ночью 15 (27) июня в районе Зимницы захватили плацдарм. Потом, пользуясь преимуществом в артиллерии, накрыли огнем турецкие позиции. За день через реку было переправлено 25 тысяч солдат. Заняли все окрестные высоты. На Дунае поставили минные заграждения, поскольку турецкий флот был сильнее русского. Быстро протянули телеграфную связь.

Отогнав турок, построили временный мост и провели по нему всю армию с обозами. Дорога вглубь турецкой территории была открыта.

Самое поразительное, что операция стоила весьма небольших потерь – 380 человек убитыми.

Впоследствии Зимницкая переправа изучалась в иностранных военных академиях как блестящий образец оперативного искусства.

Форсирование Дуная. *Н. Дмитриев-Оренбургский*

Русские и прежде были невысокого мнения о турецкой армии, а после такого триумфа преисполнились уверенности в скорой победе.

Действовали по заранее намеченному плану. Восточный контингент под командованием цесаревича Александра пошел на Рущук. Авангард генерала Гурко отправился на юг и захватил стратегически важный перевал Шипка, ключ к Балканам. Западный «отряд» генерала Криденера основными силами блокировал и занял

крепость Никополь, отправив в незащищенную Плевну кавалерийский разъезд.

Из-за недооценки противника командование допустило просчет. С неожиданной для турок резвостью армейский корпус Осман-паши марш-броском взял пустую Плевну и рассек русские коммуникации. Оставлять в тылу эту группировку в 16 тысяч штыков было нельзя.

Последовала новая ошибка – по той же причине. Торопясь исправить положение, Криденер послал к Плевне всего одну дивизию, которая атаковала турок явно недостаточными силами и была с большими потерями отброшена.

Тогда Криденер пошел на Плевну сам, но опять штурмовал без серьезной подготовки, даже не проведя разведки. Приступ опять провалился, крови пролилось еще больше, турки даже захватили пленных.

Если раньше русское командование придавало Плевне слишком мало значения, то после этой неудачи стало преувеличивать возникшую проблему. Ретроспективно кажется странным, что армия не оставила против невеликого турецкого корпуса заслон и не двинулась всей своей мощью дальше, на Константинополь, но у русских возникло ошибочное ощущение, что у Осман-паши очень крупные силы.

Наступление на Константинополь было остановлено. Отряд Гурко, спустившийся было в южную Болгарию, вернулся на Шипкинский перевал и с огромным трудом удерживал этот стратегический пункт, подвергаясь яростным атакам. Воспользовавшись передышкой, турки подтянули туда много войск. Командовал ими Сулейман-паша, отличившийся на недавней Сербской войне. Горное противостояние растянется на месяцы, до глубокой зимы и обойдется русским в десять с лишним тысяч солдат, причем основные потери будут от суровых погодных условий.

Тем временем у Плевны для генерального сражения собирались главные силы русской армии, к которой присоединились румынские союзники: 83 тысячи солдат, 424 орудия. Подготовка штурма растянулась до конца августа.

Но усилился и Осман-паша, к которому все время подходили подкрепления – город не был полностью блокирован. Осажденный корпус теперь насчитывал 34 тысячи штыков, и турки очень хорошо укрепились.

Приступ назначили на тридцатое августа, день высочайшего тезоименитства, чтобы поздравить государя победой. Три дня вели мощный обстрел турецких позиций. Шестикратное превосходство в огневой силе, казалось, должно было обеспечить артподготовке полный успех, но турки заранее вывели передовые части из-под обстрела, а разрушенные земляные редуты восстанавливали по ночам. В день штурма русско-румынские войска несколько раз ходили в атаку, но защитники стойко держались. Локального успеха удалось добиться только отряду генерала Скобелева, который на своем участке сумел прорвать вражескую оборону, но к этому времени поддержать его было уже нечем, резервы иссякли.

Все широкое поле покрылось окровавленными телами. Если первый штурм стоил атакующим двух с половиной тысяч человек, а второй – четырех тысяч, то при третьем потери составили шестнадцать тысяч. В России потом распевали на мотив «Дубинушки»:

Там, где Плевна дымится, огромный курган —
В нем останки еще не догнили:
Чтоб уважить царя, в именины его
Много тысяч своих уложили…

Весть о поражении русского оружия моментально облетела весь мир, поскольку в Плевне находилось множество иностранных корреспондентов, которые отправляли свои репортажи в редакции телеграфом. Осман-пашу славили как великого героя, Плевну окрестили «турецким Севастополем».

Общий исход войны теперь выглядел сомнительным. Вся военная машина империи отныне работала на решение плевненской проблемы. От дальнейших приступов решили отказаться. Прибыл знаменитый инженерный генерал Тотлебен, защитник того, истинного Севастополя, и стал руководить правильной осадой. Город наконец блокировали, для чего понадобилось 125 тысяч солдат.

Третий штурм Плевны. *Н. Дмитриев-Оренбургский*

Художник изобразил один из успешных для русского оружия эпизодов этого неудачного сражения – взятие Гривицкого редута, который потом придется оставить

Военные действия в Закавказье тоже шли негладко. Первоначальное наступление пришлось остановить из-за нехватки сил. К тому же турки, пользуясь господством на море, высадили десант в глубоком русском тылу, в Абхазии, где началось восстание мусульман. Поднялись и горцы восточного Кавказа, в Чечне и Дагестане, что было еще тревожней: не вернутся ли времена Шамиля? Понадобилось срочно перекидывать туда целых две дивизии.

Большой передовой отряд русских был отрезан от своих в крепости Баязет. Деблокировать эту осаду удалось только через месяц.

Лишь осенью усилившаяся Кавказская армия смогла перехватить инициативу, но застряла у двух крепостей – Карса и Эрзерума, которые в каждой войне с турками приходилось брать большой кровью. Так вышло и на этот раз, причем Карс после месячной осады с трудом взяли, а Эрзерум так и не смогли.

Окруженный Плевненский гарнизон все никак не сдавался. Через три месяца, на исходе ноября, израсходовав все запасы продовольствия, турки оставили город и попытались прорваться. Отчаянная попытка не

удалась. Осман-паша был ранен, и лишь после этого остатки его корпуса сложили оружие.

Плевненское пятимесячное стояние обернулось для России огромными потерями: человеческими, финансовыми, политическими.

Первоначальная тактическая ошибка, вызвавшая всего лишь задержку общего наступления, переросла в большой стратегический просчет. Международная ситуация, еще летом благоприятная для России, к зиме совершенно переменилась. Турция уже не считалась страной-изгоем, общественное мнение в Европе теперь склонялось в ее пользу, и английское правительство могло позволить себе действовать по отношению к Петербургу более решительно.

Военные силы Турции были подорваны. После падения Плевны серьезных препятствий на пути к Константинополю уже не было. В декабре русские, перекинув освободившиеся части, разбили турок у Шипки и потом почти беспрепятственно дошли до Адрианополя (Эдирне). Передовые казачьи отряды появились в предместьях турецкой столицы.

Султан отправил царю телеграфную депешу с просьбой о перемирии. В городке Сан-Стефано, в непосредственной близости от Константинополя (и от русских пушек), был подписан чрезвычайно выгодный для России и ее славянских протеже мирный договор.

Турция признавала полную независимость Румынии, Сербии и Черногории. Учреждалась огромная – от Черного до Эгейского моря – Болгария, формально турецкий протекторат, а на самом деле самоуправляемое государство, на территории которого турки не имели права держать свои войска. Босния и Герцеговина тоже обретали фактическую независимость. Не оставалась без добычи и Россия: ей отходили земли в низовьях Дуная, а в Закавказье – Батумская и Карсская области, плюс 310 миллионов рублей компенсации за военные расходы.

Подписание трактата, освобождающего славян, состоялось девятнадцатого февраля, в годовщину освобождения крестьян. Эта дата должна была стать вдвойне исторической.

Но не стала. Договор был слишком выгоден для России, а стало быть слишком невыгоден для ее соперников. Никому в Европе не понравилось, что империя так основательно обустраивается на

Балканах – все рассматривали будущую большую Болгарию как плацдарм российского влияния.

Поворот от сочувствия русской политике к сочувствию бедной героической Турции, начавшийся с Плевны, теперь окончательно оформился. Ситуация очень уж напоминала 1853 год, когда другой агрессивный царь пытался сломить Турцию и установить в стратегическом Балканском регионе свое господство.

Первым грозным знамением стал ввод в Мраморное море британской эскадры – еще в разгар мирных переговоров. Акция носила явно враждебный России характер.

Условия Сан-Стефанского мира вызвали бурю протестов. Европа отказывалась признавать такую перекройку Османской империи. Непримиримее всего держались Лондон и Вена.

Тогда Берлин, вроде бы политический союзник Петербурга, предложил устроить конференцию по поиску компромиссного решения.

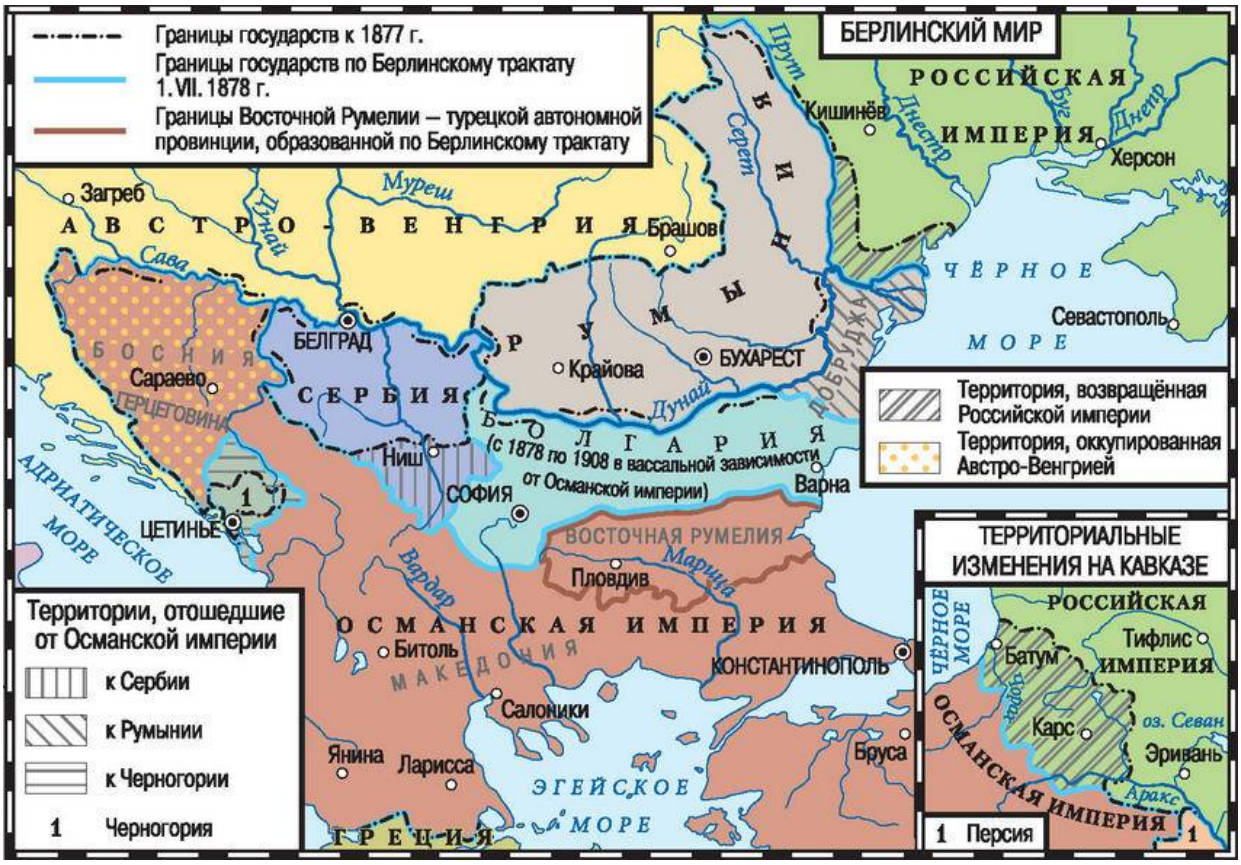
Берлинский конгресс превратился в дипломатическое избиение России. Она оказалась в полной изоляции, фактически в роли подсудимой. Англия прямо угрожала войной. Британский премьер-министр Дизраэли объявил мобилизацию резервистов, королевский флот и так уже был наготове. Столь же непримиримую позицию занимала Австрия, считая, что Сан-Стефанский договор нарушает прежние русские обещания. Для Германии в это время Вена была уже важнее Петербурга, и Бисмарк тоже не поддержал русского представителя Горчакова.

В этой ситуации России пришлось идти на серьезные уступки.

Новые условия мира были таковы. «Прорусские» славянские государства получили меньше территории. Будущая Болгария, например, была сокращена почти на две трети. Меньше земли в Закавказье досталось и России. Зато не участвовавшая в войне Австро-Венгрия получила право оккупировать Боснию и Герцеговину.

«Берлинский конгресс есть самая черная страница в моей служебной карьере», – писал царю русский канцлер.

Границы государств к 1877 г.
19.02.1878
Заключение Сан-Стефанского мирного договора
Границы гусударств по Сан-Стефанскому мирному договору
БОЛГАРИЯ
Провозглашённое по Сан-Стефанскому договору автономное княжество
САН-СТЕФАНСКИЙ МИР
РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ
Кишинёв
Днестр
Буг
Днепр
Херсон
Прут
Серет
Брашов
А В С Т Р О - В Е Н Г Р И Я
Слава
Дунай
Б О С Н И Я
ГЕРЦЕГОВИНА
Сараево
БЕЛГРАД
С Е Р Б И Я
(с 1878 независима)
Р У М Ы Н И Я
(с 1878 независима)
Крайова
БУХАРЕСТ
Дунай
ДОБРУДЖА
ЧЁРНОЕ МОРЕ
Севастополь
Территория, возвращённая Российской империи
БОСНИЯ
Области, получившие автономию
Ниш
Варна
Б О Л Г А Р И Я
СОФИЯ
ВОСТОЧНАЯ РУМЕЛИЯ
Марица
Пловдив
АДРИАТИЧЕСКОЕ МОРЕ
1
ЦЕТИНЬЕ
Вардар
Битоль
М А К Е Д О Н И Я
КОНСТАНТИНОПОЛЬ
Сан-Стефано
19.02.1878
Салоники
ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ
Бруса
Янина
Ларисса
ЭГЕЙСКОЕ МОРЕ
Г Р Е Ц И Я
ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ НА КАВКАЗЕ
РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ
ЧЁРНОЕ МОРЕ
Батум
Тифлис
Чорох
ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ
Карс
оз. Севан
Эривань
Аракс
1 Персия
1
Территории, отошедшие от Османской империи
к Сербии
к Румынии
к Черногории
1 Черногория (с 1878 г. независима)



Для сравнения: Сан-Стефанский мир и Берлинский мир. *М. Романова*

Но самым печальным следствием войны было даже не разочарование от ее скромных результатов, а тягчайший удар по российской экономике.

Вопрос о том, может ли Россия воевать, решался осенью 1876 года, в разгар сербских осложнений. Александр отдыхал в крымской Ливадии, куда были вызваны все главные сановники империи, в том числе министр финансов Рейтерн. Он без обиняков заявил, что война стране не по карману. Россия потеряет всё, чего много лет добивалась неимоверными усилиями, и в экономическом смысле откатится на двадцать лет назад. Восстановится бюджетный дефицит, вырастет государственный долг, приостановится развитие промышленности, упадет уровень жизни народа, что неминуемо приведет к обострению внутриполитической напряженности. Видя, что император тем не менее склоняется к силовому решению балканского вопроса, Рейтерн запросился в отставку. Его не отпустили. Будучи исправным

чиновником, граф тянул лямку всю войну и покинул пост министра финансов только по ее окончании, в июле 1878 года.

Все прогнозы Рейтерна исполнились.

Уже бюджет 1876 года, планировавшийся с профицитом, из-за военных приготовлений был сведен с огромным минусом в 86 миллионов. Потом было только хуже.

Единственным способом финансирования военных издержек был массированный выпуск кредитных билетов. В 1877 году их напечатали на триста миллионов, в следующем – еще на двести. Но этого не хватило. Взяли в долг у Германии триста миллионов марок, выпустили на 236 миллионов облигаций, трижды делали внутренние займы (так называемые «восточные»), на общую сумму в восемьсот миллионов. В целом война обошлась России в миллиард сверхбюджетных расходов.

Эти траты легли тяжелым бременем на государственные финансы и в послевоенные годы, потому что надо было выплачивать проценты по долговым обязательствам. К первому января 1880 года они суммарно превышали три миллиарда.

Колоссальные издержки могли бы быть оправданы политическими выгодами, но и в имперском смысле Балканская война главным образом лишь создала новые проблемы.

Болгария, обязанная своей победой русскому оружию, очень скоро перейдет в другой лагерь – в значительной степени из-за опрометчивых действий самой России (ниже мы увидим, как и почему это произошло). Независимая Сербия же обострит противостояние с Австро-Венгрией, что в конечном итоге закончится мировой катастрофой.

Вот каковы будут последствия этой вроде бы победоносной войны.

Побочный эффект

Эволюция революции

Реформы Александра II во многих отношениях – социальном, экономическом, интеллектуальном – оздоровили жизнь страны, дали ей импульс к развитию. Но не все плоды великих преобразований были сладостны. Это сильное лекарство таило в себе смертельную опасность для государства – того, которое исторически сложилось в России. Причем побочный эффект оказался мощнее и долгосрочнее терапевтических успехов, поэтому он заслуживает внимательного изучения.

Пусть нескладная и неприглядная, но прочная конструкция, доселе преодолевавшая любые, в том числе очень суровые испытания, пошатнулась. Через полвека после крестьянского освобождения она рухнет.

Болезнью, погубившей империю, было общественное протестное движение, которое зародилось при Александре Николаевиче как прямое следствие его благотворных начинаний и со временем доэволюционировало до революции. Этот процесс был вызван не стечением случайных обстоятельств или планомерными усилиями неких антигосударственных сил. *Он был совершенно естественным.*

Если верно понимание архитектуры российского государства как изначально «ордынской», построенной в пятнадцатом веке по заветам великого Чингисхана, то прочность этого государства, как уже неоднократно говорилось, зиждется на четырех колоннах. Это предельная централизация власти; сакральность государства как наивысшей ценности; соответственно сакральность особы государя; подчиненность правовой системы.

В шестидесятые и семидесятые годы лучшие правительственные умы России, проводя в жизнь свои совершенно необходимые реформы, сохранили в неприкосновенности принцип гиперцентрализованного правления, но существенным образом ослабили три остальные опоры.

Целых сто лет монархия не решалась освободить крепостных, потому что опасалась крестьянского бунта и дворянского путча. Не произошло ни того, ни другого – потому что эмансипация напрямую не

затрагивала фундамента российской государственности. Несравненно рискованней оказались другие преобразования, вызывавшие наверху гораздо меньшие опасения.

Прежде всего – судебная реформа, фактически учредившая новую форму власти, независимой (или мало зависимой) от исполнительной вертикали. Идея о том, что решение группы частных лиц, коллегии присяжных, может возобладать над волей государства и самого государя – как это произошло в 1878 году на процессе Веры Засулич – несла в себе смертельную опасность для самодержавной империи.

Реформа земского и городского самоуправления тоже была бомбой замедленного действия. Местные выборные органы создали параллельную структуру власти – пускай всего лишь хозяйственной, но ведь жизнь обычных людей в основном и состояла из хозяйственных забот. Население извечно казенной империи стало постепенно привыкать к тому, что избранные им представители способны решать разнообразные проблемы эффективнее и человечнее, чем назначенные сверху чиновники.

Но самую большую угрозу для государства несла в себе новация, никакой реформой не закрепленная: позволение устно и печатно обсуждать состояние дел в стране. Это была не свобода слова, а всего лишь гласность, но для империи, веками жестоко каравшей подданных за малейшее вольнодумное высказывание, и такое послабление превратилось в ящик Пандоры. Когда общество заговорило, снова заткнуть ему рот уже не могли никакие цензурные строгости. Под напором критики оказались и государство, и государь. А скоро выяснилось, что от словесной агрессии до физической дистанция совсем небольшая. Не прошло и десяти лет после отмены цензурных строгостей, и в царя полетели первые пули. Особа самодержца утратила свою сакральность. Деспот Николай спокойно разъезжал по своей столице без охраны, ему и в голову не приходило бояться покушения. Либеральному Александру пришлось со всех сторон окружить себя телохранителями (которые, как известно, его не уберегут).

Как же происходило движение от первых восторгов перед прогрессивностью нового царя, ради которого даже Герцен был готов «стереться», до ожесточения, ненависти и цареубийства?

Эволюция революционных настроений прошла через несколько этапов. Каждый был вполне закономерен и, с некоторыми отклонениями, происходит при всякой «революции сверху», осуществляемой после долгой несвободы.

Началось, разумеется, с эйфории, вызванной первыми либеральными актами нового царя: помилованиями, намеками на грядущие вольности, а более всего надеждами самого общества, уставшего от николаевского застоя.

Наглядней всего здесь перемена настроений того же Герцена, самого свободного, известного, авторитетного оппонента самодержавной власти. Голос Александра Ивановича стал особенно влиятелен после того, как созданный в 1857 году «Колокол» начал почти беспрепятственно циркулировать в России. Официально запрещенная газета продавалась с рук по десятикратной цене, лежала на столах у министров, ее читал сам император. В первом же номере Герцен изложил своего рода программу деяний, которые должно осуществить правительство: освободить крепостных, ввести гласность и отменить унизительную для человеческого достоинства практику телесных наказаний. «Я стыжусь, как малым мы готовы довольствоваться, – писал великий демократ, продолжая обращаться непосредственно к царю (в самодержавной России и не было смысла обращаться к кому-то другому). – Мы хотим вещей, в справедливости которых Вы так же мало сомневаетесь, как и все. На первый случай нам и этого довольно».

КОЛОКОЛЪ

ПРИБАВОЧНЫЕ ЛИСТЫ КЪ ПОЛЯРНОЙ ЗВѢЗДѢ.

VIVOS VOCO!

Выходитъ ежемѣсячно въ Лондонѣ, — цѣна 6 пенсовъ. Получается въ Вольной Русской Типографіи — 2, Judd Street, Brunswick Square, *W. C.*

No. 1.

1 Іюля 1857.

У Трюбнера & Co. въ книжной лавкѣ, 60, Paternoster Row., и у Тхоржевскаго, 39, Rupert Street, Haymarket, London. Price six-pence.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Россія тягостно молчала,
Какъ изумленное дитя,
Когда нечистою рукою
Одна рука ее снимала;
Но тотъ, который что есть силъ
Ребенка мощнаго давилъ,
Онъ съ тупоуміемъ капрала
Не зналъ, что передъ нимъ лежало,
И мысль его не поняла
Какая есть въ ребенкѣ сила:
Рука—ее не задушила,
Сама съ натуги замерла.

Въ годину мрака и печали,
Какъ люди русскіе молчали,
Гласъ вопіющаго въ пустынѣ
Одинъ раздался на чужбинѣ;
Звучалъ онъ почвѣ не родной—
Не ради прихоти пустой,
Не потому, что изъ боязни
Онъ укрывался бы отъ казни;
А потому, что здѣсь языкъ
Къ свободномыслію привыкъ
И не касалася оковъ
До человѣческаго слова.

Привѣта съ родины далекой
Дождался голосъ одинокой,
Теперь юнѣй, сильнѣе онъ...
Звучитъ, разгачивался, звонъ,
И онъ гудѣть не перестанетъ,
Пока—спугнувъ ночные сны—
Изъ колыбельной тишины
Россія бодро не воспрянетъ
И крѣпко на ноги не станетъ,
И непорывисто смѣла—
Начнетъ торжественно и стройно,
Съ сознаньемъ доблести спокойной,
Звонить во всѣ колокола.

Полярная Звѣзда выходитъ слишкомъ рѣдко, мы не имѣемъ средствъ издавать ее чаще. Между тѣмъ событія въ Россіи несутся быстро, ихъ надобно ловить на лету, обсуживать тотчасъ. Для этого мы предпринимаемъ новое повременное изданіе. Не опредѣляя сроковъ выхода, мы постараемся ежемѣсячно издавать одинъ листъ, иногда два, подъ заглавіемъ Колоколъ.

О направленіи говорить нечего; оно тоже, которое въ Полярной Звѣздѣ, тоже, которое проходитъ неизмѣнно черезо всю нашу жизнь. Вездѣ, во всемъ, всегда, быть со стороны воли—противъ насилія, со стороны разума — противъ предразсудковъ, со стороны науки — противъ изувѣрства, со стороны развивающихся народовъ — противъ отстающихъ правительствъ. Таковы общіе догматы наши.

Въ отношеніи къ Россіи, мы хотимъ страстно, со всею горячностью любви, со всей силой послѣдняго вѣрованія, — чтобъ съ нея спали наконецъ ненужные старые связывальники, мѣшающіе могучему развитію ея. Для этого мы теперь, какъ въ 1855 году (*), считаемъ первымъ необходимымъ, неотлагаемымъ шагомъ:

ОСВОБОЖДЕНІЕ СЛОВА ОТЪ ЦЕНСУРЫ!
ОСВОБОЖДЕНІЕ КРЕСТЬЯНЪ ОТЪ ПОМѢЩИКОВЪ!
ОСВОБОЖДЕНІЕ ПОДАТНАГО СОСТОЯНІЯ ОТЪ ПОБОЕВЪ!

Не ограничиваясь впрочемъ этими вопросами, Колоколъ посвященный исключительно русскимъ интересамъ, будетъ звонить чѣмъ бы ни былъ затронутъ — нелѣпымъ указомъ или глупымъ гоненіемъ раскольниковъ, воровствомъ сановниковъ или невѣжествомъ сената. Смѣшное и преступное, злонамѣренное и невѣжественное, все идетъ подъ Колоколъ.

А потому обращаемся ко всѣмъ соотечественникамъ, дѣлящимъ нашу любовь къ Россіи и просимъ ихъ не только слушать нашъ Колоколъ, но и самимъ звонить въ него!

Появленіе новаго русскаго органа служащаго дополненіемъ къ 'Полярной Звѣздѣ' не есть дѣло случайное и зависящее отъ одного личнаго произвола, а отвѣтъ на потребность; мы должны его издавать.

Для того чтобы объяснить это, я напомню короткую исторію нашего типографскаго станка.

Русская Типографія, основанная въ 1853 году въ Лондонѣ, была запросомъ. Открывая ее, я обратился къ нашимъ соотечественникамъ съ призывомъ, изъ котораго повторяю слѣдующія строки:

"Отчего мы молчимъ?
Неужели намъ нечего сказать?
Или мы молчимъ только оттого, что мы не смѣемъ говорить?

(*) Программа Полярной Звѣзды.

Номер «Колокола»

Верховная власть исполнила все три условия: пообещала освободить крестьян, ослабила цензуру и стала отменять порку. Герцен в восторге нарек императора Освободителем и провозгласил: «Ты победил, Галилеянин!». В статье говорилось: «Мы имеем дело уже не со случайным преемником Николая, – а с мощным деятелем, открывающим новую эру для России, он столько же наследник 14 декабря, как Николая. Он работает с нами – для великого будущего».

Однако этот медовый месяц скоро закончился, потому что эйфория долгой не бывает. При всякой «революции сверху» быстро выясняется, что правительство вовсе не собиралось заходить так далеко, как мечталось передовой части общества. Сталкиваются два непонимания, два взаимных негодования. Снизу кричат: «Сказали А, говорите и Б!» Сверху отвечают: «Посади свинью за стол, она и ноги на стол!» В результате правительство решает, что дало смутьянам слишком много воли, и пытается отыграть обратно. Прогрессисты разочаровываются во вчера еще обожаемом Освободителе и переходят в оппозицию. При этом в правящих кругах происходит разделение на либералов, добивающихся продолжения реформ, и «охранителей», которые указывают на опасность этого курса. Общество тоже делится на умеренных и радикалов, причем последние еще и начинают соревноваться между собой в радикальности.

Начинается следующий этап: общественного брожения.

Вот Герцен уже нападает на царя за медлительность и непоследовательность, больше уже не считает Александра победившим Христом. Однако это не спасает самого Александра Ивановича от критики слева. К началу шестидесятых годов лондонский пропагандист становится для нового поколения оппозиционеров слишком старым и слишком умеренным.

Появляются иные властители дум – все молодые и, в отличие от Герцена, живущие на родине. Они лучше чувствуют общественное настроение своей среды и пульс русской жизни. А настроение это нетерпеливое и нервное, пульс лихорадочный.

Поскольку единственным способом публичного высказывания была печать, голосом общества стали люди пишущие – литераторы. Конечно, не следует преувеличивать масштаб бурь, которые эти публицисты и литературные критики устраивали своими смелыми статьями – на пике популярности тираж «Современника» составлял

всего семь тысяч экземпляров. Но ведь численно невелика была и вся активная часть русского общества, однако же она в значительной степени определяла политический курс государства – не напрямую, а косвенно, ибо правительство реагировало на давление снизу то уступками, то, наоборот, строгостями. Этот сложный баланс между сильным государством и напористым общественным мнением отныне становится константой российской жизни. По реакции отечественных властей на течения и импульсы, возникающие в «активной фракции» населения, можно было бы составить учебник на тему о том, что продуктивно и что контрпродуктивно для сохранения стабильности общества. Правительство Александра Второго, бывало, добивалось на этом поприще успехов, но чаще совершало ошибки.

Первой ошибкой была чрезмерно растянувшаяся подготовка крестьянского освобождения. Во всякой «революции сверху» существует один железный закон. Взяв на себя инициативу перемен, правительство ни в коем случае не должно ее упускать. Оно должно быть впереди общества, не отставать от него, само определять повестку ключевых событий и тем. Но за несколько лет, в течение которых чиновники корпели над бумагами в своих комиссиях, передовые люди устали радоваться грядущей реформе и начали задавать вопросы: а что будет дальше? Не остановимся же мы на одной только эмансипации? Надо ведь менять всю устарелую систему. На что? Как? И главное – скоро ли?

Самые нетерпеливые даже стали сами на эти вопросы отвечать – и эти ответы были совершенно в духе современных западных идей, ведь по Европе в ту эпоху уже вовсю бродил призрак коммунизма.

Это были максималисты, вознамерившиеся переделать весь уклад традиционной жизни: не только государство и общество, но и семейные отношения, этику, философию. Их называли «нигилистами», от латинского nihil, «ничего», поскольку они отвергали все прежние ценности. Верили только в прагматизм, рациональность, утилитарность. Набор в сущности очень простых идей потрясал современников своей новизной.

Тургенев несколько пугливо, не без подобострастия перед передовой молодежью изобразил человека небывалой прежде формации в романе «Отцы и дети», создав образ самоуверенного врача-разночинца Базарова. Герой с его примитивным материализмом

(«Рафаэль гроша медного не стоит», «Порядочный химик в двадцать раз полезнее всякого поэта») может показаться карикатурным, но не так далеки от базаровских сентенций были призывы модного публициста Дмитрия Писарева (1840–1868), в двадцать один год ставшего ведущим автором влиятельной газеты «Русское слово». Писарев пугал приличное общество заявлениями вроде: «Относитесь к базаровщине как угодно – это ваше дело; а остановить ее – не остановите; это – та же холера».

Писарев ратовал за освобождение от религии, «семейных пут» и прочих «предрассудков». Простой народ он считал «пассивным материалом», нуждающимся в «переработке». Искусству, «праздной забаве ничтожного меньшинства», и в особенности почему-то Пушкину от задиристого критика доставалось больше всего.

> Вот несколько образчиков этого задорного иконоборчества: «Пушкин пользуется своею художественною виртуозностью как средством посвятить всю читающую Россию в печальные тайны своей внутренней пустоты, своей духовной нищеты и своего умственного бессилия». «Пушкин так красиво описывает мелкие чувства, дрянные мысли и пошлые поступки».
>
> Ну и назидательно-поучительное, о практической пользе искусства, которой недоумок Пушкин не понимал: «Возвышая таким образом в глазах читающей массы те типы и те черты характера, которые сами по себе низки, пошлы и ничтожны, Пушкин всеми силами своего таланта усыпляет то общественное самосознание, которое истинный поэт должен пробуждать и воспитывать своими произведениями».

С такой же лихостью Писарев наскакивал и на государственные устои: «Низвержение благополучно царствующей династии Романовых и изменение политического и общественного строя составляет единственную цель и надежду всех честных граждан России», – писал он в нелегально изданной брошюре. Но государство, в отличие от Пушкина, имело возможность себя защитить и отправило автора в крепость. Времена, однако, были мягкие, и узник продолжал печататься даже из заключения, что делало его статьи куда более востребованными, чем если бы он писал их на свободе.

Другой голос эпохи, такой же юный Николай Добролюбов (1836–1861) писал только литературно-критические статьи, но почти каждая из них касалась актуальных вопросов русской общественной жизни. Он тоже призывал перейти от красивостей к деятельному труду: «Во всем нашем обществе заметно теперь только еще пробудившееся желание приняться за настоящее дело, сознание пошлости разных красивых игрушек, возвышенных рассуждений и недвижимых форм, которыми мы так долго себя тешили и дурачили». Однако, если нигилизм Писарева был подчеркнуто индивидуалистичен, то Добролюбов стоял у истоков совершенно иного течения общественной мысли – той, что считала своим долгом откликаться на «стон и вопль несчастных братьев». Эта линия, которая скоро станет в России магистральной, неминуемо привела бы Добролюбова от литературы к революции, но Николай Александрович болел чахоткой и очень рано умер.

Переход от отвлеченных рассуждений к прямой политизации произошел уже после смерти Добролюбова, когда идейным лидером демократов, которые вскоре станут революционерами, сделался Н. Чернышевский (1828–1889).

Николай Гаврилович, как и Добролюбов, сын провинциального священника, был разумеется, атеист и материалист, но кроме того еще и первый в России социалист. Эмансипационная реформа ему нравилась прежде всего своей общинной составляющей – то есть как раз тем, против чего возражали либералы, видя в общине препятствие для превращения крестьян в самостоятельных хозяев. Но это-то Чернышевского и устраивало. Он был врагом капитализма и надеялся, что совместное владение землей приучит бывших крепостных к коллективному труду и естественным путем создаст по всей стране ячейки социализма – что-то вроде будущих колхозов.

> При несомненном уме и насмешливо-скептическом стиле письма Чернышевский был большой мечтатель. В его знаменитом романе «Что делать?» описана коммунистическая утопия будущего, где все добровольно трудятся, вместе предаются возвышенным досугам, дети «делают почти все по хозяйству, они очень любят это», «а стариков и старух очень мало потому, что здесь очень поздно становятся ими» (и очевидно сразу после этого помирают).

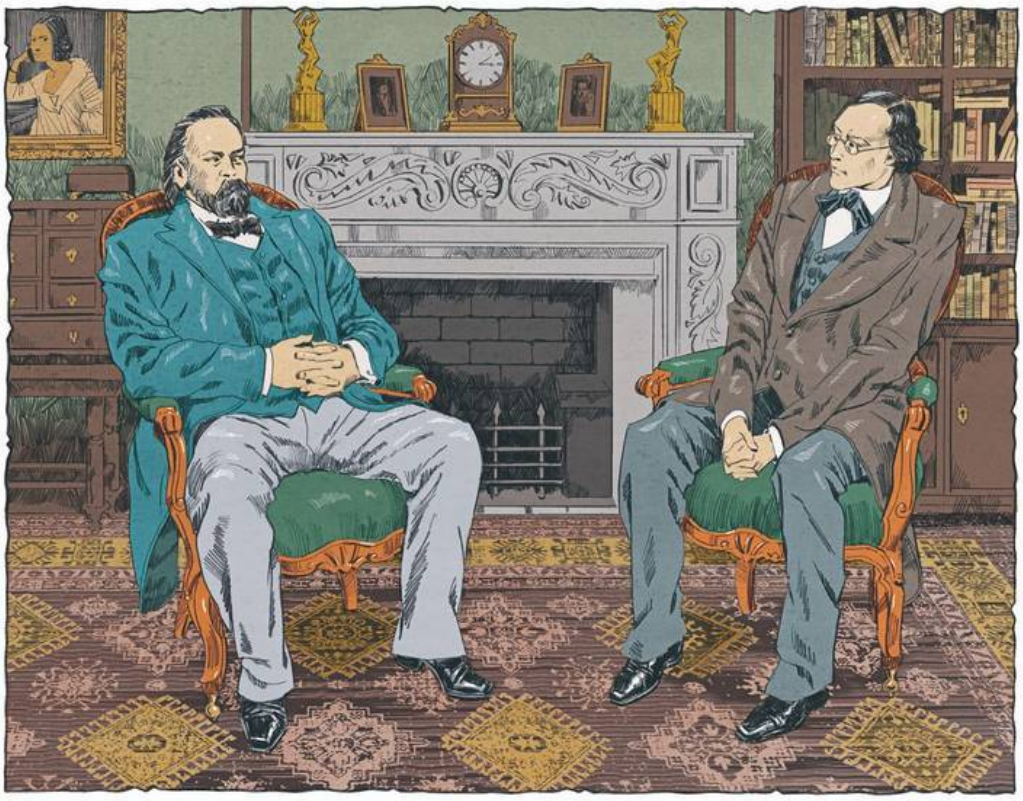
> Всем этим блаженством человечество будет обязано некоей Старшей Сестре – Революции, благодаря которой «люди будут прекрасны телом и чисты сердцем», а на земле установится атеистический рай. Представление о нем лучше всего сформулировано в восторженном восклицании: «Но как же всё это богато! Везде алюминий и алюминий!»

Будущего Чернышевский не угадал, а о человеческой природе и общественных законах имел примерно такое же представление, как об универсальности алюминия, но роль, которую он сыграл в эволюции русского протестного движения, была очень важной. Отныне оно делится на два враждующих лагеря. Когда читаешь статьи Чернышевского, возникает странное ощущение, что главным его оппонентом является не царизм, а либеральные «баре», и дело здесь не только в цензурных ограничениях. Для человека, свято верящего в Старшую Сестру, сторонники диалога с правительством опаснее любого жандарма, поскольку замедляют приход Революции и могут даже вовсе ее похоронить.

Либералы отвечали радикалам точно такой же неприязнью. Вспоминая начало шестидесятых, Б. Чичерин с негодованием пишет о революционерах: «Сверху на Россию сыпались неоценимые блага, занималась заря новой жизни, а внизу копошились уже расплодившиеся во тьме прошедшего царствования гады, готовые загубить великое историческое дело, заразить в самом корне едва пробивающиеся из земли свежие силы».

Среди передовых людей происходит решительное размежевание. Даже Герцен для Чернышевского оказывается нехорош, потому что не отвергает эволюционный путь. Специально съездив в Лондон встретиться с великим эмигрантом, Чернышевский разочарованно говорит: «Присмотришься – у него всё еще в нутре московский барин сидит!»

«Колокол», пытающийся не допустить раскола, утрачивает свою популярность в среде молодежи, всегда тяготеющей к радикализму. Поддержку либералов Герцен тоже утрачивает, когда во время польского кризиса выступает с «антирусскими» заявлениями в поддержку повстанцев. Лондонская газета сначала сокращает тираж, потом закрывается. Наступают новые времена, когда всем не до компромисса и не до консенсуса.



Передовые люди разных поколений. *И. Сакуров*

Про «эволюционистское» направление русской общественной жизни долго рассказывать незачем, ибо его – в том числе из-за непродуманной политики властей – вскоре совершенно затмит революционная «линия Чернышевского». Самым ярким демаршем либерального крыла были уже поминавшиеся петиции двух дворянских собраний, сначала тверского, а затем московского с просьбой о «созвании выборных людей Земли Русской». Справиться с этим верноподданническим бунтом было нетрудно. Главная деятельность смело мыслящих, но робко действующих либералов сосредоточилась на местном самоуправлении и цивилизаторстве. Это была работа очень важная, но рутинная и малозаметная.

Вниманием общества всецело завладели люди прямого действия – революционеры.

Как потушить пожар

Выход долгожданного манифеста об эмансипации вызвал у радикальных кругов разочарование своей продворянской направленностью. Вполне ожидаемо раздались голоса протеста, но в них зазвучала новая нота: прямого призыва к свержению строя. В столице повсюду были разбросаны «прокламации возмутительного содержания» – рамки легальной прессы для подобного рода агитации были непригодны.

В одной из самых первых листовок (она имела весьма характерное название «К молодому поколению») говорилось: «…Если для осуществления наших стремлений – для раздела земли между народом – пришлось бы вырезать сто тысяч помещиков, мы не испугались бы и этого. И это вовсе не так ужасно».

Правительству показалось, что назревает то самое, чего оно опасалось – мятеж, но не крестьянский и не дворянский, а молодежный, студенческий. К этому времени высшие учебные заведения действительно стали очагами политического возбуждения. Во-первых, потому что молодежь всегда склонна к радикализму и подвержена массовым увлечениям, а во-вторых, потому что университетские и институтские аудитории за годы обсуждения реформы превратились в дискуссионные площадки, где свободно высказывались самые смелые суждения.

Чрезвычайно обеспокоенная расцветом всякого рода собраний, кружков и митингов, власть совершила классическую ошибку: начала «не допущать». Новый министр просвещения адмирал (!) Путятин с военно-морской строгостью запретил любые студенческие организации, ввел обязательное посещение лекций, велел исключать учащихся за нарушения дисциплины. В ответ, конечно, начались демонстрации и манифестации. Полиция их разгоняла. В знак протеста студенты главного университета страны, санкт-петербургского, отказались посещать лекции. Волнения разворачивались все шире. В конце концов, указом императора университет временно закрыли. Почти половина студентов была исключена, многие арестованы и высланы под надзор полиции, авторов подрывных прокламаций выловили и отправили на каторгу.

Результатом репрессий было то, что с этого момента учащаяся молодежь идейно и эмоционально переходит в лагерь противников самодержавия. Неумными действиями правительство настроило против себя этот численно небольшой, но очень важный сегмент общества.

Революционные или во всяком случае оппозиционные взгляды утвердятся в университетской среде прочно, навсегда. Хуже того: возникает противостояние между «старой» и «молодой» Россией, причем первая отныне ассоциируется с установленным порядком, а вторая с его разрушением. Подобная интерпретация политической борьбы была весьма невыгодна для правящего режима.

Другим опасным следствием административных кар стала дальнейшая радикализация революционной риторики. Много шума в следующем, 1862 году наделала прокламация, которая называлась: «Молодая Россия». Там говорилось уже безо всяких «если», что России необходима «революция кровавая и неумолимая»: «Мы не страшимся ее, хотя и знаем, что прольется река крови, что погибнут, может быть, и невинные жертвы; мы предвидим всё это и всё-таки приветствуем ее наступление; мы готовы жертвовать лично своими головами, только пришла бы поскорее она, давно желанная!» Зажигательный текст был сочинен юным фантазером-студентом и никакой революционной организации не существовало, но как раз в это время в Петербурге начались страшные события, перебаламутившие весь город. За одну неделю в столице один за другим произошло несколько больших пожаров, причем в основном в бедных кварталах. Горели рынки, лавки, обывательские дома, дровяные склады.

В тогдашней общественной атмосфере подозреваемый мог быть только один – нигилисты. Кто на самом деле устраивал поджоги, в конце концов так и не выяснилось. Вероятно, действительно существовала некая экстремистская группа, надеявшаяся подобным образом вызвать народные волнения. В советские времена выдвигалась версия, что пожары были устроены самой полицией, нуждавшейся в поводе для разгрома революционного движения. Но в то время российская полиция до провокационной активности еще не дозрела (мы увидим, когда это произойдет), не нуждалась она и в дополнительных мотивах для арестов. В общем, это историческая загадка.

Так или иначе, поползли панические слухи, а поскольку самым известным деятелем революционного лагеря считался Чернышевский, молва раздула значение его фигуры до демонических размеров.

> Впечатлительный Ф.М. Достоевский под влиянием пожарной эпидемии, да еще обнаружив в почте ужасную листовку «Молодая Россия», помчался к Чернышевскому, с которым не был знаком, чтобы уговорить его прекратить этот кошмар.
>
> Чернышевский вспоминает этот эпизод с юмором: «Через несколько дней после пожара, истребившего Толкучий рынок, слуга подал мне карточку с именем Ф. М. Достоевского и сказал, что этот посетитель желает видеть меня. Я тотчас вышел в зал; там стоял человек среднего роста или поменьше среднего, лицо которого было несколько знакомо мне по портретам. Подошедши к нему, я попросил его сесть на диван и сел подле со словами, что мне очень приятно видеть автора «Бедных людей». Он, после нескольких секунд колебания, отвечал мне на приветствие непосредственным, без всякого приступа, объяснением цели своего визита в словах коротких, простых и прямых, приблизительно следующих: «Я к вам по важному делу с горячей просьбой. Вы близко знаете людей, которые сожгли Толкучий рынок, и имеете влияние на них. Прошу вас, удержите их от повторения того, что сделано ими». Я слышал, что Достоевский имеет нервы расстроенные до беспорядочности, близкой к умственному расстройству, но не полагал, что его болезнь достигла такого развития, при котором могли бы сочетаться понятия обо мне с представлениями о поджоге Толкучего рынка. Увидев, что умственное расстройство бедного больного имеет характер, при котором медики воспрещают всякий спор с несчастным, предписывают говорить все необходимое для его успокоения, я отвечал: «Хорошо, Федор Михайлович, я исполню ваше желание». Он схватил меня за руку, тискал ее, насколько доставало у него силы, произнося задыхающимся от радостного волнения голосом восторженные выражения личной его благодарности мне за то, что я по уважению к

нему избавляю Петербург от судьбы быть сожженным, на которую был обречен этот город».

Николай Гаврилович и Федор Михайлович. *И. Сакуров*

На самом деле Чернышевскому в это время было не до юмора. Полиция, может быть, и не имела отношения к пожарам, но у нее хватило ума воспользоваться удобной ситуацией. Связать публициста с поджогами и прокламацией «Молодая Россия» не получилось, но Чернышевскому вменили авторство другой «возмутительной» листовки, появившейся еще два года назад: «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон». Этот текст, написанный в псевдонародном стиле, извещал народ о существовании некоей таинственной организации, которая в должный час «пришлет объявление», «что пора, люди русские, доброе дело начинать» – «волю добыть». Совершенно не факт, что именно Чернышевский сочинил эту довольно заковыристую бумагу, в которой вряд ли разобрался бы простой крестьянин. Сам

Николай Гаврилович авторство отрицал. Тем не менее, его арестовали, судили и приговорили к каторге, а перед тем еще выставили на площади прикованным к столбу на всеобщее обозрение – это называлось «гражданская казнь».

Показательной расправой над духовным лидером демократов дело, конечно, не ограничилось. Специально учрежденная следственная комиссия обнаружила «вредное направление» преподавания в воскресных школах для рабочих и связь с лондонскими эмигрантами «многих сотрудников некоторых журналов», то есть вещи, известные и без специальных изысканий. Но суть была не в расследовании, а в его результатах.

Воскресные школы закрыли, а тех, кто там преподавал, выслали из столицы. «Некоторые журналы» (а именно «Современник» и «Русское слово») запретили.

После этих суровостей наметившаяся в обществе тенденция к революционному повороту временно притормозилась. У правительства создалось ошибочное и даже опасное убеждение, что это было результатом вовремя принятых строгих мер.

На самом же деле «пожар» затух, потому что как раз в это время начались важные события, целиком завладевшие вниманием активной части общества.

Сначала это было польское восстание, которое своим антирусским пафосом вызвало в метрополии ответную волну русского национализма. Это было вдвойне на руку власти. Она получила не только широкую поддержку своих карательных действий, но еще и дополнительный бонус в виде раскола оппозиции на «патриотов России» и «патриотов Свободы» (к числу которых, в частности, относились сторонники Герцена).

Затем стартовал второй этап преобразований: судебная, земская, городская реформы. Повестку дня опять задавало правительство, увлекая за собой общество. Множество неравнодушных, активных людей, озабоченных общественным благом, занялись живым делом, нашли себя в повседневной работе.

Через некоторое время власти уже могли себе позволить вновь открыть университет и даже возобновить издание запрещенных журналов. Настроение общества переменилось.

Второй период «гражданского согласия» продолжался несколько лет. Правда, он не был столь единодушным, как первый. Некоторая часть молодежи, увлеченная революционными идеями, уже не могла довольствоваться «умеренным прогрессом».

Еще при Чернышевском его последователи создали группу «Земля и воля», которая намеревалась превратиться в тайную организацию, способную дать крестьянам сигнал «доброе дело начинать». Члены группы были уверены, что в 1863 году начнется революция. Вид это пока имело несерьезный и ограничилось одними намерениями. Когда Чернышевского арестовали, а вместо революции всё передовое общество увлеклось «польским вопросом», организация прекратила свое существование. Но осталось несколько упорных борцов, которые решили продолжить дело революции. Их предводителем был 23-летний разночинец Николай Ишутин. Сначала ишутинцы пробовали заниматься революционной пропагандой в народе, но дело шло плохо. Тогда один из членов кружка, бывший студент Дмитрий Каракозов, решил, что быстрее всего перевернет общество террористический акт: надо убить царя. В пояснительном письме он объяснял свой поступок тем, что «цари-то и есть настоящие виновники всех наших бед».

Попытка цареубийства, совершенная членом маленькой организации, по сути дела была жестом отчаяния: приверженцы революции видели, что они потеряли общественное влияние.

Устроить покушение на повелителя великой империи в те невинные времена было нетрудно. Александр II, как и его отец, передвигался по Петербургу почти без охраны, любил прогуляться по Летнему саду. Там, у решетки, Каракозов, вооруженный дешевым двухствольным пистолетом, царя и подстерег четвертого апреля 1866 года. Успел выпустить одну пулю, не попал. То ли просто промахнулся, то ли его толкнул случайный зевака. Впоследствии этого зеваку, Осипа Комиссарова, восславили как царского спасителя, но очень возможно, что сделано это было в пропагандистских целях: вот-де, студент-барчук батюшку-государя убить хотел, а человек из народа царя спас.

Сначала решили, что покушавшийся – поляк. Невозможно было поверить, что свой, русский, православный способен на такое кощунство. Потом установили личность. Каракозова повесили, его товарищей по кружку сгноили в тюрьмах, но этим дело не ограничилось.

Каракозовское покушение на картине В. Гринера, написанной сразу после инцидента. Его величество здесь даже не соизволяет обратить внимание на стрелка

Шок от каракозовского выстрела был столь сильным, что у государства произошло нечто вроде панической атаки с судорогами.

Репрессии обрушились не на революцию (которой и в помине не было), а на эволюцию. Государство само повернуло на путь, который в конце концов приведет монархию к гибели.

Получилось, что Каракозов все-таки не промахнулся.

Как загнать болезнь внутрь

Прокатилась волна произвольных обысков и беспричинных арестов. Окончательно закрыли «Современник» и «Русское слово» – просто потому, что эти журналы читал несостоявшийся цареубийца.

Но этим дело не ограничилось. Сменился весь курс внутренней политики. Министры-либералы были скопом отправлены в отставку, уцелели только военный министр Милютин и министр финансов Рейтерн. И «чистка» аппарата отнюдь не ограничилась самым верхним эшелоном. Одним из веяний реформенной поры было появление «прогрессивных» губернаторов – деятельных, честных, просвещенных администраторов, которые пытались исправить ситуацию на местах и немалого добились. Таковы были нижегородский А. Муравьев, херсонский А. Башмаков, курский В. Ден, калужский В. Арцимович и другие – целая плеяда толковых управленцев среднего звена. Осуществлялась государственническая мечта Н. Карамзина, который, разуверившись в пользе свобод, видел спасение России в том, чтобы сыскать в каждую губернию «умного и честного губернатора». Оказалось, что так не получается: умные и честные чиновники в ситуации «закручивания гаек» на посту не удерживаются. Историк П. Зайончковский, пишет, что за короткий срок после каракозовского покушения более половины губернаторов либерального периода (двадцать девять из пятидесяти трех) потеряли свой пост. Их заменяли назначенцы из числа консерваторов. Настало их время.

Граф П. Шувалов возглавил Третье Отделение, граф Д. Толстой – министерство просвещения. Вместе они взялись за исправление нравов молодежи. Привлечь ее на свою сторону государство не умело, да и не пыталось. Методы были в основном запретительно-карательные. Из-за этого раскол между «молодой» и «старой» Россиями всё увеличивался.

Реформа министра Толстого вроде бы должна была «очистить» университеты от разночинцев, но и после нее студенчество спокойнее не стало. Просто собрания и диспуты переместились из аудиторий на частные квартиры.

Многие, особенно девушки, которым в России негде было получить высшее образование, поехали учиться в Европу – и возвращались оттуда, увлеченные социалистическими идеями.

Правительство реагировало на это тревожное явление мерами, которые только подливали масла в огонь.

Весной 1869 года опять происходят студенческие беспорядки в Петербурге. В ответ, как обычно, следуют исключения и высылки из столицы. Русским студенткам приказано вернуться из-за рубежа на родину под угрозой лишения подданства. Большинство возвращаются.

И что же происходит?

Высланные из столиц и вернувшиеся из Европы студенты и студентки разъезжаются по всей стране, разнося семена вольнодумства. Татищев сокрушенно пишет: «Мало-помалу вся Россия покрылась густою сетью так называемых «кружков самообразования», в которых учащаяся молодежь, воспитанники высших и средних учебных заведений, пропитывались учением анархизма, жадно прислушивались к голосам вожаков из товарищей, исключенных из университетов и гимназий или из тех, что побывали за границею».

Закон от 19 мая 1871 года предоставил жандармам право без суда отправлять любого человека, заподозренного в политической неблагонадежности, в административную ссылку. В результате этой бессудной расправы, фактически дезавуирующей все правовые принципы юридической реформы, тысячи совсем молодых людей обоего пола попадали в такую среду и в такие условия, что даже самые смирные становились убежденными врагами режима.

При этом протестные настроения в студенческой среде нисколько не ослабевали. Молодежь все время лихорадило. В 1876 году, то есть через целое десятилетие после вступления графа Толстого в министерскую должность, несколько сотен человек, в основном студентов, устраивают шумную политическую манифестацию в самом центре столицы, возле Казанского собора, причем толпа даже вступает в драку с полицией.

Это, впрочем, всё были события явные, находившиеся на поверхности. Но одновременно разворачивались процессы глубинные, еще более тревожные. Болезнь, именуемую общественным недовольством, полицейскими методами излечить невозможно. От жестких мер она всегда уходит внутрь организма и начинает разъедать его изнутри, невидимая снаружи и потому неконтролируемая.

Еще на первом этапе гонений против студентов эту стадию движения предугадал Герцен. «Но куда же вам деться, юноши, от которых заперли науку? Сказать вам куда? Прислушайтесь – благо тьма не мешает слушать: со всех сторон огромной родины нашей, с Дона и Урала, с Волги и Днепра, растет стон, поднимается ропот – это начальный рев морской волны, которая закипает, чреватая бурями, после страшно утомительного штиля. В народ! к народу! – вот ваше место, изгнанники науки».

Идея витала в воздухе. Пожалуй, в тех условиях даже была единственно возможной. Сначала высланные из столиц молодые альтруисты попадали в глушь поневоле, затем потянулись в глубинку, «в народ», уже сознательно.

Смысл народнического движения был прост: если не получается построить новую Россию с помощью верхов, будем действовать с помощью низов.

Пока в Петербурге Шувалов с Толстым рапортовали государю, как славно они восстановили порядок полицейскими методами, в революционно настроенной среде распространялись «народнические» настроения. Споры шли лишь о том, как и куда «вести» массы. Касательно окончательной великой цели разногласий, в общем, не было. Все народники были против капиталистического пути и расходились лишь в том, что лучше – социализм или анархизм.

Примечательно, что, в отличие от первого этапа идейного «брожения», новые властители дум были людьми немолодыми.

Демонстрация у Казанского собора. 1876 г. *Гравюра*

Поначалу преобладала относительно умеренная, просветительская платформа, которую сформулировал П. Лавров (1823–1900). Полковник, бывший профессор Артиллерийской академии, сначала высланный из столицы, а затем бежавший за границу, Лавров публиковал статьи, где говорилось, что в России всякий образованный человек находится в нравственном долгу перед народом, который оплачивает привилегированное существование немногих счастливцев своим тяжелым, беспросветным трудом. Обязанность каждой «развитой личности» – вернуть этот долг через общественное служение. Суть этого служения в том, чтобы «дать крестьянству то образование и то понимание его общественных потребностей, без которого оно никогда не сумеет воспользоваться своими легальными правами». «Энергичные, фанатические люди, рискующие всем и готовые пожертвовать всем» должны вести упорную, терпеливую пропагандистскую работу, ходя по деревням. Лавров считал, что сначала нужно внедрить в сознание русского крестьянина социалистическую идею, а уж потом звать к революции.

Последователи другого идейного вождя, М. Бакунина (1814–1876), так долго ждать не соглашались. Михаил Бакунин был личностью яркой. Эмигрировав из николаевской России, он участвовал во всех европейских революционных движениях, причем повсюду примыкал к самому радикальному крылу; дважды приговаривался к смертной

казни, был выдан России и провел несколько лет в заточении, а затем в Сибири; оттуда через Японию и Америку бежал в Европу; пытался принять участие в польском восстании; перевел «Коммунистический манифест», но потом разругался с Марксом, предвещая, что «диктатура пролетариата» неминуемо выльется в «диктатуру начальников коммунистической партии». Сам Бакунин выступал против любого государства. Романтическая биография этого титана, его анархистский максимализм были, конечно же, очень привлекательны для молодых людей пассионарного склада (а таких среди народников было много). Бакунин утверждал, что тянуть с революцией незачем, русский мужик по своей природе стихийный бунтарь, и нужно всего лишь эту могучую энергию выпустить на волю.

Поэтому «бакунинцы», тоже бродившие по деревням, вели совсем уж зажигательные беседы, призывая убивать «господ», жечь усадьбы и прочее.

Крестьяне с их всегдашним недоверием к чужим, городским людям лекции «лавровцев» слушали без интереса, а призывов «бакунинцев» пугались, частенько сдавая агитаторов полиции. Как пишет Р. Пайпс: «Мужик, знакомый им в основном по художественной литературе и полемическим трактатам, не желал иметь дела с явившимися его спасать студентами-идеалистами. Подозревая низменные мотивы (с которыми он единственно был знаком из своего опыта), он либо игнорировал их, либо передавал их уряднику». Особенно непопулярна была пропаганда против самодержавия. Крестьяне считали своим врагом не царя, который был слишком высоко и далеко, а помещика. И хотелось им не демократии, в которой они не видели для себя никакой пользы, а побольше земли. Лев Толстой, постоянно общавшийся с мужиками, писал: «Русская революция не будет против царя и деспотизма, а против поземельной собственности».

На картине В. Маковского с нарочито нейтральным названием «Вечеринка» изображены «типические образы» тогдашних революционеров

Поэтому со временем тактика народников переменилась. Они решили, что «гастрольная» пропаганда для отечественных условий не годится. Крестьяне будут верить только тем, кого они знают. Если в начале семидесятых энтузиасты чаще всего наряжались коробейниками, плотниками или бурлаками, то через несколько лет отказались от маскарадов, которые все равно плохо удавались, и стали работать в сельской местности фельдшерами, учителями, волостными писарями. Такая перемена, означавшая, что верх берет лавровская линия постепенной обработки крестьянского сознания, могла бы со временем дать свои результаты, но к этому моменту власти уже спохватились и затревожились – с большим запозданием. «Обнаружение в мае 1874 года в Саратове одного из очагов пропаганды

скоро привело к раскрытию ее преступной деятельности во всей Империи», – пишет Татищев.

Боролись с этой «заразой» обычными полицейскими методами, «с большою энергиею». В 37 губерниях арестовали несколько тысяч человек. К следствию смогли привлечь только 770. До суда довели лишь четверть. Устроили ряд показательных судебных процессов, каждый из которых превратился в пропаганду народничества. Получилось, что власть сама спонсировала это шоу. На «Процессе пятидесяти» и «Процессе ста девяносто трех» звучали революционные речи, потом ходившие по рукам. Подсудимые были молоды, воодушевлены и прекрасны. Прокуроры тусклы, казенны и зловещи. Более удачной рекламной кампании в пользу революции не придумали бы и Лавров с Бакуниным.

Если власти чего-то этими судилищами и добились, то лишь еще большей радикализации движения. Противникам самодержавия стало ясно, что нужно лучше конспирироваться. И что пропагандой, словами, тупого монстра не победишь.

Болезнь ушла еще глубже – в подполье, а затем и в терроризм. Эта тенденция зародилась несколькими годами ранее, но вплоть до разгрома народнического движения оставалась маргинальной.

«Революционер – человек обреченный»

Этой эффектной фразой начинается «Катехизис революционера», моральный кодекс непримиримого борца за новый мир, составленный 22-летним Сергеем Нечаевым (1847–1882).

В значительной степени благодаря Достоевскому, выведшему Нечаева под именем пакостного Петруши Верховенского в романе «Бесы», за этим революционным деятелем укрепилась репутация мелкого беса – бессовестного, коварного интригана и манипулятора. Это совершенно неверное представление – хотя бы потому, что Сергей Нечаев был фигурой исторически очень крупной. Ее значение выходит далеко за пределы и России, и всего девятнадцатого века.

Нечаев вовсе не был человеком беспринципным и безнравственным. Просто он придерживался совершенно иной нравственности, революционной, которая в «Катехизисе» сформулирована предельно ясным образом: «Нравственно для него

[революционера] всё, что способствует торжеству революции. Безнравственно и преступно всё, что мешает ему». Впоследствии точно тот же принцип будет положен в основу «классовой», а затем «партийной» морали, которую провозгласят большевики.

> В своем программном манифесте Нечаев писал, бравируя нигилистической прямотой: «Для него [революционера] существует только одна нега, одно утешение, вознаграждение и удовлетворение – успех революции. Денно и нощно должна быть у него одна мысль, одна цель – беспощадное разрушение. Стремясь хладнокровно и неутомимо к этой цели, он должен быть всегда готов и сам погибнуть, и погубить своими руками всё, что мешает ея достижению… Тем хуже для него, если у него есть… родственные, дружеские или любовные отношения; он не революционер, если они могут остановить его руку».
>
> С точки зрения обычной человеческой этики документ, конечно, выглядит совершенной бесовщиной. Он проповедует вероломство, жестокость и беспощадность – если это понадобится для дела. Автор перечисляет, какие категории людей и в каком порядке подлежат истреблению. По поводу народа в «Катехизисе» сказано: «У товарищества ведь нет другой цели, кроме полнейшего освобождения и счастья народа, то есть чернорабочего люда. Но, убежденные в том, что это освобождение и достижение этого счастья возможно только путем всесокрушающей народной революции, товарищество всеми силами и средствами будет способствовать к развитию и разобщению тех бед и тех зол, которые должны вывести, наконец, народ из терпения и побудить его к поголовному восстанию».

Эта поэма на тему о том, что «лес рубят – щепки летят», сочетала в себе пылкую любовь к человечеству с полным пренебрежением к жизни отдельного человека. Нечаевский постулат о том, что герои, жертвующие собой во имя Великой Цели, получают право приносить ради нее в жертву кого угодно и что угодно, обрел долгую жизнь и нисколько не потускнел и в двадцать первом веке. Именно этой моралью вооружались и продолжают вооружаться экстремисты всех

политических, религиозных и прочих направлений, когда затевают теракты, мишенью которых становятся не отдельные враги, а невинные люди. Если это нужно для Высокой Цели (какая бы чушь террористу таковой ни казалась), всё прочее не имеет значения. Идейный родоначальник подобного терроризма – Сергей Нечаев. Знаменитый роман Хорхе Семпруна (1987), посвященный современному экстремизму, так и назывался: «Нечаев вернулся».

С точки зрения конкретных революционных деяний, Нечаев сделал, собственно, немного. Можно сказать, почти ничего не сделал – лишь навредил той цели, которой всё оправдывал.

Сергей Нечаев. *Фотография*

В 1869 году он появился в Европе, обаял Бакунина, который был полезен Нечаеву своим авторитетом. Старый анархист наделил юного героя (тот наврал, что сбежал из Петропавловской крепости) всеми нужными полномочиями. Потом Нечаев сумел понравиться Николаю Огареву, распоряжавшемуся средствами так называемого Бахметьевского фонда, и получил в свое распоряжение значительную сумму. Должно быть, Огарев проходил по «Катехизису» как

представитель «пятой категории» – либералов, с которыми «можно конспирировать по их программам, делая вид, что слепо следуешь за ними, а между тем прибрать их в руки, овладеть всеми их тайнами».

> Позволю себе небольшое отступление про Бахметьевский фонд – это очень красивая и очень русская история, ярко иллюстрирующая то удивительное время.
>
> Павел Бахметьев был гимназическим учеником Н. Чернышевского, который впоследствии вывел этого незаурядного человека в своем романе под именем Рахметова. В юности Бахметьев тоже бродил по России, чтобы узнать жизнь народа, придерживался аскетических привычек и жил утопическими мечтами.
>
> Продав свое имение, в 1857 году он отправился в дальнее путешествие – строить коммуну на каком-нибудь далеком тихоокеанском острове. По дороге сделал остановку в Лондоне и передал Герцену с Огаревым значительную часть имевшихся при нем денег, 20 тысяч франков, сказав, что хочет напоследок принести пользу России.
>
> Известно, что Бахметьев отплыл в Новую Зеландию, дабы потом создать ячейку нового общества на Маркизовых островах, но добрался ли он туда и что с ним сталось неизвестно. Н. Эйдельман пытался отыскать его следы по архивам, но безуспешно.
>
> К сожалению, России деньги Бахметьева-Рахметова пользы не принесли.

Вернувшись на родину с добычей, Нечаев взялся за организацию идеальной революционной партии со зловещим названием «Народная расправа», которую и создал в Москве. Он выдавал себя за представителя некоего могущественного «центрального комитета». Разбил членов на пятерки, стал приучать к строгой дисциплине, но этого ему показалось мало. Чтобы связать всех круговой порукой, инициировал убийство одного из участников, обвинив его в предательстве. Это была единственная «народная расправа», устроенная партией. Всех арестовали, Нечаев сбежал за границу и через некоторое время был выдан России. Окончил свои дни в каземате Петропавловки.

На фоне разворачивающегося народнического движения эта история может показаться мелким, неприятным эпизодом в жанре «семья не без урода», однако через несколько лет нечаевское представление о настоящих революционерах как о рыцарях некоего тайного ордена, наделенного особыми правами, многим уже казалось не просто актуальным, а единственно возможным.

Революционное движение входит в новую, «нечаевскую», заговорщическую фазу.

После ареста Нечаева идеологом перехода к подпольным методам борьбы стал один из членов «Народной расправы» Петр Ткачев (1844–1886). Арестованный и сосланный, он бежал в Швейцарию и излагал свои «подрывные» идеи в эмигрантской прессе.

Власти считали, что неуспех революционной пропаганды среди простого люда обеспечивается энергичными полицейскими мерами. В то же самое заблуждение впали и самые активные из народников – слишком уж депрессивно было сознавать, что крестьяне никакой революции не хотят. Логический вывод состоял в том, что агитационную деятельность продолжать нужно, но с соблюдением строгой конспирации. Ткачев же предлагал полагаться не на революционный дух народа, а на деятельность хорошо организованной, дисциплинированной партии, способной разрушить государственную машину и захватить власть в стране. Об анархизме речь уже не шла. Целью объявлялась диктатура, «сосредоточение материальной силы и политической власти в руках революционной партии». (Именно этот путь, проведенный в жизнь В. Лениным, как мы знаем, впоследствии окажется самым действенным.)

В 1875 году в Москве, Саратове и других городах появляется сеть подпольных кружков, устроенных по новым правилам. Члены этих сообществ жили по поддельным документам, не использовали своих настоящих имен, переписывались шифрованными записками, держали «явки», но всё это пока делалось по-дилетантски, по-мальчишески, и полиция быстро разгромила так до конца и не сложившуюся организацию, произведя несколько сотен арестов.

Более серьезная попытка была предпринята в следующем 1876 году, когда в столице была создана уже вполне серьезная организация «Земля и воля», названная в память о первой подпольной группе чернышевцев. Единственным достижением той, первой «Земли и воли»

было то, что о ее существовании так и не узнала полиция. Теперь именно этот опыт обрел особенную важность.

Ядро партии состояло из оставшихся на свободе «старых» (на самом деле все еще очень молодых) народников, но вскоре пополнилось новой генерацией революционной молодежи – репрессивные меры властей постоянно обеспечивали революции приток свежих сил.

Целью деятельности объявлялась «народная социалистическая революция». Основным методом борьбы оставалась пропаганда среди крестьян – дань прежним народническим верованиям. Началась и агитация среди «мастеровых», то есть рабочих, в то время относительно немногочисленных. Городской пролетариат рассматривался как вспомогательная сила, которая поддержит крестьянское восстание.

«Землевольцы» планировали создать «опорные пункты» в самых «перспективных» областях страны, к каковым относили Дон и Кубань с их вольным казацким духом, а также Поволжье, где якобы жила память о пугачевщине. Агитаторы отправлялись в села и станицы, чтобы вести там всё ту же народническую работу, но теперь с соблюдением строгой конспирации. Нечаевско-ткачевская заговорщическая линия проявилась, собственно, только в организации партии. Она поддерживала внутреннюю дисциплину, имела устав, «центральный кружок» и сеть отделений, выпускала подпольную газету «Земля и воля». Всего в организации состояло около двухсот членов, не считая многочисленных незаконспирированных помощников.

Поминавшаяся выше петербургская демонстрация около Казанского собора в декабре 1876 года была первой пробой сил новой партии. Она надеялась собрать под красным знаменем рабочих. Знамя развернули, на нем было написано «Земля и воля», но рабочих пришло мало, в основном явились все те же студенты.

Не оправдались надежды «землевольцев» и на вольный дух сельского населения. Крестьяне упорно не желали бунтовать, казаки тем более. Полиция без большого труда вылавливала подозрительных пришлых людей, как бы они ни конспирировались.

Но главная причина поражения новой революционной тактики заключалась не в этом. Вторую «Землю и волю» погубило то же, что и первую. Как раз в это время, в 1876 году, так же, как в 1863-м,

правительство «перехватило повестку» у революционеров – увлекло русское общество патриотическим порывом.

Повторилось то же самое. «Широкие слои» сочувствующих преисполнились патриотизма, устремились спасать «славянских братьев». Узкий круг непримиримых революционеров занервничал, радикализировался и задействовал крайнее средство революционной борьбы, уже совершенно нечаевское: террор.

Но времена переменились. Вырос градус ожесточения. Одним выстрелом, как в 1866 году, не обошлось. Загнанная внутрь болезнь дала себя знать. Нарыв прорвался. Конфликт перешел в террористическую фазу.

Время террора

«Земля и воля» выступала против борьбы с оружием в руках, делая исключение только для самообороны. Индивидуальному террору организация предпочитала «аграрный террор», которые должны были устроить крестьяне, нападая на помещиков.

Но крестьяне не нападали, революционная волна шла на убыль, и некоторые землевольцы горели желанием повернуть это течение вспять.

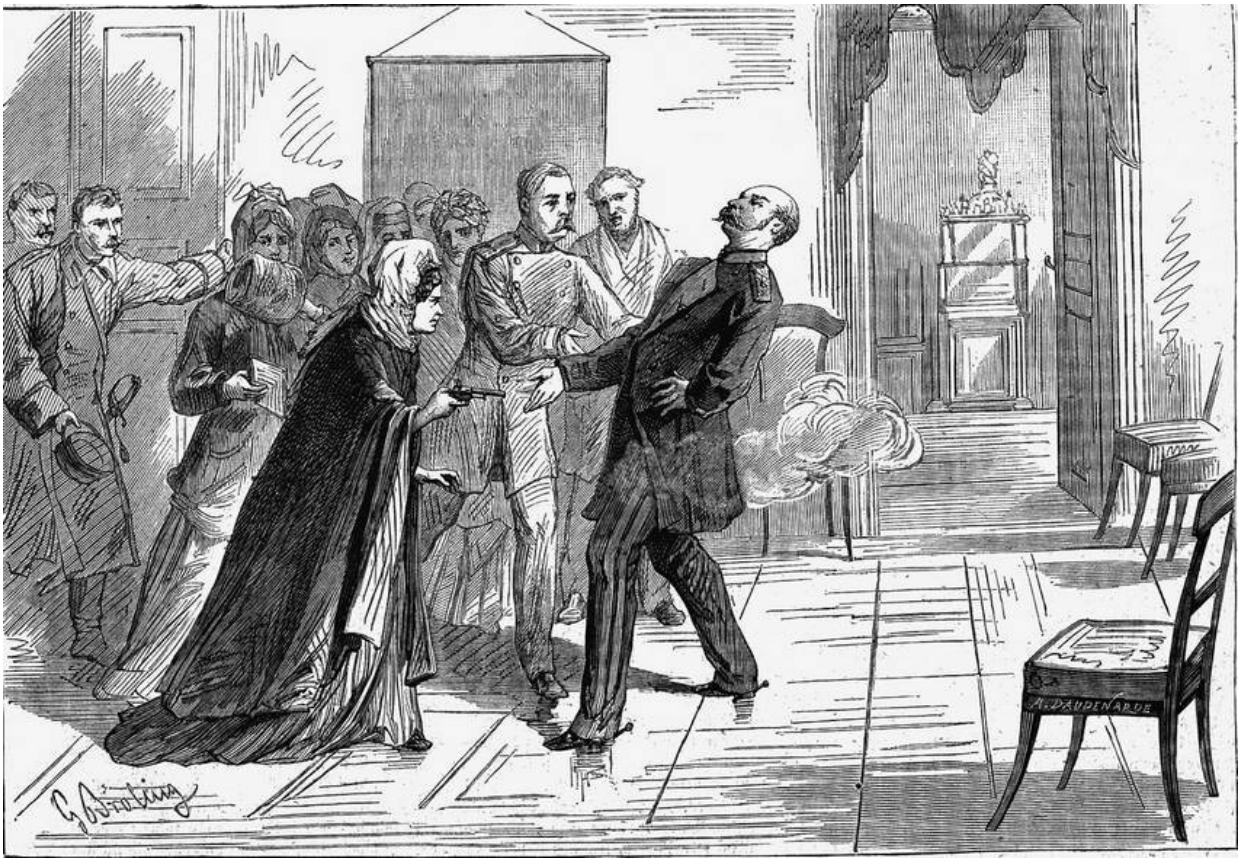
Поразительно, что роковой поворот осуществила хрупкая молодая женщина – Вера Засулич (1849–1919). Она прошла обычный для тогдашних русских интеллигентных девушек путь: поработала переплетчицей, учительницей, акушеркой, «ходила в народ», распространяла запретную литературу, была в ссылке – одним словом, приносила себя в жертву ради народного блага.

Двадцать четвертого января 1878 года Засулич пришла на прием к петербургскому градоначальнику Трепову, известному «держиморде», и тяжело ранила его двумя выстрелами в живот. Это была месть за уже довольно давнюю историю: полугодом ранее Трепов приказал высечь арестованного студента.

Согласно новым судебным установлениям, процесс был гласным и вердикт выносили присяжные. Тут-то и выяснилось, что независимый суд и «ордынское» государство совершенно несовместны. Растроганные видом подсудимой, ее благородством и несомненным альтруизмом, а также возмущенные произволом градоначальника,

присяжные объявили Засулич невиновной. Это стало настоящим шоком для правительства и дало невероятный толчок революционным настроениям самого радикального свойства. Полиция попыталась задержать террористку невзирая на вердикт – студенты ее отбили и помогли скрыться.

Дело Засулич затмило реляции с Балкан, тем более что боевые действия к тому времени уже закончились.



Выстрел Веры Засулич. *А. Доденард*

Самым же тяжелым последствием процесса было то, что террор, если так можно выразиться, вошел в моду. Очень горячих и очень холодных голов, готовых взяться за оружие, нашлось немало. Некоторые были связаны с подпольщиками, другие действовали по собственному почину.

Турецкая война закончилась, но началась война между государством и революционерами.

Вот краткая хроника основных ее событий (за исключением покушений на цареубийство, о которых будет рассказано отдельно).

30 января, то есть меньше чем через неделю после акции Засулич, в Одессе произошла перестрелка. Жандармы пришли арестовывать нелегалов, а те вместо того, чтобы сдаться, как бывало прежде, открыли огонь.

1 февраля в Ростове-на-Дону тамошние подпольщики убили полицейского провокатора Никонова.

23 февраля в Киеве трое террористов стреляли в товарища прокурора Котляревского.

25 мая в том же городе ударом кинжала был убит адъютант жандармского управления барон Гейкинг. Террорист скрылся, отстреливаясь.

Каждый из этих терактов сопровождался выпуском прокламаций о приведении в исполнение приговора, вынесенного некоей «русской социально-революционной партией», а вооруженное сопротивление при аресте или попытке задержания отныне становится обычным делом.

Обостряется ситуация и в столице. Чтобы не повторился казус с оправданием Засулич, правительство предает одесских арестантов военному суду – под предлогом того, что в январе в городе еще не было отменено военное положение, а нападение на жандармов было приравнено к нападению на солдатский караул. Благодаря этой казуистике суд прошел без сюрпризов, одного из обвиняемых расстреляли. Но в отместку, всего два дня спустя, среди бела дня, в центре Петербурга, землеволец Кравчинский кинжалом заколол самого шефа жандармов и начальника Третьего отделения Мезенцева, после чего благополучно скрылся. Безнаказанное убийство руководителя имперских спецслужб стало настоящей пощечиной для репрессивной машины, гордившейся своим всемогуществом.

Машина ответила так, как умела – еще бóльшими репрессиями. Притом не точечными, а массовыми, то есть наиболее бездарным и опасным образом. Правда, у нее не было другого выхода – полиция еще не научилась бороться с конспиративными организациями.

Прямо в день похорон Мезенцева в Зимнем дворце состоялось экстренное заседание Совета министров в присутствии императора.

Постановили: подлежащих бессудной «административной высылке» (то есть кого угодно, по одному лишь подозрению полиции) отправлять «преимущественно в Восточную Сибирь»; за вооруженное сопротивление предавать военному суду с немедленным исполнением приговора; построить специальные тюрьмы и колонии для содержания политических.

По сути дела, государство решило ответить на террор террором. Людей по-настоящему отчаянных (а постнечаевские «обреченные» все были такими) запугать этим совершенно невозможно, они лишь лучше конспирируются. Общество при этом, подвергаясь полицейскому произволу, начинает горячо сочувствовать бесстрашным героям, сражающимся с несправедливостью, и не ставит им в вину проливаемую кровь. В самой, может быть, главной борьбе – за умы и сердца – правительство безнадежно проигрывало. Всякий передовой человек счел бы низостью помогать полиции и достойным поступком – помочь революционерам, даже если не разделял их взглядов.

Да что «передовой человек»! Вот разговор 1880 года. Участвуют два убежденных консерватора: Федор Михайлович Достоевский и Алексей Сергеевич Суворин, редактор благонамеренной газеты «Новое слово», которую демократы называют «Чего изволите?».

«Представьте себе, – говорил он [Достоевский], – что мы с вами стоим у окон магазина Дациаро и смотрим картины. Около нас стоит человек, который притворяется, что смотрит. Он чего-то ждет и все оглядывается. Вдруг поспешно подходит к нему другой человек и говорит: «Сейчас Зимний дворец будет взорван. Я завел машину». Мы это слышим. Представьте себе, что мы это слышим, что люди эти так возбуждены, что не соразмеряют обстоятельств и своего голоса. Как бы мы с вами поступили? Пошли ли бы мы в Зимний дворец предупредить о взрыве или обратились ли к полиции, к городовому, чтоб он арестовал этих людей? Вы пошли бы?» «Нет, не пошел бы…» «И я бы не пошел».

Потому что доносить на революционеров стыдно. Даже если они собираются взорвать Помазанника Божия.

«Ведь это ужас. Это – преступление, – вздыхает Федор Михайлович. – Мы, может быть, могли бы предупредить…»

Полиция свирепствует, но пожар разгорается лишь сильней. В 1879 году убийства, покушения, перестрелки становятся чуть ли не обыденным явлением. В феврале застрелен харьковский губернатор князь Кропоткин и зарезан полицейский агент Рейнштейн. В марте стреляли в нового шефа жандармов Дрентельна. В мае при захвате киевской подпольной типографии произошел кровопролитный бой – было произведено 60 выстрелов.

Военные суды исправно работали, революционеров сажали в тюрьму, казнили. Но террор не стихал. Арестовывали отдельных подпольщиков, но разгромить подпольную организацию не могли. Времена, когда профессионалы-полицейские легко справлялись с дилетантами, остались в прошлом.

Второго апреля 1879 года, через тринадцать лет после каракозовской попытки, в государя опять стреляли. Один из землевольцев, бывший студент, потом учитель, кузнец (обычная для народника биография) Александр Соловьев, разуверившись в полезности агитационной работы, попросил у «центрального кружка» разрешения на цареубийство. Большинством голосов предложение было отвергнуто. Тогда молодой человек решил действовать самолично. Он подбежал к гулявшему по Дворцовой площади Александру с револьвером и открыл огонь. Все кроме императора застыли в растерянности. Помазанник же кинулся бежать зигзагами, увернулся от четырех пуль и остался цел. Соловьев принял яд, но его откачали и публично повесили.

И снова правительству показалось, что проблему можно решить административными методами, как в 1866 году.

Покушение Соловьева. *Гравюра*

Здесь государь соизволяет обратить внимание на стреляющего, но не убегает от него (как было на самом деле)

В апреле учреждаются «временные генерал-губернаторства» – там, где ситуация была тревожнее всего: в Петербурге, Харькове и Одессе. В этих городах фактически вводится военное положение. Генерал-губернаторам дают чрезвычайные полномочия. Это полководцы, прославившиеся на недавней войне: герой Шипки генерал Гурко, герой Плевны генерал Тотлебен, герой Карса генерал Лорис-Меликов. «В видах предоставления полиции большей самостоятельности и для возвышения ее значения и авторитета» она выводится из-под юрисдикции местных судов. Теперь полиция имеет право по собственному усмотрению отправлять в ссылку не только тех, кто подозревается в антиправительственной деятельности, но любого, кого сочтет возмутителем «общественного спокойствия». Назначения в земские и городские органы самоуправления ставятся под контроль начальства. В правительстве рассматривается вопрос о «вреде образования для неподготовленных умов». Татищев деликатно

формулирует этот щекотливый вопрос следующим образом: «Не следует ли положить предел искусственной поддержке весьма распространенного стремления перемещаться путем высшего образования из одного общественного слоя в другой?» Подобная мера была вызвана высокой долей студентов-разночинцев в революционных организациях.

В общем, верховная власть пребывала в полной растерянности и, плохо понимая природу кризиса, боролась не с его причинами, а с его проявлениями.

Тем временем в революционном движении окончательно возобладала линия на вооруженную борьбу. Летом 1879 года «Земля и воля» разделилась на две организации. Меньшинство, по-прежнему верившее в силу слова, продолжило заниматься пропагандой среди крестьянства – так же безуспешно, как раньше. Эта группа называлась «Черный передел» (термин звучит зловеще, но означает всего лишь деление земли поровну). Последние народники скоро окончательно вывелись. Одних арестовали, другие эмигрировали, третьи отошли от движения.

Большинство же бывших землевольцев создали боевую партию «Народная воля», во главе которой стоял Исполнительный комитет. Он сразу же заявил, что пойдет каракозовско-соловьевским путем и обозначил свою главную цель: убить Александра Второго. Логика была очевидна: раз вся система держится на одном гвозде, то надо этот гвоздь уничтожить, и тогда конструкция рухнет. «Революционные теоретики доказывали, что волна покушений на высших правительственных чиновников достигнет двух целей: деморализует и, возможно, остановит правительственную машину, одновременно продемонстрировав крестьянству уязвимость монархии, на которую оно взирало с таким благоговением», – пишет Р. Пайпс.

Приговор Исполнительного комитета, вынесенный 26 августа, гласил: «Александр II – главный представитель узурпации народного самодержавия, главный столп реакции, главный виновник судебных убийств; четырнадцать казней тяготеют на его совести, сотни замученных и тысячи страдальцев вопиют об отмщении. Он заслуживает смертной казни за всю кровь, им пролитую, за все муки, им созданные».

Началась настоящая охота на императора – вся Россия и весь мир напряженно следили, удастся народовольцам исполнить свое намерение или нет.

Но после соловьевской пальбы царская охрана была усилена, а органы тайной полиции за годы борьбы с крамолой многому научились. Эволюционировала не только революция. Училась себя защищать и монархия.

Эволюция полиции

Политическая полиция, одна из вспомогательных опор «ордынского» государства, приобретала в России первостепенное значение всякий раз, когда верховная власть желала «закрутить гайки».

Иван Грозный, боровшийся с боярством и тешивший собственную паранойю, учредил Опричнину. Парвеню царь Борис, неуверенный в прочности своего положения, наводнил царство шпионами, принадлежавшими к ведомству Семена Годунова. Петр проводил свои непопулярные реформы при помощи грозного Преображенского приказа. Суровая Анна Иоанновна наводила страх кнутом и дыбой Тайной Канцелярии. В годы французской революции особые полномочия были предоставлены Тайной экспедиции. Николай Первый после декабристского восстания держал империю в ежовых рукавицах Третьего Отделения и Жандармского корпуса.

Но все эти сменявшие друг друга «органы госбезопасности» главным образом выполняли функцию устрашения. Они исправно собирали слухи и вылавливали говорунов, однако с настоящими заговорами справляться не умели.

Неконтролируемый рост оппозиционных настроений и их трансформация в подпольное революционное движение потребовали создания полицейской системы, способной к настоящей оперативной работе. И оказалось, что это совсем другая профессия, которую еще нужно изобрести.

В эпоху Александра Второго организация политического сыска в России еще только начинается, он действует методом проб и ошибок. Этот процесс не менее интересен, чем история революционного движения, потому что оно в конце концов выполнит свою задачу и

прекратится, а государственные спецслужбы со всеми наработанными навыками останутся.

Реформа тайной полиции проводилась поэтапно и связана с именами двух «сильных людей» (обоих современники называли «вице-императорами») – графа Шувалова и графа Лорис-Меликова. Толчком к преобразованиям в обоих случаях стали попытки цареубийства.

Петр Андреевич Шувалов, возглавивший Третье отделение после каракозовского выстрела, укреплял свое влияние, пугая императора революционными кознями. Введенные графом новшества состояли в следующем.

Во-первых, в Санкт-Петербурге было учреждено «Отделение по охранению порядка и спокойствия в столице», зародыш будущей Охранки. Задачей этого подразделения было своевременное выявление злоумышленников, для чего использовались тайные агенты, внедрявшиеся в антиправительственные кружки. Пока революционное движение не вошло в конспиративную фазу, этой методики было в общем достаточно.

Во-вторых, в 1867 году появились губернские жандармские управления, которым предписывалось заниматься пресечением антигосударственной деятельности. Вводились и уездные жандармские управления.

Синие мундиры. *П. Губарев*

С 1871 года Третье отделение завело секретную картотеку – «Алфавит лиц, политически неблагонадежных», периодически составляло аналитические отчеты. Писали их очень неглупые люди. В одном, например, от 1869 года, говорилось: «Нигилизм в последние годы видоизменился. Из гадкой шалости небольшого числа молодых людей обоего пола, видевших в непризнании наружных общепринятых

приличий способ доказать свою самостоятельность, он перешел в положительное учение, преследующее определенные социальные и политические цели». В докладе высказывалось суждение, что «прямым гонением» это зло искоренить уже невозможно, «надобно приискать другое оружие», но при Шувалове этим никто не занимался. Структура политической полиции сражалась не столько с революцией, сколько с обществом, раздражая его неумными репрессиями. На поверхности вплоть до взрыва, произошедшего во второй половине семидесятых, всё выглядело довольно спокойно. Иногда колобродили студенты – их исключали и высылали; по деревням бродили какие-то чудаки – их вылавливали сами крестьяне. Даже первые теракты, начавшиеся в 1878 году, не побудили полицию всерьез взяться за охрану самодержца, поэтому Александр и оказался под обстрелом на его счастье неметкого Соловьева.

Граф Лорис-Меликов, возглавивший в 1880 году новое чрезвычайное правительство (оно получило название «Верховной распорядительной комиссии»), стал бороться с революцией двумя способами: дальнейшим усовершенствованием работы спецслужб и приручением общества, то есть и кнутом, и пряником. На обоих фронтах этот феноменально ловкий администратор за короткий срок добился нешуточных успехов. Суть его политики состояла в том, чтобы помирить власть с теми, кто согласен мириться, а непримиримых психологически изолировать и уничтожить.

В первом же своем обращении к публике граф объявил: «На поддержку общества смотрю как на главную силу, могущую содействовать власти к возобновлению правильного течения государственной жизни, от перерыва которого наиболее страдают интересы самого общества». Императору Лорис-Меликов излагал то же самое в ином тоне: «Государь, по глубокой преданности вам дерзаю всеподданнейше высказать, что задача эта [победа над революционным движением] не может быть исполнена только карательными и полицейскими мерами». Необходимо «побудить правительственные учреждения и лица к более внимательному отношению к выразившимся насущным потребностям народа, общества и к его представителям».

Это был тон, которого и следовало держаться в диалоге с общественным «мейнстримом». Миролюбивые заявления сопровождались смягчением полицейских строгостей, направленных против широкой публики. Повальные аресты, обыски и ссылки прекратились, кого-то даже вернули из Сибири, смертные приговоры теперь в большинстве случаев заменялись тюремными сроками. Земствам правительство благоволило, городским думам выказывало почтение, открывались новые газеты, и цензура вела себя весьма умеренно. Потерял пост министра просвещения ненавистный либералам и студентам Д. Толстой. Главное же – власть опять завладела общественной повесткой: пошли толки о готовящейся конституции. Уже через несколько месяцев Верховную распорядительную комиссию отменили, вернувшись к обычной форме правления – настолько в стране стало спокойней.

Это объяснялось еще и тем, что народовольцы отказались от практики террора против отдельных чиновников, все их усилия теперь были сосредоточены на главной цели: убить императора. Но Лорис-Меликов и не рассчитывал, что подпольщики откажутся от борьбы. Он перестроил систему государственной полиции, пытаясь сделать ее работу более эффективной.

Упразднив Верховную комиссию как примету ненормального времени, Лорис-Меликов взял себе портфель министра внутренних дел, а заодно прибрал к рукам и главное учреждение политического сыска. Третье отделение, создававшееся при Николае I в совсем иных условиях и для совершенно других задач, было не в состоянии бороться с настоящими заговорщиками – хотя бы потому, что в его штате состояло всего 72 сотрудника. Теперь Третье отделение было переименовано в Департамент государственной полиции, а раз это полиция, то подчинялась она непосредственно министру. Бывший орган «искоренения крамолы» превращался в оперативно-розыскное учреждение.

Лорис-Меликов стал лично управлять и Жандармским корпусом, командир которого отныне становился заместителем министра внутренних дел. Сосредоточение руководства обеих спецслужб в одних руках безусловно было на пользу делу.

Учитывая важность второй столицы и ее революционные настроения, Лорис-Меликов создал там, вслед за Петербургом, особый

орган агентурной работы – «Секретно-розыскное отделение при канцелярии московского обер-полицмейстера».

В семи больших городах – Петербурге, Москве, Киеве, Харькове, Одессе, Тифлисе, Варшаве – появились перлюстрационные пункты, где работали специалисты, в том числе умевшие «читать между строк». Перехват и расшифровка корреспонденции помогут полиции разгромить «Народную волю».

Кроме того, министерство внутренних дел решило всерьез заняться политической эмиграцией, вожди которой, оставаясь недосягаемыми для российского суда, традиционно координировали и направляли революционное движение. Началась систематическая работа заграничной резидентуры по сбору информации, слежке, налаживанию контактов с европейскими полициями.

Но во всей этой громоздкой системе было и слабое звено – причем именно в том месте, в которое целили народовольцы. Личная охрана самодержца министру не подчинялась. Она была устроена довольно допотопным образом. Существовала особая «Дворцовая полицейская команда», служившая при царских резиденциях, и «охранная стража», следовавшая за государем в поездках и на прогулках. Этих людей обычно отбирали из бравых и видных полицейских унтер-офицеров. Специального обучения они не проходили. Например, сопровождая царя, телохранители имели обыкновение смотреть на него, а не на публику. Во время каракозовского покушения один охранник держал царскую шинель, другой откидывал полог саней. Соловьева горе-телохранители подпустили к Александру на десять шагов.

Притом Каракозов с Соловьевым были экзальтированные одиночки, у которых от волнения тряслись руки. В «Народной воле» же состояли люди хладнокровные и обстоятельные.

«Царская охота»

Давайте познакомимся с этими (как к ним ни относись) яркими личностями ближе, ведь они определили дальнейший ход отечественной истории.

Вот перечень ключевых участников фантасмагорической охоты, в которой царь был дичью, а на охотников, в свою очередь, охотилась полиция всей Российской империи.

Единого руководителя в Исполнительном комитете не было, но ведущую роль вначале там играл 24-летний Александр Михайлов, обладавший незаурядными способностями организатора, конспиратора и финансового распорядителя. Он был, как почти все они, из студентов, поверивших в революцию. Ушел в народ, много бродил по Руси, жил среди раскольников, привлеченный их духом антигосударственного сопротивления. Состоял в «Земле и воле», был одним из инициаторов перехода к террору. Знаменитая впоследствии революционерка Вера Фигнер сказала про него: «Неоценимый страж всей нашей организации, тип хозяина-устроителя, от бдительности которого не ускользала ни одна мелочь, касающаяся нашей безопасности». Готовя убийство царя, Михайлов изучил все проходные дворы Петербурга, за что получил кличку Дворник. Вот кредо Михайлова-Дворника, его собственными словами: «Жизнь для меня – это постоянная борьба всеми силами существа во имя идеи. Смерть же много лучше прозябания и медленного разрушения. Поэтому я так спокойно и весело жду приближающегося момента небытия». Он действительно был человек веселый. Все мемуаристы про это пишут.

Другим руководителем был волевой, всеми уважаемый 28-летний Андрей Желябов по кличке «Борис», выходец из крепостного крестьянства, получивший образование благодаря своим способностям и упорству. По словам другого народовольца, это был «генерал между всеми социалистами» – имелись в виду лидерские качества Желябова. Он был прекрасным оратором, хорошо разбирался в людях, обладал неиссякаемой энергией. «История движется ужасно тихо, надо ее подталкивать», – так объяснял Желябов мотивы своей вовлеченности в революцию. Впоследствии профессиональных подпольщиков в России появится много, но Желябов был одним из первых. На допросе он скажет: «Жил на средства из фонда для освобождения народа. Жил под многими именами; называть их считаю неуместным».

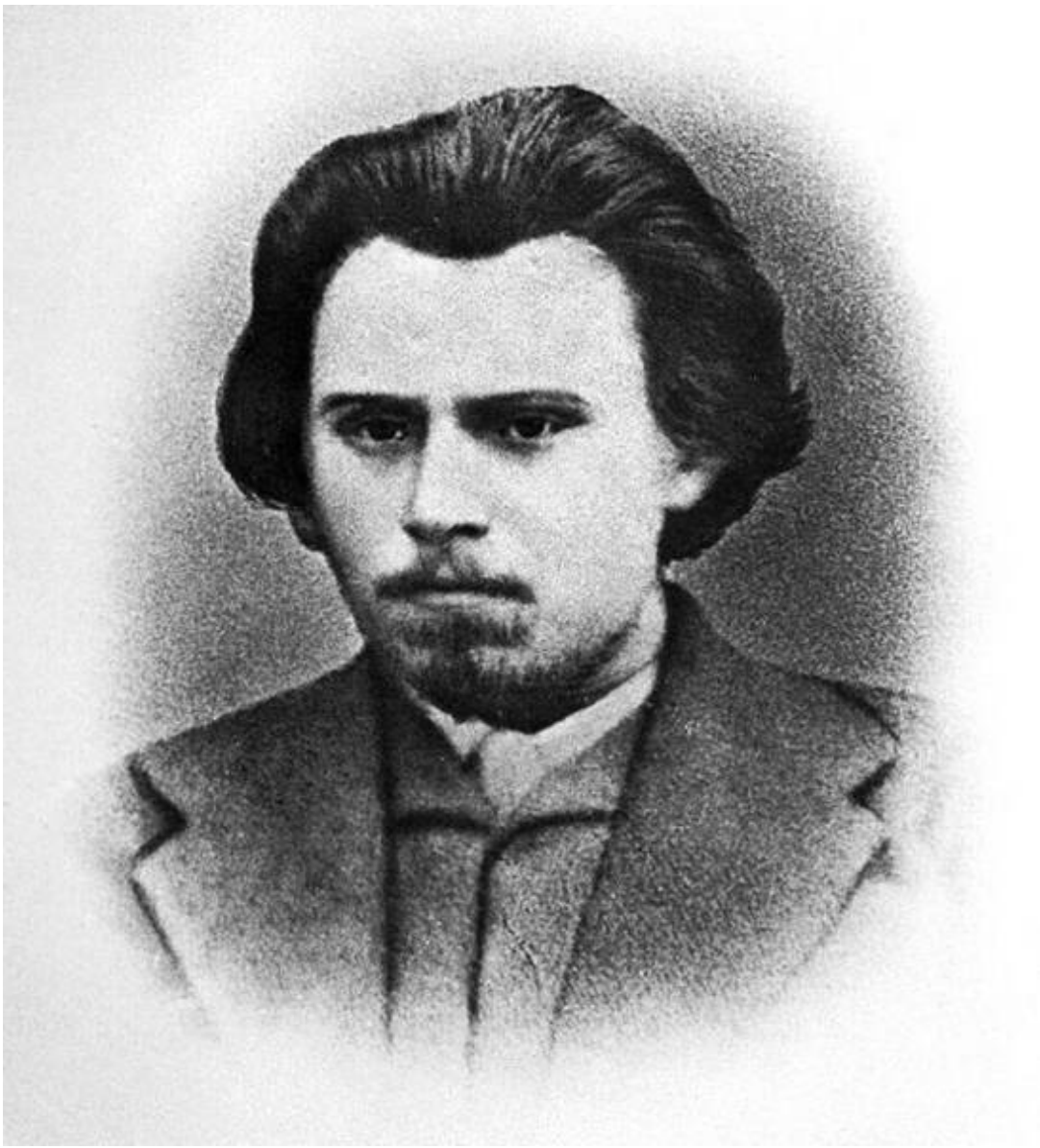
У Желябова была гражданская жена (церковного брака в этой среде не признавали), товарищ по партии, 26-летняя Софья Перовская. Она принадлежала к совсем другой страте общества, высшей аристократии. В шестидесятые годы ее отец служил столичным губернатором, затем – одним из руководителей министерства внутренних дел. Софья семнадцатилетней ушла из дома, была учительницей в народной школе, фельдшерицей. Будучи арестована,

бежала от жандармов и перешла на нелегальное положение. Тоненькая, хрупкая, она выглядела подростком, но имела железный характер. «Мы затеяли большое дело, – сказала она однажды. – Быть может, двум поколениям придется лечь на нем, но сделать его надо».

23-летний Степан Халтурин, в отличие от большинства товарищей, образования не имел. Он вырос в крестьянской семье, выучился на краснодеревщика и до ухода в революцию зарабатывал на жизнь физическим трудом. Относил себя к рабочему классу, попробовал создать первую русскую рабочую партию, а когда ее разгромила полиция, стал мечтать о том, что тирана-царя убьет именно рабочий. Халтурин не был ни теоретиком, ни организатором, это был исполнитель, человек действия.

Когда стало ясно, что после соловьевского покушения «на прямой выстрел» к царю уже не подобраться и что убить его можно только бомбой, очень важной фигурой в организации стал талантливый химик-самоучка Николай Кибальчич. В 1879 году ему было 26 лет, но он уже отсидел три года в тюрьме за распространение нелегальной литературы. Выпущенный под надзор полиции, ушел в подполье. Кибальчич в домашней лаборатории производил динамит и нитроглицерин, разработал переносные взрывные снаряды собственной конструкции. Эти, как тогда говорили, «адские машины» работали безупречно.

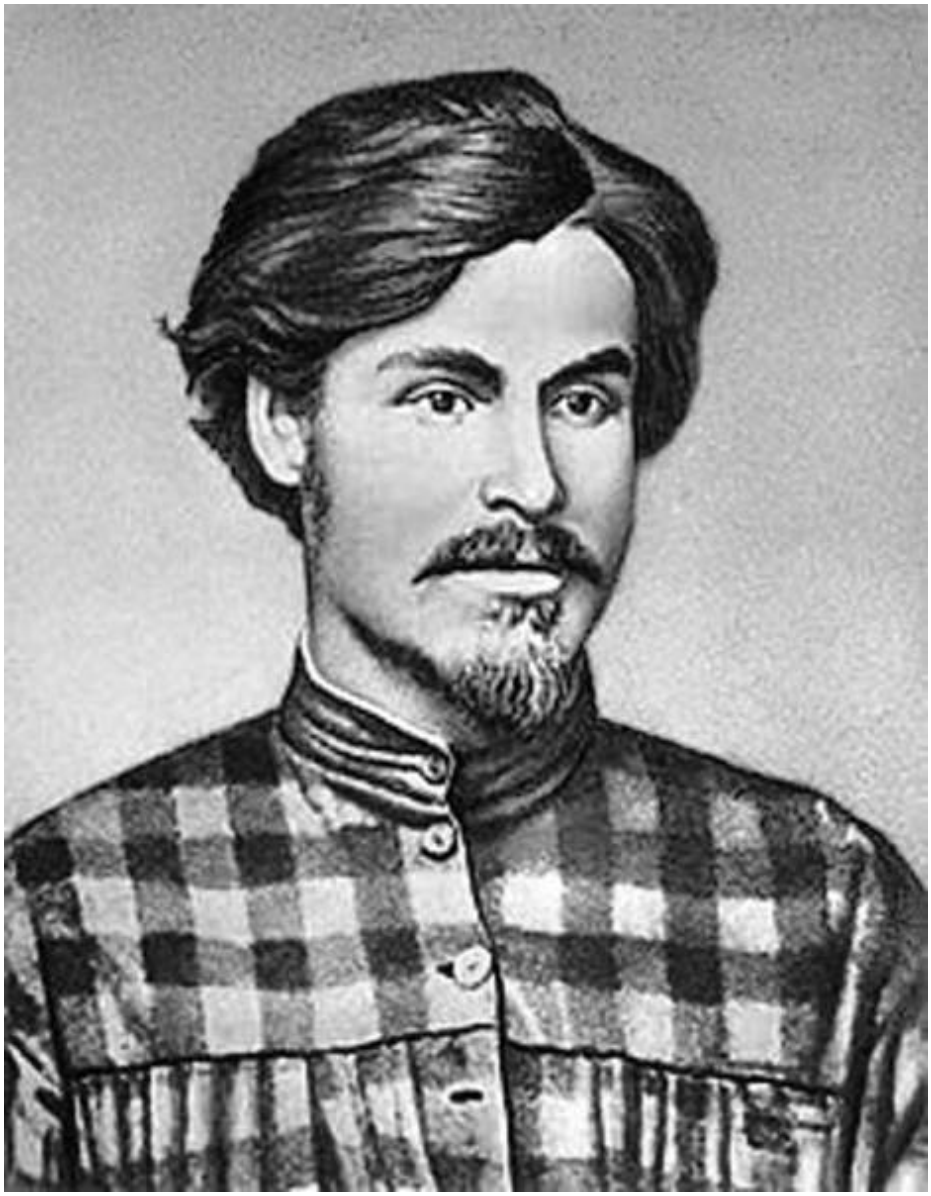
Народовольцы:



А. Желябов

Н. Кибальчич

Н. Клеточников



С. Халтурин

С. Перовская

А. Михайлов

Еще один важный член тайной организации напрямую в подготовке не участвовал, но без него предприятие не состоялось бы. Николай Клеточников, самый старший по возрасту, но все равно лишь 32-летний, тоже был из людей особенных, однако иного рода. Неизлечимо больной чахоткой, он решил посвятить остаток жизни великому делу освобождения, сам вышел на подпольщиков и предложил использовать его на пользу революции. С начала 1879 года

он служил в канцелярии Третьего отделения, имел доступ к секретным сведениям и передавал их народовольцам, благодаря чему полиции очень долго не удавалось выйти на их след. Вот как объяснял Клеточников на суде свою двойную жизнь: «До тридцати лет я жил в глухой провинции, среди чиновников, занимавшихся дрязгами, попойками, вообще ведущими самую пустую, бессодержательную жизнь. Среди такой жизни я чувствовал какую-то неудовлетворенность, мне хотелось чего-то лучшего. Наконец попал в Петербург, но и здесь нравственный уровень общества не был выше. Я стал искать причины такого нравственного упадка и нашел, что есть одно отвратительное учреждение, которое развращает общество, которое заглушает все лучшие стороны человеческой натуры и вызывает к жизни все ее пошлые темные черты. Таким учреждением было III отделение. Тогда, господа судьи, я решился проникнуть в это отвратительное учреждение, чтобы парализовать его деятельность».

Единоборство небольшой группы заговорщиков-народовольцев и государственной махины продолжалось полтора года и завершилось победой не Голиафа, а Давида. После нескольких неудачных попыток террористы все же своего добились.

К этому времени Александр II уже трижды становился объектом покушения. Кроме Каракозова и Соловьева в царя еще стрелял польский эмигрант – в 1867 году, во время высочайшего визита в Париж. Пятифранковый пистолет разорвался в руке стрелявшего, девятнадцатилетнего Антона Березовского, поэтому французы несостоявшегося цареубийцу не казнили, а всего лишь отправили на каторгу (что ухудшило отношения между двумя странами и вскоре, во время прусской войны, дорого обойдется Луи-Наполеону).

«Народная воля» действовала по-другому. Было решено, что проще всего убить царя в дороге – когда он осенью будет возвращаться из Крыма. Техники приготовили не одну, а три бомбы – для подстраховки. Три тщательно законспирированные группы заложили динамит под рельсы близ Одессы, Александровска и на подъезде к Москве. Кропотливая работа длилась три месяца и не привлекла внимания полиции.

Одесская мина не понадобилась, потому что царский поезд поехал по другой ветке. Под Александровском не сработал механизм.

Московский заряд 19 ноября 1879 года взорвался и пустил состав под откос, но это был поезд, в котором ехала свита. Заговорщики были неправильно информированы о порядке следования кортежа.

И сам факт покушения, и новаторский метод, и масштаб потрясли всю страну. На следующий день после благодарственного молебна в Успенском соборе Александр обратился с речью к «представителям сословий»: «Я надеюсь на ваше содействие, чтобы остановить заблуждающуюся молодежь на том пагубном пути, на который люди неблагонамеренные стараются ее завлечь. Да поможет нам в этом Бог». Обращаться за помощью к обществу и уповать на Бога царю пришлось, потому что полиция не имела ни малейшего понятия, как разыскивать злодеев, осуществивших столь сатанинский замысел. Не вызывало сомнения только одно: виновата какая-то молодежь – до такой степени очевидно было противостояние «старой» и «молодой» России.

Известно было только, что организация называется «Народная воля» и что ею руководит таинственный Исполнительный комитет, еще с октября начавший выпускать свои воззвания. Для Михайлова, Желябова и их товарищей психологическая война против государства была не менее важна, чем цареубийство. Ведь и его смысл заключался не в уничтожении человека по имени Александр Николаевич Романов, а в сотрясении самодержавных основ.

Конечно, полиция производила массовые обыски и аресты во всех сколько-нибудь подозрительных местах. Никого из настоящих заговорщиков (благодаря работе Клеточникова) не задержали, но в руки полиции по случайности попал загадочный рисунок: план Зимнего дворца, где крестиком была отмечена царская столовая. При большом объеме разнообразных бумаг, изъятых во время облав, полиция не придала рисунку значения. А зря.

Не обескураженные провалом железнодорожного покушения народовольцы сразу же начали готовить следующую акцию – прямо в главной царской резиденции. Расчет был на то, что силам охраны и в голову не придет искать злоумышленников в дерзкой близости от императора.

Степан Халтурин под чужим именем нанялся в артель плотников, которая работала в подвале под дворцом. В течение нескольких месяцев небольшими порциями он приносил с собой динамит и прятал его в комнате, которая находилась под столовым залом (тем самым, что был

помечен крестиком). Накопилось почти 50 килограммов взрывчатки – этого казалось достаточно.

> Однажды произошел эпизод, ярко показывающий, что за люди были кровожадные народовольцы.
>
> Как-то раз Степана вдруг вызвали произвести починку в царском кабинете. В разгар работы туда вошел император. У Халтурина в руке был топор. Всю громоздкую операцию по подрыву дворца с неизбежными посторонними жертвами можно было не устраивать. Хватило бы одного удара, и самодержавие осталось бы без самодержца. Но разрубить человеку голову ужасный террорист не мог. Он ведь был не мясник, а революционер…

Пятого февраля 1880 года в шесть часов вечера, когда царское семейство собиралось ужинать, Халтурин запалил шнур, подсоединенный к капсюлю с гремучекислой ртутью, и покинул дворец. Грянул взрыв чудовищной мощи, но и ее не хватило, чтобы пробить два перекрытия (столовая находилась на втором этаже). Вылетели стекла, погасло газовое освещение; караульное помещение, расположенное на первом этаже, между подвалом и столовой, было разнесено в щепки. Находившиеся там солдаты охраны все были убиты или ранены. Но в царской столовой лишь треснул пол.

Взрыв в Зимнем дворце. *Гравюра*

Хоть августейшая семья и уцелела, покачнулись не только стены Зимнего дворца, зашаталась вся империя. Великий князь Константин Константинович пишет в дневнике: «Мы переживаем время террора с той только разницей, что парижане в революции видели своих врагов в глаза, а мы их не только не видим и не знаем, но даже не имеем ни малейшего понятия о их численности… всеобщая паника».

Тогда-то Александр и ввел чрезвычайное правление, наделив энергичного Лорис-Меликова диктаторскими полномочиями.

«Охота на охотников» не была безрезультатной. Полиция подбиралась к подпольщикам всё ближе. Ей удалось захватить «паспортное бюро» народовольцев – конспиративную квартиру, где делали фальшивые документы. Оттуда ниточка протянулась к типографии «Народной воли». Брать ее пришлось с боем. Взяли двух членов Исполнительного комитета, но они никого не выдали.

Однако весной 1880 года ловкому следователю удалось «расколоть» активного участника организации Григория Гольденберга,

который годом ранее застрелил харьковского губернатора, потом участвовал в «железнодорожном заговоре» и попался при случайном задержании. Гольденберга, поначалу стойко державшегося, разжалобили встречей с матерью, а потом увлекли идеей примирения революционеров с правительством. «Добрый и преданный делу, но глупый» (по характеристике А. Михайлова) молодой человек поверил Лорис-Меликову, когда тот лично явился в тюрьму и сказал, что готов вести с «Народной волей» переговоры об Учредительном собрании. Желая показать, как велика организация и что за прекрасные люди в ней состоят, Гольденберг составил список из 143 членов партии с именами и характеристиками. Он писал: «Я решился раскрыть всю организацию и всё мне известное и таким образом предупредить все то ужасное будущее, которое нам предстоит в виду целого ряда смертных казней и вообще репрессивных мер». Но когда товарищей начали арестовывать, благонамеренный предатель понял, что его обманули, и повесился.

Показания Гольденберга нанесли тяжелейший удар по «Народной воле». Теперь полиция знала, кого ищет. Но вместо того, чтобы бежать или затаиться, народовольцы развили лихорадочную активность.

В 1880 году они еще дважды пытались убить императора при помощи заранее заложенных мин. Сначала в Одессе, когда царь по пути в Ливадию будет пересаживаться с поезда на корабль. Группа Софьи Перовской делала подкоп на Итальянской улице, между вокзалом и пристанью, но не успела в срок.

Потом заложили бомбу в Петербурге, под Каменным мостом, на дороге между Зимним дворцом и Царским Селом. Опять не получилось. Кортеж проехал раньше ожидаемого времени.

Из-за череды неудач руководители Исполнительного комитета, не отказываясь от «стационарного» покушения, начинают разрабатывать и «мобильное». Закладка мины требует больших затрат и долгой, рискованной подготовки, а результат зависит от слишком большого количества непредсказуемых факторов. Проще и надежнее воспользоваться метательным снарядом, который полетит прямо в царя. При втором варианте, правда, покушающийся приносит в жертву и себя, но это соображение никого не пугало. «Революционер – человек обреченный».

Одна группа делала подкоп для новой мины, другая изучала график императора и все маршруты его передвижения на случай, если представится возможность уличного нападения. Талантливый Кибальчич изобрел компактные, но мощные «снаряды». С добровольцами-«метальщиками» тоже проблемы не возникло.

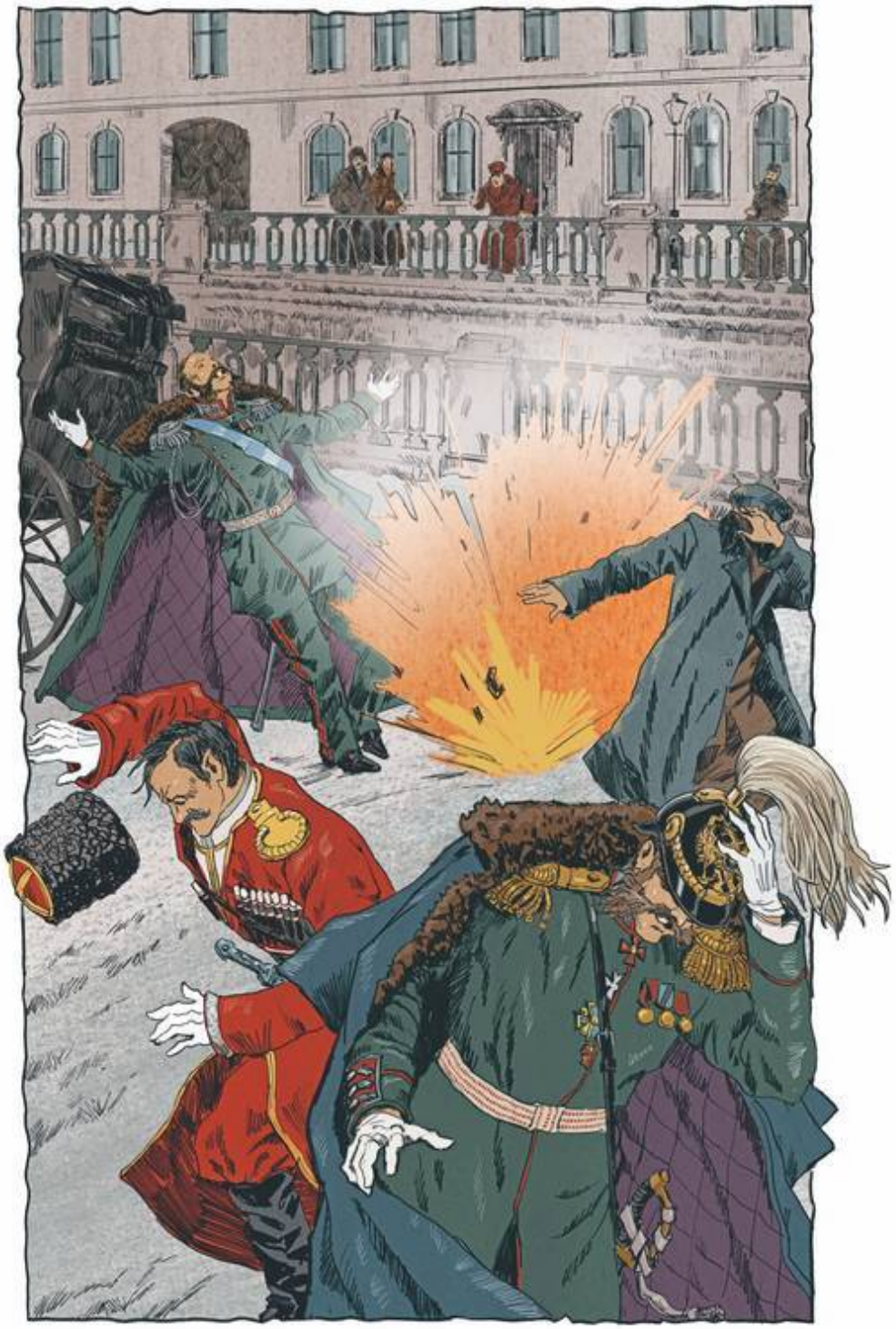
Но круг продолжал сжиматься. При Лорис-Меликове полиция стала работать лучше. Засады, провалы, аресты следовали один за другим. В ноябре ведущий член Исполнительного комитета Михайлов-Дворник был случайно опознан и задержан. Но он никаких показаний не давал, и во главе предприятия встал Желябов. Подготовка продолжилась.

В конце января 1881 года, опять по невезению, был разоблачен Клеточников. Теперь революционеры действовали вслепую, ничего не зная о планах полиции.

Когда всё уже было спланировано и дата исполнения назначена, арестовали Желябова. Но оставалась Софья Перовская, которая довела дело до конца.

В назначенный день, первого марта, император должен был посетить Михайловский манеж. Каким бы маршрутом царь ни поехал, повсюду его поджидала смерть. На углу Невского и Малой Садовой под мостовую была заложена мина. Четверо бомбистов стерегли экипаж на углах. Сама Перовская расположилась у площади, чтобы подать сигнал, куда повернет кортеж.

Александр поехал вдоль Екатерининского канала. Перовская взмахнула платком. Первым из «метальщиков» на пути царя оказался 19-летний Николай Рысаков, по свидетельству одного из товарищей, «еще совсем юный, добродушный и жизнерадостный провинциал», привлеченный в организацию Желябовым. В цареубийцы он вызвался по мальчишескому задору.



Убийство Александра II. *И. Сакуров*

Рысаков кинул бомбу раньше, чем подъехала карета. Были пострадавшие, но император уцелел. Охрана хотела немедленно увезти государя из опасного места, но Александр полагал, что угрозы уже нет. Ему хотелось ободрить раненых. В толчее и сумятице другой террорист, 24-летний Игнатий Гриневицкий, имевший ласковую партийную кличку «Котик», сумел подобраться к самодержцу вплотную. Гриневицкий бросил бомбу прямо под ноги императору – и самому себе. Он знал, что погибнет, и в прощальной записке написал: «Судьба обрекла меня на раннюю гибель, и я не увижу победы, не буду жить ни одного дня, ни часа в светлое время торжества, но считаю, что своей смертью сделаю все, что должен был сделать, и большего от меня никто, никто на свете требовать не может».

Оба были смертельно ранены. Убийца скончался тем же вечером, не назвав своего имени. Истекающий кровью Александр успел сказать, что хочет умереть во дворце, и потерял сознание. Его последнее желание исполнилось. Он умер не на глазах у толпы, а в своем кабинете.

Народовольцев, еще остававшихся на свободе, в ближайшие несколько дней арестовали, отдали под суд. Пятерых – Михайлова, Желябова, Перовскую, Кибальчича, Рысакова – повесили. Помилования попросил (и не получил) только последний, совершенно раздавленный случившимся. Остальные были твердокаменны, с жалким Рысаковым на эшафоте не попрощались. Они чувствовали себя героями и надеялись, что цареубийством «подтолкнули историю».

Они действительно ее подтолкнули, только не туда, куда рассчитывали. Народ поахал, что «баре» убили царя (наверно, за то, что он крестьянам дал волю). Либералы разделились на тех, кто ужаснулся и кто втайне аплодировал. Государственное здание не развалилось, а принялось со всех сторон укреплять свои стены контрфорсами.

На смену оттепели в очередной раз пришли заморозки. Наступило ледяное время Александра Третьего.

Часть вторая
Россия, назад!

Консерваторы у власти

Александр Александрович Романов

За Александром III закрепилась репутация очень сильного правителя. Для многих сторонников российского «государственничества» это идеал носителя верховной власти, олицетворение величия и мощи – в еще большей степени, чем властный Николай Павлович, ибо то царствование было омрачено унижением Крымской войны, а при Александре Александровиче никаких поражений не случилось (правда, и царствовал он недолго, всего 13 лет).

С особенной ностальгией эту мирную эпоху потом вспоминали эмигранты, прошедшие через ужас революции и Гражданской войны. По контрасту времена Александра III и сам император рисовались им в идиллическом свете. Художник А. Бенуа писал о покойном государе: «Главной, наинужнейшей для самодержца чертой Александр III обладал в полной мере. Он был крепок, он умел держать и сдерживать, он имел на вещи свое мнение, а его простой здравый смысл выработался на почве глубокой любви к родине. При этом он был честен, прост и в то же время достаточно бдителен, чтобы нигде и ни от кого Россия не терпела ущерба. Без кровопролитных войн, даже без особенных угроз он, озабоченный тем, чтобы сохранить в добром состоянии «вверенную ему богом страну», являл в семье прочих государей и правителей некую твердыню – надежную для друзей, грозную для врагов».

Именно таким – несокрушимой глыбой – изобразил императора скульптор Паоло Трубецкой. Александру памятник наверняка понравился бы.

Но если смотреть не на монумент, а на живого человека Александра Александровича Романова, ощущения «твердыни» никак не возникает.

Открытие памятника Александру III в 1909 году. *Фотография*

Начать с того, что мальчика, появившегося на свет 26 февраля 1845 года, вовсе не прочили в самодержцы. В отличие от Александра Николаевича, который с самого рождения воспринимался как очевидный наследник престола и соответствующим образом воспитывался, Александр-младший долгое время существовал в тени брата, цесаревича Николая. Тот был и умнее, и способнее, и во всех отношениях привлекательнее. Наследника учили по особой индивидуальной программе – еще и потому, что младший брат был туповат и тормозил педагогический процесс. Русскую словесность цесаревичу преподавал писатель И. Гончаров, правоведение – один из будущих реформаторов К. Кавелин. Юноша подавал большие надежды, ему предвещали великое царствование, но в результате неудачного падения с лошади он повредил позвоночник и 21 года от роду умер от цереброспинального менингита.

Так в двадцать лет, неожиданно для всех, следующий царский сын, увалень Александр (семейное прозвище «Бульдожка») стал наследником престола. Те, кто его хорошо знал, были в ужасе. Один из его воспитателей, профессор А. Чивилев, по воспоминаниям современника (вполне верноподданного тайного советника Е. Феоктистова) воскликнул: «Как жаль, что государь не убедил его отказаться от своих прав! Я не могу примириться с мыслью, что он будет управлять Россией!». Да и сам Феоктистов вздыхает: «Александр Александрович представлял собой весьма незначительную величину – плоть уж чересчур преобладала в нём над духом». Ходили даже слухи о том, что цесаревичем объявят третьего сына, Владимира Александровича, который был и умнее, и энергичнее (уже во времена правления Александра III многие сожалели, что царем стал не Владимир), но государь не стал менять закон о престолонаследии.

Пока был жив дед, мальчику давали традиционное «николаевское» воспитание. В раннем детстве он состоял на попечении англичанок, которые тогда считались лучшими нянями. Уже с трех лет к британским мисс присоединился гвардейский унтер-офицер, начавший обучать малыша ружейным приемам. В семь лет великий князь получил первый офицерский чин. Главным его воспитателем был бравый генерал-майор Зиновьев, про которого в царской биографии деликатно сказано, что «умственному развитию и образованию он придавал второстепенное значение». Его больше заботила выправка и «внушение охоты к военному делу».

Когда началось обучение гражданским наукам, Александр приводил учителей в отчаяние своим тугодумием. По истории, отечественной словесности и иностранным языкам у него были тройки, а по Закону Божьему, не самой трудной дисциплине, даже «два с половиной».

После того как юноша стал цесаревичем, к нему приставили самых лучших преподавателей: историка С. Соловьева, финансиста Н. Бунге, военных теоретиков Э. Тотлебена и М. Драгомирова, правоведов Е. Андреевского, Б. Чичерина и К. Победоносцева, но способности августейшего ученика их удручали. Победоносцев, познакомившийся с великим князем, когда тому было пятнадцать лет, записал в своем дневнике: «Сегодня, после первых занятий с цесаревичем Александром, я пробовал спрашивать великого князя о пройденном,

чтобы посмотреть, что у него в голове осталось. Не осталось ничего – и бедность сведений, или, лучше сказать, бедность идей удивительная». Генерал Б. Перовский, осуществлявший общее руководство над педагогическим процессом, уныло докладывал императору: «Когда дело доходит до ответов и Александру Александровичу надо говорить, в особенности же когда дело касается понятий несколько отвлеченных, в таком случае он впадает в крайнее затруднение, мешается и не находит или не решается находить выражений для объяснения самой простой мысли».

В зрелом возрасте ума у Александра, кажется, сильно не прибавилось. Он не был глуп, но медленно соображал и с трудом ухватывал сложные идеи. С. Витте, выдвинувшийся при Александре III и очень хорошо к царю относившийся, пишет, что это был человек «совершенно обыденного ума, пожалуй, даже можно сказать, среднего ума, ниже средних способностей и ниже среднего образования». В другом месте, довольно неуклюже заступаясь за царя, Витте придумывает такое объяснение: «…Часто мне приходилось слышать, … что император Александр III не был умным. Надо условиться, что понимать под словом «ум»: может быть, у императора Александра III был небольшой ум рассудка, но у него был громадный, выдающийся ум сердца».

Александр Александрович в юности. *Фотография*

Про то, что Александр был человеком лично порядочным и прямодушным, пишут многие мемуаристы. Не факт, впрочем, что прямота – столь уж похвальное качество для правителя, особенно если она сочетается с бестактностью. Фрейлина Тютчева рассказывает: «…С раннего возраста отличительными чертами его характера всегда были большая честность и прямота, привлекающие к нему общие симпатии. Но в то же время он был крайне застенчив, и эта застенчивость, вероятно, вызывала в нём некоторую резкость и угловатость». Менее доброжелательные современники называют «некоторую резкость и угловатость» царя проще: грубостью. Он запросто обзывал приближенных «канальями», писал на полях документов резолюции вроде «Болваны!», «Дураки!», «Ну что за скотина!» Великий князь Александр Михайлович вспоминает, как, отдавая распоряжение об отставке некоего важного сановника, царь собственной рукой начертал: «Выкинуть эту свинью».

Хуже того – иногда своими выходками император безо всякой нужды создавал серьезные дипломатические проблемы.

Однажды на приеме, в присутствии всех послов, государю вздумалось назвать «единым искренним и верным союзником» Черногорию. «Присутствовавший Гирс [министр иностранных дел] открыл рот от изумления; дипломаты побледнели», – пишет Александр Михайлович. Это и неудивительно, потому что как раз в то время Россия вела трудные переговоры о заключении антигерманского альянса с гораздо более важными союзниками, чем маленькая Черногория.

В другой раз Александр проболтался Бисмарку о том, что император Вильгельм намеревается отправить старого канцлера в отставку (информация была сообщена царю конфиденциально), и вызвал этим целую политическую бурю в Германии.

При этом Александр по характеру был очень упрям и, в отличие от отца, довольно легко попадавшего под чужое влияние, умел настоять на своем. Так было даже в юности. Профессор Ф. Тернер, преподававший наследнику экономику, пишет: «Он всегда спокойно выслушивал все

объяснения, не вдаваясь в подробное возражение против тех данных, с которыми не соглашался, но под конец просто и довольно категорически высказывал свое мнение». Тем более твердыми стали суждения Александра, когда у него сформировались собственные представления о государственном благе.

Взгляды Александра Александровича сложились в значительной степени под влиянием одного из его наставников – К. Победоносцева и могут быть сведены к формуле «самодержавие и русский патриотизм». В вопросе об абсолютности царской власти император не признавал никаких уступок. Про конституцию Александр в присущей ему манере сказал: «Чтобы русский царь присягал каким-то скотам?». Когда Япония в 1889 году учредила парламент, император счел это большой ошибкой и заметил: «несчастные, наивные дураки». (Через 15 лет во время Русско-японской войны «наивные дураки» продемонстрируют, что конституционная монархия бывает и сильнее самодержавной, но с этим неприятным открытием столкнется уже преемник Александра III.)

По части патриотизма царь делал особенный упор на повышении национальной гордости, отход от западничества – во всем, от военной формы и придворной моды до архитектуры и живописи. Он хорошо знал и любил иконы, был председателем Русского исторического общества, в частных разговорах использовал только родной язык, что изменило и обычаи света, который с этого времени перестает изъясняться на французском. Царь носил сапоги «бутылками», широкие штаны, папахи, косоворотки, даже отказался от брадобрития – впервые со времен Петра Великого. Подобно старомосковским царям, Александр носил на груди кроме крестика еще и множество образков – свидетельство не показной, а искренней веры.

Александр III в непарадном виде. *Фотография*

В некоторых исторических книгах можно прочитать, что Александр III стал реакционером вследствие потрясения из-за убийства отца, но это не так. К 1881 году цесаревич, по тогдашним понятиям уже немолодой человек, считался главой правительственных консерваторов и, насколько мог, оппонировал реформам.

Например, в начале 1880 года внутри Особого Совещания, фактического правительства империи, развернулась очередная дискуссия по поводу учреждения некоей «трибуны», вроде древних земских соборов, где «благонамеренное большинство» могло бы высказываться по различным общественным вопросам, и тем самым выпускался бы лишний пар, ослабевало бы политическое напряжение. Инициатором проекта был великий князь Константин Николаевич. Однако наследник выступил решительно против, заявив, что это новшество лишь «взволнует умы»: «Выберут в парламент пустых болтунов-адвокатов, а пользы для дела не будет никакой». Царь выслушал обе стороны и согласился с сыном.

После халтуринского взрыва Александр Александрович был одним из самых упорных приверженцев «жесткой линии» – по его инициативе была учреждена Верховная Распорядительная Комиссия с чрезвычайными полномочиями.

Среди противников реформ существовало две «партии». В так называемой «аристократической» до середины семидесятых тон задавал Петр Шувалов – англоман, желавший сплотить вокруг престола «лордов». Наследник же был главой «национальной партии», которая не оглядывалась ни на какие европейские образцы, а верила, что в России надобно править по-русски, по старинке, «как заведено от Бога». Так оно при Александре III и будет.

Как все поздние Романовы, Александр Александрович очень серьезно относился к монаршим обязанностям и нередко засиживался за бумагами до глубокой ночи. «Мое дело за меня никто не сделает», – говаривал он.

Другой симпатичной чертой, впрочем, типичной для русских царей, начиная с Павла, была аскетичность. Александр III очень мало тратил на личные нужды, занашивал одежду до заплат, ввел во дворце режим строгой экономии. Это задавало тон всему высшему обществу, что, безусловно, умеряло расточительность других членов

императорской фамилии и оздоровляло придворную атмосферу, однако бережливость государя подчас принимала гротескные формы.

Генерал Н. Епанчин, директор Пажеского корпуса, вспоминает, как государь после одного приема принялся считать, сколько израсходовано фруктов, и горячился, что гости такое количество съесть никак не могли.

В другой раз он устроил целое расследование по поводу дворцовых метелок и с торжеством установил, что их закупают по завышенной цене.

Это было бы даже трогательно, если б на подобную чепуху не тратил своего драгоценного времени всевластный и единоличный правитель огромной империи.

Ум Александра был цепкий, но мелкий. Это видно и по его записным книжкам. В судьбоносном 1881 году его величество, например, не забывает вести строгий учет своих рыболовных достижений. Из этих скрижалей потомкам известно, что самодержец всероссийский изловил 2974 щуки, 1599 окуней, 2417 плотвичек, 205 язей, 98 налимов и 51 карася. Страшно подумать, сколько на эти свершения понадобилось времени – в тот самый год, когда цесаревич потерял отца, стал царем и стал определять весь ход дальнейшей жизни страны.

Помимо рыбной ловли у великого человека были и другие мирные увлечения, в том числе даже изысканные. Он любил поэзию и чтил Пушкина. Отдыхал душой, играя в оркестре на огромной трубе-геликоне. Высоко ценил нежную музыку Чайковского.

Наконец, это был превосходный муж и отец – не в пример Александру II, который, как мы помним, при живой жене завел вторую семью (за что добродетельный сын его сурово осуждал).

История женитьбы Александра Александровича заслуживает отдельного рассказа.

В ранней юности великий князь был сильно влюблен в княжну Марию Мещерскую. Их брак был вполне возможен, поскольку наследником престола Александр не являлся.

Но после смерти Николая Александровича положение Александра переменилось – цесаревич должен был взять жену из иностранной августейшей фамилии. Для покойного наследника уже подобрали подходящую невесту, очень

понравившуюся царю, – принцессу Дагмар, дочь датского короля. Отец потребовал, чтобы Александр женился на ней. Юноша был в отчаянии. «Я каждый вечер молю Бога, – пишет он в дневнике, – чтобы Он помог мне отказаться от престола, если возможно, и устроить счастье моё с милой Дусенькой [так он называет свою возлюбленную]». Но побеждает чувство долга. После долгих страданий цесаревич все-таки едет в Копенгаген и делает предложение.

На счастье Александра принцесса Дагмар, будущая императрица Мария Федоровна, про которую потом будут говорить, что она самая умная из Романовых, уже в семнадцать была очень неглупа и сумела обворожить «Бульдожку». Александр довольно быстро примирился с судьбой, а потом и полюбил датчанку. У них родится шесть детей, в том числе последний русский император Николай.

Семейному счастью способствовало то, что Александр Александрович по своей натуре был человеком сугубо частным. Он ненавидел официальные балы, празднества, большие приемы, шум и роскошь. Ценил тихие семейные радости, общение с близкими друзьями, игру в карты «по маленькой», музыкальные вечера, охоту, а больше всего, как уже говорилось, рыбалку. Вообще три последних царя производят впечатление заложников своей судьбы, «царей поневоле», которые были бы гораздо счастливее, не неся бремя самодержавия.

Уединенный образ жизни императора объяснялся не только его личными вкусами, но и соображениями безопасности. После того как народовольцы устроили охоту на Александра II и в конце концов затравили его, как зайца, новый царь, конечно, должен был беспокоиться за свою жизнь, да и тайная полиция как могла усиливала эти опасения, пугая монарха террористами. Но после разгрома «Народной воли» настоящей угрозы для царя уже не существовало, и в том сверхбдительном образе жизни, который вел Александр III, пожалуй, были признаки если не паранойи, то во всяком случае чрезмерной осторожности. Александр Александрович отнюдь не был храбрецом.

Александр III и Мария Федоровна. *Фотография*

Во время московской коронации 1883 года, когда царю предстояло проследовать от Петровского дворца к Кремлю через запруженные народом улицы, по всему пути следования – а это несколько километров – кроме тысяч солдат, полицейских, агентов в штатском – в старую столицу привезли 23 тысячи (!) добровольцев из числа специально проверенных крестьян. Зрителей к окнам пускали только по особым спискам. На каждой крыше дежурили караульные.

Царь нечасто отлучался из своей Гатчинской резиденции, которая была удобнее всего для охраны. Из соображений безопасности августейшая семья ютилась в тесных антресолях, которые были оснащены сигнализацией и откуда можно было эвакуироваться через подземный ход. Военный министр Д. Милютин, побывавший у нового государя с докладом, с изумлением пишет: «В Гатчине поражает приезжего вид дворца и парка, оцепленных несколькими рядами часовых с добавлением привезённых из Петербурга полицейских чинов, конных разъездов, секретных агентов и проч., и проч. Дворец представляет вид тюрьмы; никого не пропускают без билета с фотографическим на обороте изображением предъявителя. Гатчина и без того носит мрачный, подавляющий отпечаток; теперь же она производит удручающее впечатление. Их величества живут в совершенном уединении».

Оказываясь в столице, Александр останавливался не в просторном Зимнем дворце, а в гораздо более компактном Аничкове – его было легче охранять. Любимая царем рыбная ловля могла считаться уединенной отрадой лишь весьма условно: в кустах скрывалась специальная команда из двадцати чинов дворцовой полиции.

> Подробное описание мер безопасности по охране крымской резиденции Александра III есть в мемуарах жандарма П. Заварзина: «Войсковая охрана была распределена так: дежурная полурота окружала цепью всю усадьбу и парк ливадийского дворца. Роты нашего полка было недостаточно для несения этой службы, а потому мы были усилены ротой, несшей постоянный караул в Ливадии, эскадроном Крымского конного дивизиона, рассылавшего разъезды в более отдаленные районы и на шоссе. Непосредственно вокруг дворца стояли чины сводно-гвардейского полка, а в покоях – Собственный Его

> Величества конвой, комплектуемый из терских и кубанских казаков. Кроме того дворцовая полиция охраняла наружный порядок на территории резиденции и была в связи с местной уездной полицией. Кроме охраны непосредственно самого дворца обеспечивалась и безопасность вдоль пути следования императора. В городе осматривались все (!) постройки, подвалы и другие сооружения… Кроме того особенное внимание естественно было обращено на приезжих, жителей Ялты и ее окрестностей. Все вновь прибывшие были обязаны тотчас по приезде в город заявлять о том в полицию; паспорта их проверялись, и о личности их наводились справки в Департаменте полиции…»

Очень несвободная страна, которой правит очень несвободный человек, «гатчинский узник», – такое впечатление производили на иностранных наблюдателей Россия и ее император. К этому следует прибавить, что при своем мощном телосложении Александр Александрович не отличался здоровьем. Он сильно вредил себе перееданием и страдал ожирением, увлекался спиртным, что при его слабых почках было опасно. Великан и богатырь, с которого, как считалось, Репин написал на своей знаменитой картине Илью Муромца, умер от нефрита сорокадевятилетним, оставив Россию на попечение молодого наследника, совершенно не готового к самодержавному управлению огромной империей.

…И его команда

В отличие от отца, умевшего давать дорогу людям ярким, неординарным, Александр III скорее следовал примеру деда – тот не любил, чтобы на вершине государственной пирамиды блистал кто-либо кроме него. Внук же вообще относился ко всему сверкающему с недоверием. Ведущие деятели прежнего царствования – энергичный Лорис-Меликов, высокоумный Милютин, экспансивный Константин Николаевич – очень быстро лишились своих постов. И дело было не только в их реформаторском настрое. Наступило время людей негромких, неэффектных, осторожных. Вполне реакционный по своим взглядам Н. Игнатьев, сменивший Лориса на посту министра

внутренних дел, скоро был отправлен в отставку за чрезмерную активность, которая новому государю не понравилась. Уже цитировавшийся тайный советник Е. Феоктистов, возглавлявший цензурное ведомство, и тот в своих записках признаёт: «…Всё выдающееся из ряда вон, всякая крупная величина, не пользуется у нас фавором; нужен главным образом «хороший человек», но что именно подразумевается под этим термином, не поддается никакому анализу. Хорошим человеком может быть человек недалекого ума, без способностей, совершенно бесцветный, но если он скромен, почтителен, приятный собеседник – симпатии будут всецело на его стороне».

А. Блок писал о временах Александра III:

В те годы дальние, глухие,
В сердцах царили сон и мгла:
Победоносцев над Россией
Простер совиные крыла.

Глухость, серость, затхлость этой эпохи принято связывать с исключительным влиянием «излюбленного интимного советника» **Константина Петровича Победоносцева** (1827–1907). Александр Александрович проникся доверием и уважением к этому ученому правоведу еще с тех пор, когда тот преподавал юноше юриспруденцию.

Константин Петрович Победоносцев. *Фотография*

Убеждения Константина Петровича были радикально государственническими. Победоносцев верил, что «Россия была сильна благодаря самодержавию, благодаря неограниченному взаимному доверию и тесной связи между народом и его царём», а любая форма народного представительства для страны смертельно опасна. Парламентаризм – «великая ложь нашего времени», ибо депутаты своекорыстны и обслуживают интересы денежных мешков. Иное дело –

самодержец, Помазанник Божий, все помыслы которого направлены единственно на благо отечества. Россия будет крепка и жива до тех пор, пока она едина телом, волей и духом, а для этого необходимы железный союз царской власти, элиты и церкви.

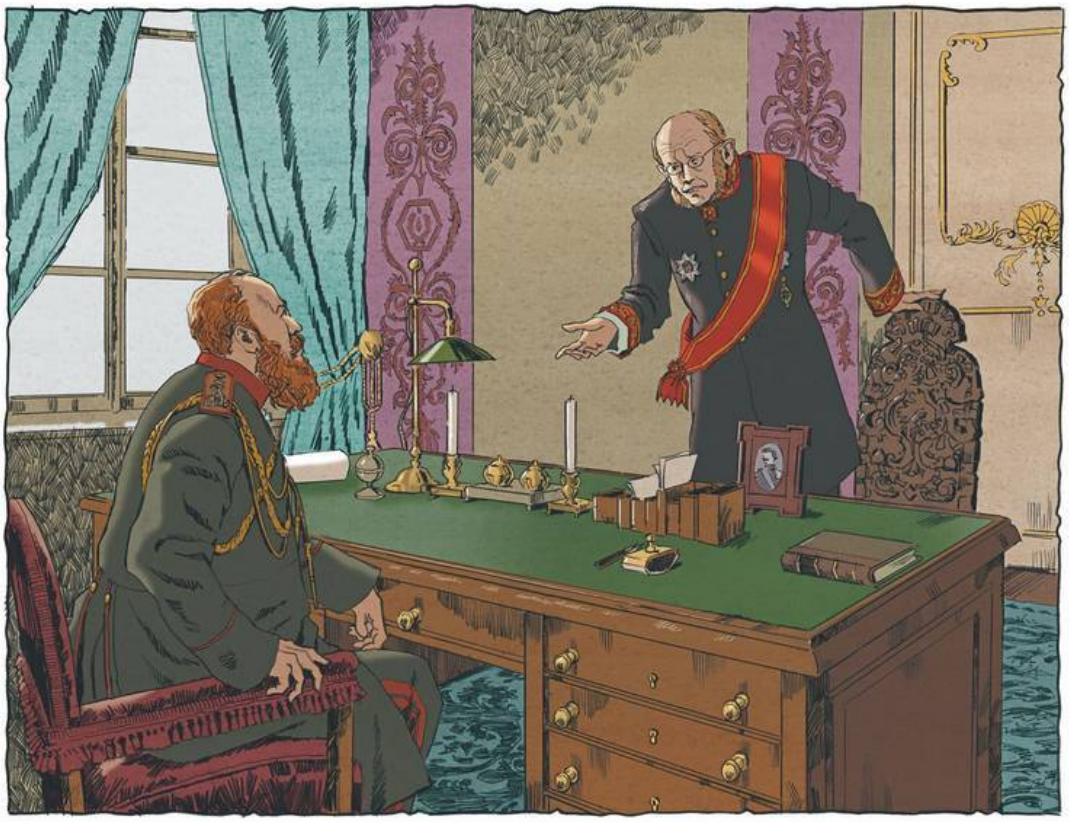
Ультраконсерватизм, к которому в конце концов пришел Победоносцев, был следствием долгой эволюции. В молодости это был человек вполне «прогрессистских» взглядов. Он печатался у Герцена, с энтузиазмом приветствовал отмену крепостничества, радовался гласности, участвовал в подготовке великой судебной реформы. Но общественное возбуждение, возникшее в результате либеральных новшеств и очень скоро переросшее в разрушительное революционное движение, заставило Константина Петровича отказаться от «опасных заблуждений». Напуганный нигилизмом, а затем и террором, он видел спасение в том, чтобы как можно решительнее повернуть назад, к незыблемости и стабильности.

Победоносцев являлся одним из идейных вождей консерватизма еще при Александре II – в 1880 году был назначен обер-прокурором Святейшего синода, а после цареубийства, подтвердившего победоносцевские пророчества, стал главным государственным идеологом.

Влияние Константина Петровича на царя, а стало быть, и на политику было огромно. В частных беседах и многочисленных письмах, записках, меморандумах он все время призывал государя к решительности. Уже первого марта 1881 года Победоносцев пишет: «Вам достается Россия смятенная, расшатанная, сбитая с толку, жаждущая, чтобы ее повели твердою рукою, чтобы правящая власть видела ясно и знала твердо, чего она хочет и чего не хочет и не допустит никак». Это были слова, которые желал услышать Александр – они полностью совпадали с его внутренним убеждением. Умный, красноречивый, убедительный советник-наставник помогал ему преодолевать любые сомнения и колебания.

> Весьма искусный манипулятор, Победоносцев отлично играл и на царской паранойе. Вот отрывок из письма (написанного не начальником охраны, а обер-прокурором Синода): «Ради бога, примите во внимание нижеследующее. 1) Когда собираетесь ко сну, извольте запирать за собою дверь не только в спальне, но и во всех следующих комнатах,

вплоть до выходной. Доверенный человек должен внимательно смотреть за замками и наблюдать, чтобы внутренние задвижки у створчатых дверей были задвинуты. 2) Непременно наблюдать каждый вечер перед сном, целы ли проводники звонков. Их легко можно подрезать. 3) Наблюдать каждый вечер, осматривая под мебелью, всё ли в порядке. 4) Один из ваших адъютантов должен бы был ночевать вблизи от вас, в этих же комнатах. 5) Все ли надежны люди, состоящие при вашем величестве? Если кто-нибудь был хоть немного сомнителен, можно найти предлог удалить его…»



Государь и его наставник. *И. Сакуров*

Исключительное доверие, которым пользовался у царя «русский папа» (Победоносцева называли и так), позволяло Константину Петровичу тасовать министров, убирая тех, кто ему не нравился, и продвигая своих назначенцев.

Это был настоящий «великий инквизитор» – фанатичный, аскетичный, одержимый идеей, которая представлялась ему единственным спасением России. Победоносцева, разумеется, сильно не любили, но никто не мог заподозрить его в корысти. Даже С. Витте, политический и идейный оппонент обер-прокурора, пишет про него: «редкий государственный человек по своему уму, по своей культуре и по своей личной незаинтересованности в благах мира сего». У деятеля правых взглядов, графа С. Шереметева, Победоносцев и вовсе вызывал восхищение: «Укладистый, простой и приветливый, он привлекал своим несомненным выдающимся умом, оригинальностью речи, истинным юмором и меткостью суждений. Его критический склад и его особые изложения блистали остроумием. Он был наиприятнейший собеседник».

Дальнейшие исторические события вроде бы подтвердили правоту Победоносцева: ослабление самодержавной «вертикали» и общественное разномыслие действительно погубили империю, разрушив ее «ордынский» стержень. Однако существует и иная точка зрения. Запреты и насильственные ограничения свободы загоняют государственные недуги вглубь, мешают их излечению, вызывают внутреннее воспаление. В конце концов это приводит к мощному взрыву – еще более губительному, чем болезни, неминуемо сопровождающие всякий рост общественного организма. Однако после потрясений предыдущего царствования победоносцевская логика представлялась Александру III единственно верной.

При новом режиме произошел второй и главный взлет **графа Дмитрия Андреевича Толстого**, оттесненного конкурентами-либералами в конце правления Александра II. Теперь этот борец за ортодоксальные ценности оказался востребован и получил горячую поддержку Победоносцева, сказавшего, что само имя Толстого «служит знаменем известного направления». Если в 1870-е годы Дмитрий Андреевич ведал важной, но в общем мирной сферой просвещения и церковной деятельности, то теперь он получил куда более мощный рычаг для проведения реакционной политики: возглавил министерство внутренних дел, а стало быть и жандармский корпус. До самой своей смерти в 1889 году Толстой составлял своеобразный «дуумвират»

с Победоносцевым, где первый занимался в основном практической работой, а второй – идеологической.

Значение министерства внутренних дел, в России всегда очень большое, после первого марта обрело совершенно гипертрофированные размеры. Это фактически было второе (и главное) правительство.

Толстой разгромил остатки подпольного революционного движения – при этом не устранив, а наоборот, обострив причины самого явления. Этим министр, однако, не ограничился.

При назначении на пост он спросил царя: «Угодно ли будет государю иметь министром человека, который убежден, что реформы прошлого царствования были ошибкой?». Александр ответил утвердительно – именно такой человек ему и был нужен. За несколько лет Толстой осуществил целую программу контрреформ, о чем будет подробно рассказано в следующей главе.

Как и Победоносцев, это был человек высокообразованный, исследователь отечественной истории, президент Академии наук. На общем сером фоне администрации 1880-х годов он представлялся личностью большого масштаба. Статс-секретарь и председатель Исторического общества А. Половцев объясняет это «ничтожеством современников» и «чрезвычайным упрямством характера» всемогущего министра.

Самая лучшая историческая репутация в «команде» Александра III у двух инородцев, что и неудивительно, поскольку при общей националистической установке на выдвижение «природных русских» попасть на высокий пост и удержаться на нем могли только «природные нерусские» исключительных дарований. Самые успешные стороны правительственного курса – внешнеполитическая и экономическая – связаны с именами министра иностранных дел Н. Гирса и министра финансов Н. Бунге.

Николай Карлович Гирс (1820–1895), по происхождению швед, принял российское подданство в уже немолодом возрасте. Это был, если использовать терминологию нашего времени, карьерный дипломат, долгое время занимавшийся азиатским направлением, в конце царствования Александра II – заместитель А. Горчакова. Пост министра он занял в 1882 году и оставался на нем до самой смерти.

Николай Карлович Гирс. *Фотография*

По своим взглядам это был человек умеренный, приверженец «средней линии», которая сочетала отстаивание имперских интересов с уклонением от серьезных конфликтов. За это Гирс часто подвергался нападкам со стороны «ура-патриотов», очень сильных при дворе, но упорно противился всякому ужесточению дипломатический риторики и в противоречие официальной доктрине держался проевропейской, прежде всего профранцузской направленности – притом что

республиканская Франция у отечественных консерваторов симпатии не вызывала. Царь неизменно поддерживал Гирса, иногда защищая его от собственного окружения. Проправительственный (даже еще более реакционный, чем правительство) издатель влиятельнейших «Московских ведомостей» М. Катков требовал «русского министерства иностранных дел» во главе с «русским министром», но тщетно. Больше всего Александр III опасался потрясений – как внутренних, от которых его оберегало министерство внутренних дел, так и внешних, от которых Россию защищал Гирс.

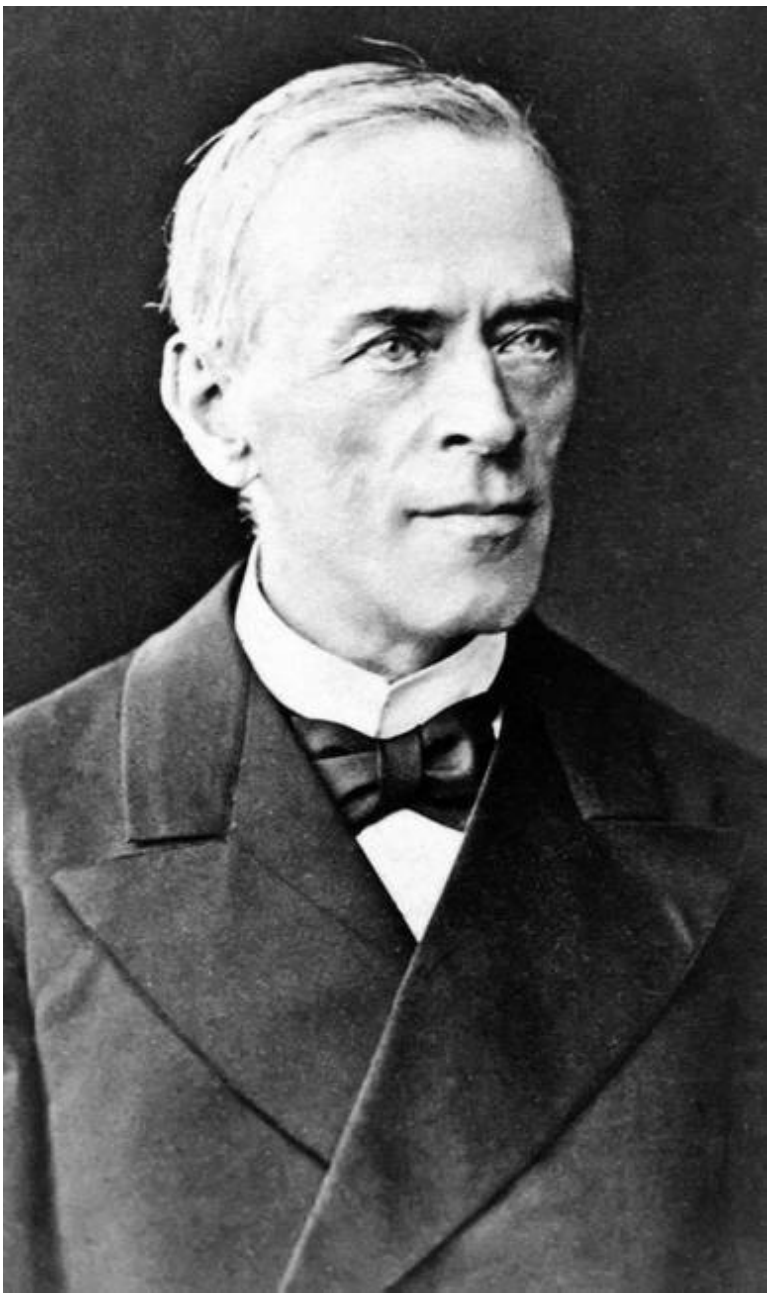
Безусловно позитивной стороной противоречивой эпохи Александра III был стремительный экономический рост. Он был следствием не только общественной стабильности и мирного времени после революционных и военных бурь предыдущего десятилетия, но и результатом весьма здравого хозяйственного курса, который выстраивал министр финансов **Николай Христианович Бунге** (1823–1895). Это тоже был человек тихий, даже смирный, старавшийся ни с кем не ссориться и во всем угождать императору, но при этом знающий и дельный.

Николай Христианович являл собой редкое сочетание ученого и администратора. Он вышел из академической среды, трижды возглавлял киевский Университет Святого Владимира. Писал яркие полемические статьи, отстаивая концепцию свободного предпринимательства с умеренным государственным регулированием – она и сегодня не кажется устаревшей. Резко критикуя Маркса за то, что тот потакает низменным инстинктам масс и поощряет паразитизм, Бунге выступал за «государственный социализм», при котором государство следит за тем, чтобы частная инициатива не превращалась в хищничество.

Стране повезло в том, что Александр относился к Бунге, который когда-то учил его экономике, с глубоким почтением. Министерством финансов бывший профессор руководил только до 1887 года, но, как мы увидим, успел на удивление много.

О том, как в эти годы поднялась промышленность, мы еще поговорим, но не менее важным событием было понижение выкупных платежей за помещичью землю и учреждение Крестьянского банка – эти меры заметно улучшили жизнь сельской России. Еще одной личной

инициативой Бунге была гуманизация рабочего законодательства: ограничивалось использование детского и женского труда, вводились некоторые меры по защите «мастеровых» – но при этом ужесточались наказания за стачки и прочие акты неповиновения.



Николай Христианович Бунге. *Фотография*

В последний период Николай Христианович приступил к важнейшей работе по восстановлению золотого курса рубля, но довести

ее до конца не успел – удержаться на посту ему помешало отсутствие аппаратной ловкости. Он и прежде смотрелся среди победоносцевских креатур белой вороной. Мемуарист П. Ковалевский описывает его так: «Маленький на тонких ножках, худой немчик, которому вы, наверно, открыли бы ваш рояль для настройки, если б не знали, что он министр финансов, а не настройщик». На высоком посту Бунге не изменил своих профессорских привычек. К государю на доклад он ездил на извозчике, большое жалованье расходовал только частично, а остаток передавал в фонд нуждающихся студентов. Всё это было очень мило, но интеллигентному министру не хватало твердости и упорства. Когда на него ополчился сам Победоносцев, обвинив «немца» в «увлечении тлетворными западноевропейскими теориями», царю пришлось уступить давлению.

Правда, заменив Бунге угодным Победоносцеву кандидатом, царь не отдалил от себя Николая Христиановича, а поручил ему вести заседания кабинета министров и позднее доверил обучение наследника.

Новый министр И. Вышнеградский был «природным русаком» и пользовался абсолютной поддержкой консервативного лобби, однако в целом продолжал курс, разработанный Бунге.

Общее впечатление от правительственной «команды» нового царствования такое: за охранительство отвечали напористые реакционеры, а за созидательную работу – притихшие, но не отступившиеся от своих взглядов «системные либералы».

Умиротворение

Всякому мало-мальски значительному российскому монарху в истории дано некое посмертное прозвание. На официальном уровне эта традиция возникла только в девятнадцатом веке. Ивана Четвертого «Грозным», а Алексея Михайловича «Тишайшим» в документах не величали, Елизавету «Кроткой» нарекли пииты, Петра Первого и Екатерину Вторую «великими» первоначально объявили европейцы, а потом уже русские. Еще Павел Первый был просто Павел. Но четыре следующих царя сразу после кончины получили дополнительное титулование, которое должно было определять главную черту почившего в Бозе царя. Церемониальные прозвища Александра Первого и Николая Первого («Благословенный» и «Незабвенный») мало что сообщают об этих правителях и потому в послереволюционной историографии почти не употребляются. Иное дело – второй и третий Александры. Александр Николаевич Освободитель действительно принес свободу крепостным, независимость славянским народам, придал вольное дыхание русскому обществу. Даже если про него пишут без имени – Царь-Освободитель – сразу понятно, о ком речь. Точно так же говорят и пишут об Александре Александровиче: Царь-Миротворец. Для монарха, процарствовавшего всего 13 лет, закрепить за собой особое прозвище – нечастый в истории случай.

Миротворцем этот государь был в двух смыслах. Прежде всего, конечно, имелось в виду, что при нем Россия ни с кем не воевала – впервые со времен Петра III, который просидел на троне всего полгода. Но еще важнее для страны, напуганной террористическими актами прошлого царствования, было «восстановление законности и порядка», которое официально объявлялось (да и внешне выглядело) общественным умиротворением.

В самом коротком виде формула государственной стабильности, разработанная консервативной «командой» Александра Миротворца, складывалась из следующих компонентов:

– Подавление революционного движения и пресечение любых проявлений общественного недовольства посредством учреждения полицейского государства;

– Уклонение от внешних потрясений, опасных для внутренней стабильности;

– Фиксация межсословных барьеров во избежание социальной турбулентности;

– Стратегически стимулируемый государством экономический рост.

В общем и целом это была по-своему логичная, последовательная «государственническая» программа, обеспечившая желаемый результат – во всяком случае, на коротком историческом отрезке, которого хватило на жизнь Александра Александровича (тоже недлинную).

Внутренняя политика

Вопреки надеждам народовольцев, убийство самодержца не привело к коллапсу государственной машины, но наверху, конечно, возникли смятение и паника. Царей в России убивали и прежде, но это происходило во время переворотов, а вот так – среди бела дня, на улице, по приговору какого-то подпольного комитета, помазанников Божиих еще никогда никто не умерщвлял.

В первые дни страшнее всего была неизвестность. Боялись, что неуловимые и вездесущие террористы нанесут новый удар. Обнаружили мину, заложенную на Садовой улице, – испугались еще больше. Новый царь самоизолировался в Зимнем дворце под усиленной охраной, а вскоре и вовсе превратился в «гатчинского узника».

В этой истерической обстановке предстояло обнародовать утвержденное Александром II решение о создании лорис-меликовских «редакционных комиссий», первого шага к народному представительству. Трудно было выбрать менее удачный момент для проведения столь либерального акта, который к тому же не вызывал одобрения у нового государя. Тем не менее Александр III считал своим долгом в память о мученически погибшем отце довести начатое дело до конца. Заседание Совета министров, которое должно было утвердить проект, назначили на 8 марта.

В преддверие этого судьбоносного дня Победоносцев развил лихорадочную деятельность, засыпая царя письмами. Самое длинное и аргументированное датировано 6 марта. Константин Петрович заклинает императора не слушать «либеральных сирен», не уступать

«так называемому общественному мнению». «О, ради Бога, не верьте, ваше величество, не слушайте. Это будет гибель России и ваша».

На заседании, в котором участвовали ведущие сановники империи, большинство ораторов доказывали необходимость реформы, после цареубийства еще более насущной, чем прежде, поскольку она сплотит общество вокруг престола. Об этом говорили министр внутренних дел Лорис-Меликов, председатель комитета министров Валуев, военный министр Милютин, министр финансов Абаза. Обер-прокурору Синода присутствовать на этом синклите по должности вроде бы не полагалось, но Победоносцева пригласил сам император. Константин Петрович произнес страстную речь о гибельности всяких конституционных начинаний. «В такое ужасное время, государь, надобно думать не об учреждении новой говорильни, в которой произносились бы новые растлевающие речи, а о деле. Нужно действовать!» – говорил Победоносцев. Он доказывал, что уступки и реформы лишь расшатывают русское самодержавное государство. Присутствующие видели, что император с обер-прокурором согласен. (Да в общем Победоносцев был совершенно прав: всякое ослабление несущих опор «ордынской модели» грозило государственному зданию обрушением.)

Бой закончился вничью. Было решено, что проект нуждается в дальнейшем обсуждении.

Либеральная фракция стала готовить новое наступление.

Следующий раунд состоялся 21 апреля уже в Гатчине.

Министры выступали один за другим, доказывая, что репрессии не могут подавить революционных настроений – уже пробовали, не получилось; что лучший способ победить крамолу – перетянуть общество на свою сторону с помощью умеренных реформ. Столкнувшись с таким единством, Александр заколебался. У него не хватало ни ума, ни уверенности идти против собственного кабинета.

И тут Победоносцев решительным ударом повернул ход борьбы – и определил всю дальнейшую судьбу России.

Сделал он это при помощи пера и чернил, больше ничего не понадобилось. Прекрасно зная образ мыслей своего бывшего ученика, Константин Петрович сформулировал на бумаге декларацию о незыблемости самодержавия.

Письмо было передано царю 26 апреля, очень ему понравилось и три дня спустя вышло в виде манифеста с длинным названием: «О призыве всех верных подданных к служению верою и правдою Его Императорскому Величеству и Государству, к искоренению гнусной крамолы, к утверждению веры и нравственности, доброму воспитанию детей, к истреблению неправды и хищения, к водворению порядка и правды в действии учреждений России». Документ без обиняков заявлял о том, что император будет охранять самодержавную власть «от всяких на нее поползновений».

Члены кабинета были поставлены перед фактом и, будучи людьми умными, сразу поняли, что свершился правительственный переворот. Одни сами подали в отставку, других убрали. Победоносцев писал царю: «С 29 апреля люди эти – враги ваши». Портфелями теперь распоряжался обер-прокурор Синода. И на самый ключевой пост – министра внутренних дел – провел графа Николая Павловича Игнатьева, ибо тот обладал «русской душой» и пользовался «доброй славой у здоровой части русского населения».

Игнатьев был националист и панславист, но скоро выяснилось, что его душа чересчур уж русская. Сей ревнитель отечественных ценностей задумал возродить институт земских соборов, которые знаменовали бы собой слияние монарха с лучшими представителями верноподданного народа – совсем как при царе Алексее Михайловиче. Победоносцев был в негодовании: ненавистную ему идею народного представительства теперь пытались протащить не через европейскую парадную, а через русские сени, что сути дела не меняло.

Четвертого мая 1882 года Константин Петрович написал царю, что игнатьевская затея обернется «гибелью правительства и гибелью России». В конце того же месяца граф Игнатьев был отправлен в отставку.

Новый министр внутренних дел Дмитрий Андреевич Толстой, наконец, оказался полным победоносцевским единомышленником, и теперь, через год после восшествия Александра III на престол, работа по укреплению самодержавного государства задвигалась.

К этому времени самая насущная задача – истребление террористического подполья – была уже осуществлена. Непосредственных участников цареубийства арестовали сразу после

первого марта, еще при Лорис-Меликове, и предали суду. Пятерых повесили, остальных обрекли на медленную, мучительную смерть в казематах. Потом началась охота за еще остававшимися на свободе народовольцами.

Император напрасно прятался в своей Гатчине. У некогда грозной подпольной организации не хватило бы сил на подготовку нового цареубийства. Две последние акции «Народной воли» были направлены против мелких винтиков репрессивной системы: в марте 1882 года застрелили киевского военного прокурора Стрельникова и в конце 1883 года двойной агент народоволец Дегаев убил завербовавшего его жандарма Судейкина. К этому времени уже был схвачен последний член Исполнительного комитета Вера Фигнер. Эпоха террора – вернее ее первая фаза – завершилась. Вооруженная борьба революционеров с режимом закончилась победой полиции.

Правда, это была уже совсем другая полиция, нарастившая мощные мышцы и наделенная огромными полномочиями. Третье отделение, перед которым когда-то трепетала николаевская Россия, рядом с этой махиной казалось карликом.

В августе 1881 года было издано «Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия». Документ со столь невыразительным названием фактически изменил формат государственной власти, превратив самодержавную империю в полицейское государство, где репрессивные органы представляли собой параллельную структуру власти и не были связаны юридическими ограничениями.

В любой области империи указным порядком мог вводиться режим «усиленной охраны» и еще более суровый режим «чрезвычайной охраны». При этом местная администрация имела право по собственному усмотрению кого угодно арестовывать, высылать, подвергать огромным денежным штрафам. Любые предприятия, органы печати и учебные заведения могли быть закрыты. Всякое юридическое разбирательство, если его ход не устраивал администрацию, немедленно передавалось в военный суд.

Предполагалось, что указ вводится временно – до полной победы над терроризмом, однако новый способ управления оказался настолько удобным для власти, что сохранялся вплоть до 1917 года. Вместо конституции и правового государства Россия получила полицейскую

диктатуру. Отныне жизнь подданных регулировали не законы, а органы государственной безопасности: Департамент полиции и Жандармский корпус.

Р. Пайпс пишет, что созданная при Александре III правоохранительная система была для своего времени уникальной. Ни в какой другой стране не существовало двух видов полиции: одна – для охраны обывателей, другая – для охраны государства, причем вторая освобождалась от контроля судебных властей. Все преступления политического свойства (или изображавшиеся таковыми) разбирались в административном порядке. «Эти две черты делают полицейские учреждения позднего периода царской России предтечами и… прототипами всех органов политической полиции двадцатого века», – пишет Пайпс.

Еще до введения «Положения» жандармские отделения были выведены из подчинения губернаторам и становились подотчетны только министерству. В 1880-е годы на службе в этой структуре состояло 10 тысяч человек. Полицейских чинов было около 100 тысяч.

Департамент полиции ведал вопросами, касавшимися «общественной безопасности», а к этой сфере при желании можно было отнести любой вид деятельности.

Полиция выдавала паспорта и контролировала место жительства, перемещения и род занятий подданных. Разрешала или запрещала любые публичные мероприятия, вплоть до самых невинных. Надзирала за иностранцами и – отдельно – за евреями. Позволяла и прекращала издание газет. Занималась перлюстрацией почты. Следила за благонадежностью книг и репертуаром театров. Определяла, можно ли человеку заниматься той или иной профессией. Одним словом, запрещено было всё кроме того, что санкционировалось полицией.

В ее распоряжении имелись еще и два дополнительных мощных рычага. Во-первых, выдача «справки о благонадежности», без которой нельзя было поступить ни на учебу, ни на сколько-нибудь заметную должность. И, во-вторых, помещение любого лица под «гласный надзор», равносильное ограничению в правах. Вместо паспорта у «поднадзорного» имелось особое удостоверение, с которым человек не смел покинуть место жительства, мог в любое время суток, безо всяких объяснений быть подвергнут обыску, а вся его корреспонденция подлежала проверке. Особенно подозрительных ссылали под надзор в

Сибирь. Таких, административно наказанных, было во много раз больше, чем осужденных по приговору. По меркам следующего столетия судебные репрессии выглядят довольно скромно: за тринадцать лет всего 20 «политических» было казнено и 128 отправлено на каторгу, но «административные», то есть полицейские наказания достигали весьма внушительных масштабов. Счет сибирских ссыльных шел на десятки тысяч.

Арест пропагандиста. *И. Репин*

Однако контроль над «общественным спокойствием» отнюдь не ограничивался полицейскими мерами. Программа консерваторов-государственников строилась гораздо шире. Ее очевидной (но не главной) целью был последовательный демонтаж либеральных реформ, ослабляющих самодержавие или представляющих для него потенциальную угрозу. В эту категорию попадали зачатки самоуправления и свободы слова, независимость судов, а также всё, связанное с воспитанием молодежи, охваченной революционным духом. Главной же, стратегической целью являлась стабилизация общества на основе «народного самодержавия», то есть единение

самодержца и народа, осененное церковью. По сути дела, это была модификация всё той же триады «Православие-Самодержавие-Народность», но усиленная национализмом и укрепленная полицейским режимом.

Новый курс начал осуществляться еще до того, как принял вид разработанной программы. Последняя была сформулирована только к 1886 году, когда граф Д. Толстой представил государю «всеподданнейший доклад» с шестью пунктами. В число задач, подлежащих решению, входили: переустройство жизни основной части населения – крестьян; отмена земского и городского самоуправления; дальнейшее расширение властных полномочий министерства внутренних дел; замена выборных должностей «правительственными назначениями»; увеличение роли дворянства; передача полномочий мировых судов учреждениям, «находящимся в непосредственной связи с административной властью». Одним словом, это была программа превращения России в полицейско-бюрократическое государство, каким она была до Александра II.

Проект обсуждался на Государственном совете, где его поддержала лишь четверть участников – 13 человек. Но самодержавие есть самодержавие. Царь согласился с мнением меньшинства, и на этом прения закончились.

В последующие годы один за другим были приняты несколько актов, практически уничтоживших сложившуюся систему местного самоуправления.

В 1889 году появилось «Положение о земских участковых начальниках», которые обличались всей полнотой власти на низовом административном уровне. Земскими начальниками, от которых непосредственно зависела жизнь сельского населения, то есть большинства россиян, могли назначаться только потомственные дворяне. Эти администраторы (их было четыре-пять в каждом уезде) могли отменять решения сельских сходов и даже разгонять их силой, арестовывая выбранных крестьянами старост.

Следующим ударом по земствам, «отрешенным от центральной администрации и предоставленным всем случайностям выбора» (цитата из Победоносцева) было принятое в следующем году «Положение о губернских и уездных земских учреждениях». Выборы

не отменялись, но вводились дополнительные привилегии для дворян и ограничения для крестьян, так что в губернских собраниях представители последних теперь составляли всего 2% (да и тех утверждало начальство). Но даже и такие, весьма далекие от народа земские учреждения всякое свое решение должны были согласовывать с губернатором.

В 1892 году выпустили новое «Городовое положение». По нему малоимущие горожане лишались избирательного права, в результате чего количество голосующих резко сократилось (например, в столице их осталось всего шесть тысяч человек – на миллионный город). Городские думы и управы утверждались администрацией, которая могла по собственному усмотрению отменить любое их постановление, если сочтет, что оно «не соответствует общим государственным пользам и нуждам».

Пример того, как можно поступать с выборной властью, подавал сам император.

В 1883 году (то есть задолго до принятия «Положения») московский городской голова Б. Чичерин, человек благонамеренный и умеренный (другого на такой должности не утвердили бы), произнося речь в высочайшем присутствии, очень осторожно высказал робкое пожелание касательно того, чтобы правительство поощряло инициативу и самостоятельность общества, а также похвалил «великие преобразования прошедшего царствования». Несмотря на то, что всё это говорилось в самом верноподданном тоне и перемежалось призывами «сомкнуть ряды против врагов общественного порядка», царь счел выступление неслыханной дерзостью.

Почтенному юристу, который в свое время преподавал наследнику Александру Александровичу правоведение, было передано, что государь нашел подобный образ действий неприемлемым и «соизволил выразить желание, чтобы он оставил должность московского городского головы».

Сигнал, поданный самим венценосцем, был предельно ясен.

Много больше куцего земско-городского самоуправления самодержавному государству мешала судебная система, главное завоевание реформаторов. Ограничение независимости этой ветви власти началось еще в семидесятые годы после оправдания Веры Засулич. Как мы помним, при помощи казуистических ухищрений политические дела стали передаваться в ведение военных судов.

При новом режиме правые газеты, поддерживаемые сверху, повели кампанию против института присяжных, несменяемости судей и гласности судопроизводства. Один из идеологов реакции, близкий друг государя и постоянный его корреспондент, князь В. Мещерский в 1887 году писал: «Вся Россия горьким 20-летним опытом дознала, что суд присяжных – это безобразие и мерзость, что гласность суда есть яд, что несменяемость судей есть абсурд».

Суд присяжных хоть и с ограничениями, но сохранился – слишком одиозно выглядела бы его отмена при повсеместной распространенности этого учреждения в цивилизованных странах. Это либеральное завоевание кое-как отстоял министр юстиции Д. Набоков, но поплатился за свое упрямство отставкой. Причину со своей всегдашней прямотой объяснил ему сам император в письме: «Любезный Дмитрий Николаевич, Вы знаете моё давнишнее желание изменить к лучшему нынешние порядки судопроизводства. Желание это, к сожалению, доселе не исполняется, и поэтому я поставлен в необходимость назначить другого министра юстиции». Им стал победоносцевский назначенец Н. Манасеин, которого впоследствии сменил бывший обвинитель на процессе «первомартовцев» Н. Муравьев, заявлявший, что «суд должен быть прежде всего верным и верноподданным проводником и исполнителем самодержавной воли монарха».

В этом направлении и двигались нововведения, которые можно было бы назвать «старовведениями», поскольку они последовательно восстанавливали систему, существовавшую прежде.

Несменяемость судей формально не отменялась, но фактически исчезла, ибо министр юстиции получил право привлекать тех, кто вызвал его неудовольствие, к дисциплинарной ответственности, переводить из одного округа в другой и даже снимать с должности.

Исполнительная власть теперь могла объявить любой процесс «закрытым», если требовалось «оградить достоинство государственной

власти» – под эту категорию попадало что угодно. Вновь большинство членов Государственного совета высказались против этой меры, выглядевшей крайне непристойно, – и опять царь утвердил указ собственной волей.

Жизнь обычных людей больше всего зависела от самой низовой ступени правосудия – мировых судов. Они сильно ограничивали произвол местной администрации, вынужденной учитывать их решения, и тем самым, с точки зрения защитников самодержавия, подрывали авторитет власти в глазах народа. Поэтому почти по всей стране, за исключением нескольких больших, «витринных» городов, мировых судей упразднили. В руках земских начальников оказалась не только административная, но и судебная власть. Это, пожалуй, стало самым болезненным ударом по российской правовой системе.

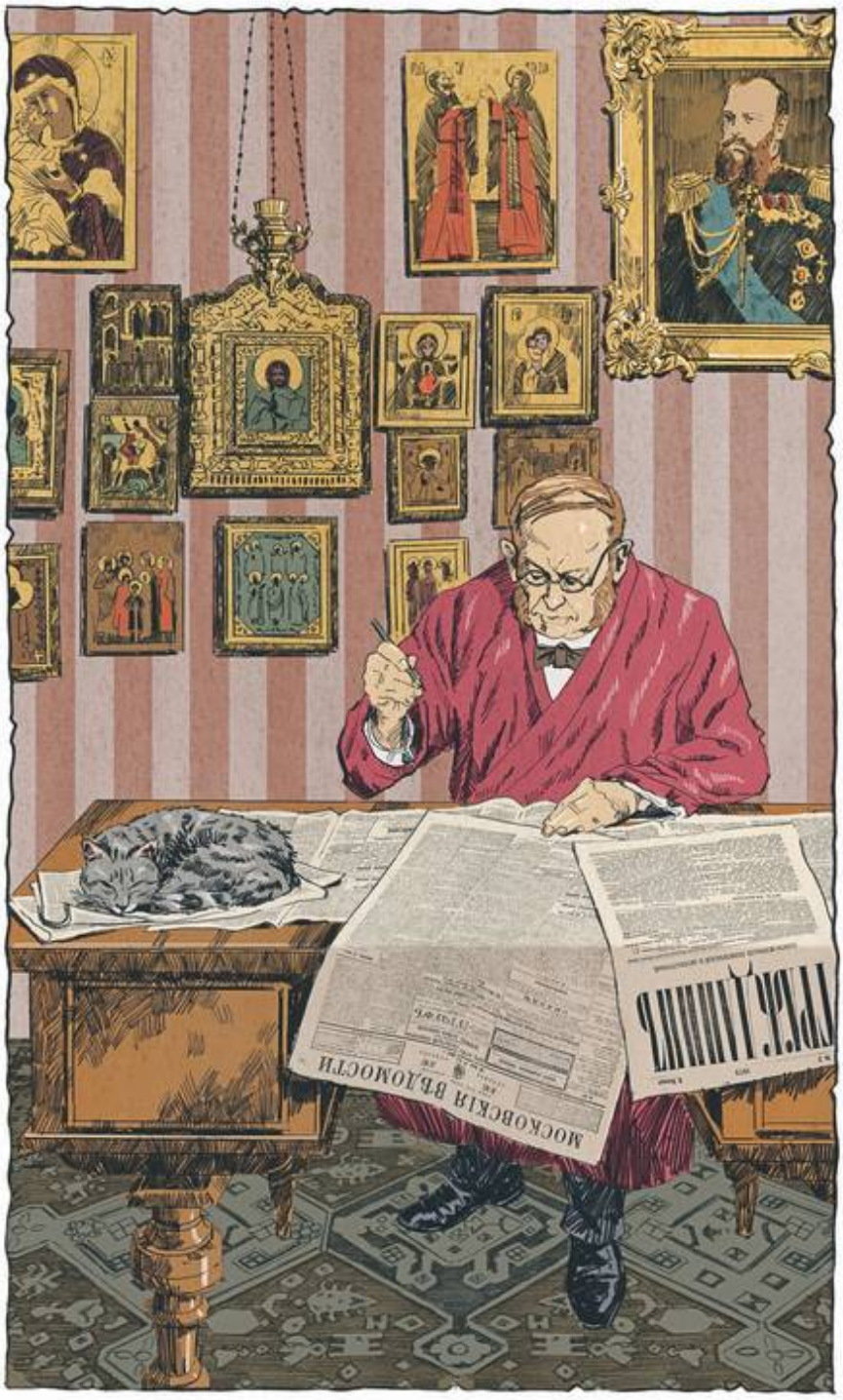
В конце восьмидесятых годов произошло второе наступление на суд присяжных. Отменять полностью его не стали, но, как в вопросе о несменяемости судей, превратили в фикцию. Во-первых, вывели из компетенции этого непредсказуемого органа все потенциально проблемные процессы, а во-вторых, повысили образовательный и имущественный ценз, что автоматически исключило из состава присяжных представителей социальных низов.

К концу правления Александра III контрреформа судопроизводства была почти завершена.

Другой важной заботой правительства было ограничение свободы слова. Константин Петрович Победоносцев придавал этому направлению столь большое значение, что каждый день лично прочитывал прессу, повсюду выискивая крамолу. Он писал царю: «Главная причина [общественной смуты], я убеждён в том, – газеты и журналы наши, и не могу надивиться слепоте и равнодушию тех государственных людей, которые не хотят признать этого и не решаются на меры к ограничению печати. Я был всегда того мнения, что с этого следует начать». Глава цензурного ведомства Феоктистов рассказывает, что у великого человека «хватало времени читать не только распространённые, но и самые ничтожные газеты, следить в них не только за передовыми статьями или корреспонденциями, но даже (говорю без преувеличения) за объявлениями, подмечать такие мелочи, которые не заслуживали бы ни малейшего внимания. Беспрерывно я

получал от него указания на распущенность нашей прессы, жалобы, что не принимается против неё достаточно энергичных мер». Находя крамольные статьи, Победоносцев отправлял их со своими пометками министру внутренних дел для принятия немедленных санкций.

Еще в 1882 году были опубликованы «Временные правила о печати», ставившие ее в очень жесткие рамки, которые впоследствии только сужались. Как и в случае с указом об «усиленной охране», новые правила оказались не временными, а постоянными. Система наказаний за крамольные статьи состояла из «предостережений», запрета на розничную продажу и публикацию рекламы, временной приостановки и, наконец, окончательного запрета, причем все эти кары применялись безо всякого судебного разбирательства.



Победоносцев за чтением газет. *И. Сакуров*

Вновь, как при Николае I, цензура стала государственным делом первостепенной важности. Ею ведало Особое Совещание из трех министров (внутренних дел, юстиции, просвещения) и обер-прокурора Синода.

Главный цензор Феоктистов за время своей энергичной деятельности (1883–1896) закрыл пятнадцать периодических изданий, в том числе популярные у либеральной части общества «Отечественные записки», «Московский телеграф», «Русский курьер», «Голос». Всякое подобное решение получало полную поддержку императора. «Московский телеграф» его величество назвал «дрянной газетой», «Русский курьер» – «поганой», «Голос» – «скотом».

Конечно же, запрещались и недостаточно благонадежные книги – как отечественные, так и иностранные. В их числе оказались произведения Л. Толстого, Н. Лескова, В. Гюго, Г. Ибсена и многих других авторов.

Бдительно следили и за репертуаром театров, поскольку каждый спектакль представлял собой публичное собрание. Современный исследователь Е. Толмачев пишет, что за десятилетие 1882–1891 годов была запрещена к постановке треть (!) отечественных пьес.

Тревога за нравы молодого поколения побудила правительство к пересмотру системы образования. Если при Александре II, в бытность министром просвещения, Д. Толстой не смог полностью осуществить свою охранительную программу, то теперь для этого появились все возможности.

Начали с высшего образования, поскольку студенческая среда с ее революционными настроениями вызывала наибольшее беспокойство.

В 1884 году был пересмотрен либеральный университетский устав, принятый двадцатью годами ранее, на волне реформ. Автономия отменялась, выборы ректоров и деканов – тоже. Теперь они назначались министерством. Кандидат на профессорскую должность тоже либо назначался, либо одобрялся чиновником – окружным попечителем. Учебные программы контролировались и утверждались централизованно.

Началась чистка «неблагонадежных» преподавателей, в результате чего российская высшая школа лишилась многих выдающихся ученых, в том числе из лекторов ушли химик Д. Менделеев, биолог И.

Мечников, социолог М. Ковалевский (двое последних даже эмигрировали).

Прямым возвращением к николаевской эпохе, когда студентов держали по-военному, стал запрет носить партикулярное платье – вновь вводились мундиры. Теперь специально назначенным инспекторам (да и полиции) было легче приглядывать за поведением студенческой молодежи и вне университетских стен. Без уже упоминавшейся полицейской «справки о благонадежности» поступить в высшее учебное заведение стало невозможно.

Доступ к высшему образованию был резко ограничен и по имущественному признаку: в пять раз (!) увеличивалась плата за обучение, что лишало огромную массу способных юношей из бедных слоев населения надежды на лучшее будущее. (Это было частью государственной стратегии, на чем мы остановимся ниже.)

Женское высшее образование, и прежде поставленное очень слабо, сочли вообще нежелательным. Причиной тому было активное участие образованных девушек в народническом, земском и даже террористическом движении, а также общий курс на укрепление традиционных, патриархальных ценностей, не подразумевавших женское равноправие.

Закрыли женские врачебные курсы, затем московские Высшие женские курсы, сохранив только петербургские Бестужевские, но ограничили круг преподаваемых наук и число учащихся (на всю империю – четыреста слушательниц). В правительственном докладе говорилось, что «необходимо пресечь дальнейшее скопление в больших городах девиц, ищущих не столько знаний, сколько превратно понимаемой ими свободы».

> Наиболее откровенно главный смысл всех этих постановлений был обозначен в циркуляре министра просвещения от 18 июня 1887 г., касавшемся среднего образования. Этот документ получил название «циркуляра о кухаркиных детях».
>
> Министр И. Делянов, верный последователь Победоносцева и Толстого, разъясняя смысл предлагаемых мер, с удивительной откровенностью писал государю: «… Гимназии и прогимназии освободятся от поступления в них детей кучеров, лакеев, поваров, прачек, мелких лавочников и

тому подобных людей, детям коих, за исключением разве одаренных гениальными способностями, вовсе не следует стремиться к среднему и высшему образованию».

Решение проблемы было точно такое же, как с университетами: резко повысить плату за обучение. При тогдашней многодетности платить по 40 рублей в год за среднее образование каждого ребенка могли лишь обеспеченные семьи. Для остальных отводились церковно-приходские школы (в один или два класса), где учили только читать и считать, а главным образом обучали Закону Божию. Преподавали там священники, дьячки или выпускники особых церковно-педагогических заведений. Впрочем, и таких школ было явно недостаточно – около 30 тысяч на всю страну. Перепись 1897 года установит, что 79% россиян неграмотны.

По замыслу государственных идеологов, весь вред происходил из-за того, что разрушались перегородки между сословиями, что порождало в народе неудовлетворенность и мечту об иной судьбе. По выражению Победоносцева, простой народ следовало удерживать «в простоте мысли». Поэтому следовало поднять перегородки выше и – по возможности – примирить каждую социальную группу с условиями ее существования. Первую задачу, как мы видим, можно было исполнить указным порядком. Со второй получалось трудней.

Правительство – надо отдать ему должное – пыталось облегчить положение крестьян. Для этого, в частности, были снижены выкупные платежи за помещичью землю и отменено «временнообязанное состояние», заставлявшее тех, кто еще не выкупил землю, платить оброк. Это послабление было даровано через двадцать лет после эмансипации.

С 1883 года начал работать Крестьянский банк, выдававший мелким хозяевам и целым общинам ссуды на приобретение земли. В 1887 году по проекту министра финансов Бунге отменили подушную подать, которая все равно плохо собиралась.

Принятые меры довольно существенно улучшили жизнь аграрного населения. Верной приметой этого было повышение рождаемости, в среднем на один процент в год. Но прироста «среднего класса» за счет крестьянства почти не происходило. Правительство всячески мешало этому процессу, искусственно тормозя его: оберегало общинное

землевладение, затрудняло переход к личному хозяйствованию, переезд с места на место.

Отделение Крестьянского банка в Симбирске. *Фотография*

Та же линия проводилась по отношению к новому, быстро растущему трудовому сословию – рабочим. С одной стороны, правительство не хотело доводить их до озлобления, пыталось сделать жизнь «мастеровых» сносной. Как уже говорилось, были приняты законы, ограничивавшие эксплуатацию детей и женщин, началось регулирование условий оплаты и труда, власти пытались посредничать при возникновении конфликтов между фабрикантами и работниками. С другой стороны, любые попытки самоорганизации рабочих, даже не с политическими, а с профессиональными целями, считались преступлением и жестоко подавлялись.

Недовольство и в крестьянской, и тем более в рабочей среде не стихало, что очень беспокоило власть, но не побуждало ее как-то переменить свою социальную политику.

Ненамного успешней были и попытки улучшить положение дворянства, опоры престола. В 1885 году государь издал велеречивый рескрипт, в котором обращался к дворянам со следующим заверением: «Мы, для пользы государства, признаем за благо, чтобы российские

дворяне и ныне, как и в прежнее время, сохраняли первенствующее место в предводительстве ратном, в делах местного управления и суда, в бескорыстном попечении о нуждах народа, в распространении примером своим правил веры и верности и здравых начал народного образования». С этой целью, как мы видели, представителям дворянского сословия – земским начальникам – передавалась административная власть над населением, не ограниченная ничем кроме воли начальства. Но этот шаг никак не менял общего состояния русской аристократии, которая, лишившись крепостных, оказалась перед выбором: либо идти работать, либо прогуливать остаток выкупных денег. В первом случае дворянин становился обыкновенным служащим, во втором – никчемным «осколком прошлого». Многие отправились по более легкому пути, превращаясь в оплакиваемых (и осмеиваемых) Чеховым персонажей «Вишневого сада».

В помощь помещикам был создан Дворянский банк, выдававший льготные долгосрочные ссуды под залог имений. Интерес, вначале составлявший 6%, был затем снижен до 3,5%. Это затянуло агонию сословия, но спасти его не могло. Оно в конце концов исчезло бы и без революции 1917 года.

При Александре III государственная политика империи обрела ярко выраженный националистический характер. Это объяснялось не только великорусскими увлечениями самодержца, но было частью общей стабилизационной стратегии, которую можно сформулировать так: чем население монохромней, тем страна монолитней.

В стомиллионной России, говорившей на множестве языков и придерживавшейся разных верований, всякое внутреннее шатание безусловно было чревато обострением межэтнических конфликтов и сепаратистских настроений. Удерживать эту громаду вместе могла только очень сильная центральная власть – для этой цели, собственно, исторически и сформировалась, а затем поддерживалась самодержавная система. Идея Победоносцева, горячо одобряемая царем, была проста и логична: как можно полнее вовлечь национальные окраины и всяческие меньшинства в единый общеимперский организм. Поскольку никакими иными методами кроме принудительных правительство не владело, осуществлялась эта работа весьма грубо и часто давала обратный эффект. Состояла она из двух

направлений: «принуждения к русификации» и «принуждения к православию». К тем этносам и группам, которые противились ассимиляции, применялись репрессии.

«Польский вопрос» начали решать еще в шестидесятые годы, после подавления восстания. Западные польские области, жившие мечтой о национальном возрождении, лишили автономии и превратили в обычные губернии.

Еще Муравьев-Вешатель, подавивший мятеж железной рукой, выработал доктрину «спокойного обладания» этим вечно неспокойным краем. Он считал, что примирение с «польской народностью» невозможно и что держать ее в покорности следует «мерами строгой справедливости, отнюдь не снисходительностью или потворством».

Так и действовали. Упразднили само слово «Польша». Теперь регион назывался «Привисленским краем». Поляков на сколько-нибудь заметные административные должности не назначали, в учреждениях и учебных заведениях использовался только русский язык, запрещены были даже объявления и вывески на польском. В правительственную программу входило «возвышение русской народности», «распространение образования в духе православия», поддержка православного духовенства и «обезвреживание» католического, противодействие любой «польской пропаганде», высылка неспокойных элементов и постепенное увеличение доли русского населения.

При новом императоре антипольские гонения лишь усилились – в том числе из-за польского происхождения Гриневицкого, убийцы Александра II. Полицейский контроль жестко подавлял всякие попытки создания национальных организаций, но ничего кроме раздражения, враждебности и русофобии эти репрессии, разумеется, не вызывали. Сама идея о том, что завоеванную страну, сплоченную языком, культурой, исторической памятью и религией, возможно русифицировать, была опасной бюрократической утопией.

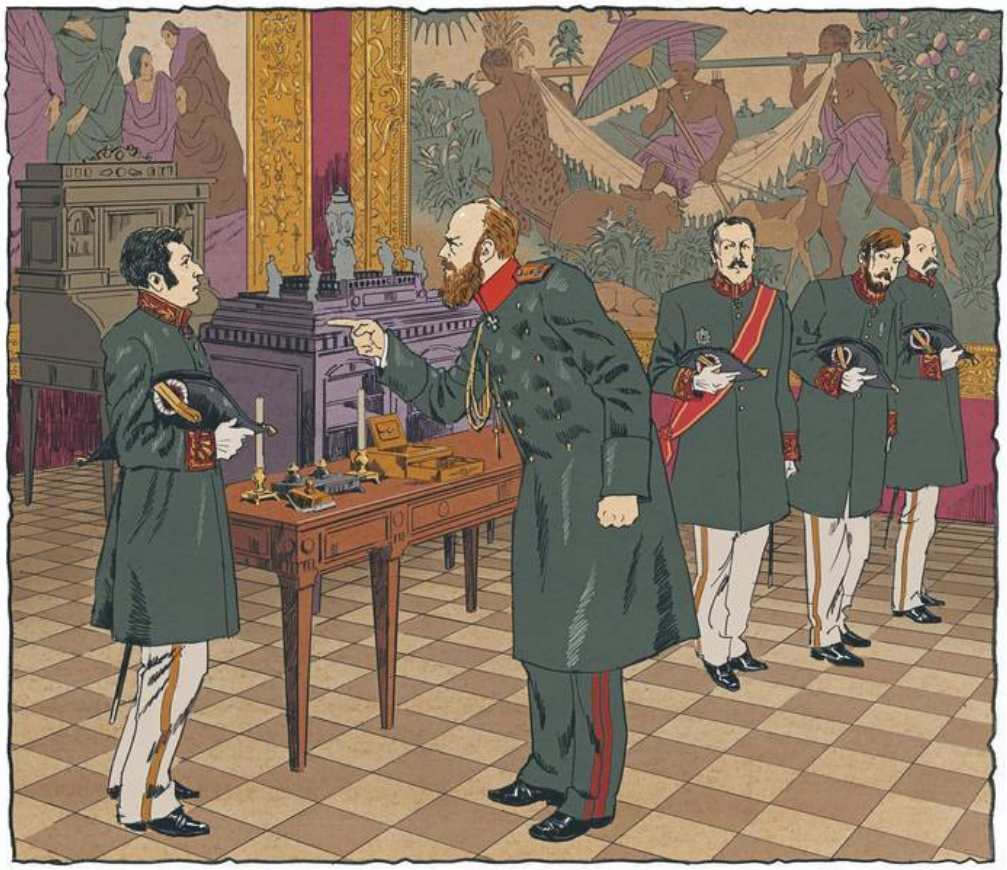
Почти таких же воспаленных размеров достиг другой национальный «вопрос» – еврейский. Здесь тоже было две причины, субъективная и объективная.

Дело в том, что Александр Александрович был заядлым юдофобом и не считал нужным это скрывать.

> Корреспондент британской «Дейли телеграф» Э. Диллион, много лет проработавший в России, писал про царя: «Для него не существует просто людей, а «жиды» и «нежиды»… Он до крайности нетерпим, и инициативы всех религиозных гонений исходят от него. Год тому назад на пост директора одного департамента в министерстве юстиции был назначен Х., человек семитского происхождения. Он должен был представляться царю, но его выдающийся нос и другие еврейские черты вызвали такое резкое отношение к нему царя, что несчастный чиновник совершенно растерялся. Вскоре царь, обращаясь к министру, заметил: «Этот Х. – паршивый жид!». «С позволения вашего величества, он православный христианин». «По народности он жид, и следовательно это все равно, а я строго воздерживаюсь назначать жидов на подобные посты».

Объективной же причиной государственного антисемитизма был высокий процент еврейской молодежи в революционном движении – и еврейского капитала в финансовом секторе. И то, и другое произошло в результате политики самого же российского правительства. Со времен Николая I оно принялось насильственно ассимилировать евреев, надеясь превратить членов этой обособленной общины в «нормальных» подданных – и добилось на этом поприще серьезных успехов. Выросло новое поколение, для которого русский язык и культура были родными, а интересы страны – собственными. Предприимчивые люди (а их было много) пустились в бизнес, интеллигентная молодежь прониклась вольнолюбивыми общественными настроениями. Унизительные и несправедливые ограничения в отношении евреев лишь увеличивали число революционеров.

При Александре III положение евреев все время ухудшалось. Контрреформа образования, закрывшая доступ в гимназии «кухаркиным детям», ввела ограничение и для евреев – установила так называемую «процентную норму», по которой в средние учебные заведения нельзя было принимать больше 3% евреев в столицах и 10% в «черте оседлости» (где евреи иногда составляли половину населения). Тот же порядок был установлен и для университетов.



Подозрительно носатый Х. у государя. *И. Сакуров*

Членов этой многочисленной национальной общины старались не выпускать из мест компактного проживания – словно это были носители какой-то заразной болезни, подлежащие карантину. «Черта оседлости» все время ужималась, и даже внутри нее евреям разрешалось жить только в городах и местечках. За пределами «оседлости» могли селиться только евреи определенных профессий, причем эти правила еще и произвольно менялись. Например, в 1891 году вдруг постановили убрать из Москвы всех евреев-ремесленников – и выселили 17 тысяч человек. Избирать евреев в городские думы с 1892 года воспрещалось. Включать в состав присяжных – тоже.

На низовом уровне государственный антисемитизм откликался еврейскими погромами, которые становятся позорной особенностью

российской действительности. В международном глоссарии немного слов русского происхождения, и одно из них – «pogrom». Официально эти стихийные акты насилия были запрещены, но у любителей пограбить сложилось твердое убеждение, что на подобного рода буйство местные власти смотрят сквозь пальцы или даже втайне его поощряют (что в некоторых случаях было правдой). После нижегородского погрома 1884 года губернатор Баранов в своем донесении недвусмысленно сформулировал это: «…В народе сложилось убеждение в полной безнаказанности самых тяжелых преступлений, если только таковые направлены против евреев».

Победоносцев называл всё это «борьбой с тихим наступлением еврейства». В ответ одни евреи «тихо отступали», то есть навсегда покидали Россию, другие – в основном образованная молодежь – переходили в «громкое наступление», включаясь в революционное движение.

Новым направлением имперской национальной политики были усилия по русификации областей, на привычную жизнь которых не покушался даже Николай I, вполне ими довольный: Прибалтики и в особенности Финляндии, которая выбивалась из общего строя российских владений своим автономным статусом. Великое княжество существовало на основе самоуправления, содержало собственное войско, выпускало деньги и – о ужас – даже имело парламент (сейм).

«Приручение» Финляндии официально именовалось унификацией местного законодательства с российским. В ходе этого процесса великое княжество лишилось таможенной автономии, денежной системы, делопроизводство теперь предписывалось вести на русском языке.

В 1891 году вышел специальный манифест, объявлявший, что будут проведены «мероприятия», цель которых «более тесное единение Великого княжества с прочими частями Российской державы». На практике это вылилось в ослабление полномочий Сейма, который отныне не мог рассматривать «вопросы общегосударственного значения», да и любые решения касательно самой Финляндии впредь поступали на утверждение Государственного совета и лично императора. В финской историографии этот период называется «Годы угнетения». В результате подобной национальной политики Петербурга

в доселе спокойной части империи возникло движение за независимость. Через несколько лет дойдет до того, что финский патриот застрелит русского генерал-губернатора…

В Балтийском крае правительство тоже вдруг озаботилось тем, что эти области живут иначе, чем другая Россия. В 1882–1883 годах сенатор Манасеин, будущий реакционный министр юстиции, был отправлен ревизовать положение дел в Курляндии и Лифляндии, после чего представил доклад о необходимости «сближения» региона с внутренней Россией. Если до сих пор все административные должности занимали представители местного дворянства, то теперь стали назначать русских чиновников – это квалифицировалось как борьба с немецким засилием. Учреждения должны были перейти на русский язык. В 1888–1889 годах судебная система и административно-полицейское устройство прибалтийских губерний были приведены в соответствие с общероссийскими. Среди остзейских немцев, всегда лояльных империи, никакого организованного протеста не возникло, зато начался национальный подъем у латышей и эстонцев, поначалу воспринятый в Петербурге как поддержка курса на «разнемечивание». (Как мы знаем, после распада романовской империи «разнемеченные» провинции с энтузиазмом отделятся от России и провозгласят независимость.)

Религиозная политика (а это была именно политика) консервативного правительства велась не менее бесцеремонно. «Иноверцы», «инославцы» и всякого рода религиозные диссиденты в России стали чувствовать себя нежелательным элементом.

Тяжелее всего приходилось католическому духовенству западных областей, поскольку там администрация и православная церковь вели двойную атаку, каждая со своей целью. Была закрыта бóльшая часть монастырей, запрещалось строить новые костелы, многие священники находились под полицейским надзором. Периодически организовывались показательные кампании по переходу местных жителей в православие, и каждое такое событие праздновалось с большой помпой. К правящей церкви присоединились чехи, жившие на Волынщине, затем часть эстонцев. Впрочем, реальные цифры были невелики – несколько тысяч человек.

Начались новые преследования раскольников-беспоповцев. Особенную же нетерпимость власть проявляла к сектантам, расценивая этих русских людей как вероотступников, предателей православия.

Миссионерская деятельность, направленная на крещение «язычников», всячески поощрялась Синодом, а затем начальство зорко следило за тем, насколько старательно новообращенные придерживаются христианства. В 1892 году было затеяно «Мултанское дело» о том, что удмурты якобы совершают человеческие жертвоприношения. Оно находилось на особом контроле у императора и Победоносцева, хотя обвинения были дикими и полностью сфабрикованными. Понадобилась широкая общественная кампания, растянувшаяся на несколько лет, чтобы обвиняемых оправдали.

Мултанское дело: обвиняемые и защитники. *Фотография*

Заметный культурный деятель того времени князь С. Волконский в своих воспоминаниях дал весьма красноречивую оценку официозного национально-клерикального духа победоносцевской эпохи: «Смешение

принципов национального и религиозного достигло последних пределов уродства. Только православный считался истинно русским, и только русский мог быть истинно православным. Вероисповедной принадлежностью человека измерялась его политическая благонадёжность. Ясно, что такое отношение к важнейшим вопросам духовной жизни низводило их на степень чего-то служебно-зарегламентированного, в чем проявлению личности не было места и в чем открывался необъятный простор лицемерию. Я не могу иначе назвать всю тогдашнюю систему как школой лицемерия. Это было политическое ханжество, в предмет которого никто в душе своей не верил». Может быть, в это верил только Александр Александрович Романов. Во всяком случае не Победоносцев. Константин Петрович был человеком умным.

Экономика

В конце XIX века российская экономика стремительно развивалась, опережая среднемировые темпы. Некоторые современные авторы видят в этом доказательство правильности – во всяком случае для России – «государственнического» способа управления национальным хозяйством. Однако при ближайшем рассмотрении обнаруживается парадокс. Хотя внутриполитический курс Александра III несомненно был жестко-охранительным, экономикой страны руководили деятели скорее либерального толка: сначала Бунге, затем продолжатель его линии Вышнеградский, а под конец царствования началось время С. Витте, которого «правые» будут считать своим заклятым врагом.

Российская экономика отнюдь не была «командной». Стратегия правительства совмещала весьма умеренное государственное дирижирование с поощрением частной инициативы.

Бюджетные возможности в начале восьмидесятых годов у казны были очень скромны. Государство, собственно, и не могло себе позволить серьезных инвестиций в промышленное развитие. После тяжелых военных трат, подорвавших все достижения кропотливой многолетней работы Рейтерна, финансы находились в плачевном состоянии. Александр III унаследовал от отца бюджетный дефицит в 50

миллионов рублей и 6 миллиардов долгов. Курс рубля был подорван, внешнеторговые связи ослаблены.

Мыслители консервативного толка, вошедшие в силу при новом режиме, считали, что в этих условиях страна должна отгородиться от более развитого Запада защитными таможенными барьерами и развиваться «внутри себя самой». Эта позиция была совершенно логичной для «государственнической» доктрины. Однако министр Бунге смотрел на дело иначе. Он представил государю программу, в которой предлагал идти «правильным путем»: стимулировать рост промышленности дешевым кредитом и «достаточным покровительством»; продолжать развитие железнодорожного транспорта; повысить покупную способность населения за счет реформирования налоговой системы и облегчения жизни крестьян; наконец, добиться профицита при помощи «разумной бережливости».

Последняя задача так и останется невыполненной – пробитая турецкой войной финансовая брешь была слишком велика. В остальном же Бунге свою программу осуществил вполне успешно.

Уменьшение выкупных платежей и учреждение Крестьянского банка заметно улучшили положение сельских жителей. Отмена подушной подати, дававшей бюджету около 70 миллионов в год, в условиях хронического дефицита была мерой отважной, но и благотворной. У крестьян, основной массы населения, образовались средства для развития производства, а кроме того появились деньги на расходы. Возросший денежный оборот обогащал казну за счет введения косвенных налогов: на вино, табак, сахар. Историк Е. Толмачев пишет, что сборы с акцизов за пять лет выросли более чем на 100% (с 16 до 35 миллионов), и еще 27 миллионов за тот же срок принесло увеличение пошлин на импортные товары.

Акцизно-налоговая реформа Бунге (не называвшаяся таковой, ибо слово «реформа» вышло из моды) была широкой и многокомпонентной. Она пересмотрела или заново ввела множество сборов и тарифов, повысила налог на недвижимость, прибыль и наследство, а также предприняла другие шаги, рассчитанные таким образом, чтобы бремя не ложилось на плечи самых бедных. Для контроля над сильно усложнившейся налоговой системой была создана служба податных инспекторов, оказавшаяся чрезвычайно полезной для государства.

Министерство еще активнее, чем во времена Александра II, поощряло развитие железнодорожного транспорта. Дело в том, что при Рейтерне, который был убежденным противником «казенного капитализма», государство лишь предоставляло инвесторам льготные условия, не участвуя в самом строительстве. Из-за этого «железнодорожная лихорадка» подчас принимала уродливые формы. В погоне за прибылью капиталисты создавали дутые, а то и фиктивные компании, которые часто лопались. Качество дорог сплошь и рядом оказывалось неудовлетворительным, происходили крушения поездов. С приходом Бунге железнодорожный транспорт, имевший стратегическое значение для обширной страны, стал рассматриваться как государственное дело. Частные дороги протяженностью в 7 тысяч верст были выкуплены казной, активно строились новые за счет бюджета. Если в 1881 году государство владело только двадцатой частью железных дорог, то десять лет спустя уже одной третью. Вот на это казна средств не жалела, рассматривая такие расходы как инвестицию в будущее. Несмотря на финансовые трудности, правительство истратило на железнодорожное строительство в общей сложности 130 миллионов рублей.

На развитие других отраслей индустрии бюджетных ресурсов не хватало, но государство помогало отечественным промышленникам своей таможенной политикой. С 1887 года повысились пошлины на ввоз той продукции, которую правительство желало развивать в России: машин, паровозов, угля, металлов, сельскохозяйственных орудий, лекарств, инструментов, швейных товаров и так далее. Зато были облегчены условия для того, чтобы иностранные предприниматели импортировали в страну капитал. Эта политика, как будет показано дальше, имела и положительные, и отрицательные стороны.

Когда «правому» лобби наконец удалось заменить немца Бунге на русского Вышнеградского, финансово-экономический курс почти не изменился. Новый министр продолжал увеличивать косвенные налоги и акцизные сборы. У Вышнеградского было две идеи-фикс, осуществления которых он упорно добивался. Первая всё та же – устранение бюджетного дефицита. Вторая – положительное сальдо во внешней торговле.

Новинка: «Храм-вагон». *Фотография*

Избавиться от дефицита никак не удавалось, но с проблемой экспортно-импортного баланса правительство к концу восьмидесятых годов вроде бы справилось. Этому способствовало не только дальнейшее повышение таможенных тарифов, но и форсированный экспорт главного российского богатства – зерна. Подобная политика, с одной стороны, позволяла наращивать золотовалютные запасы, которые за пять лет выросли более чем вдвое, но в то же время была сопряжена с риском.

Для того, чтобы на рынок поступало как можно больше хлеба, министр разработал специальный податной механизм: срок уплаты налога был совмещен со сбором урожая, что вынуждало производителей оставлять очень мало зерна для собственных нужд. Вышнеградский говорил: «Сами не будем есть, но будем вывозить!» Этот курс называли «голодным экспортом», и в конце концов есть действительно стало нечего. Дело дошло до настоящего голода, чего в

России давно уже не случалось. В 1891 году хлеб не уродился. Крестьяне центральных губерний, оставшиеся без запасов, оказались в очень тяжелом положении. Пришлось наложить эмбарго на вывоз зерна, да еще потратить 160 миллионов на помощь голодающим. Внешнеторговое сальдо снова ушло в минус. Эта катастрофическая неудача стоила Вышнеградскому министерского портфеля, и в дальнейшем правительство вело себя в хлебном вопросе осторожнее.

Третьим руководителем финансового ведомства (а тогда оно фактически включало в себя управление всей экономикой) в 1892 году стал Сергей Юльевич Витте (1849–1915), одна из самых ярких фигур позднеимперской эпохи.

Поскольку главные свершения Витте относятся уже ко времени Николая II, подробнее мы поговорим о нем в следующем томе, сейчас же отмечу лишь, что идеологическая трансформация этого деятеля нетипична для российской истории.

Обычно государственные люди, приноравливаясь к реалиям «ордынской» системы, переходят от изначально «розовых» либеральных убеждений к пониманию, что «плетью обуха не перешибешь» и что в России надобно действовать командными, «государственническими» методами. Сергей Юльевич, наоборот, в молодости был крайне правым и даже состоял в нелегальной монархической организации «Священная дружина», созданной после 1 марта для охраны престола любыми, в том числе террористическими средствами. Однако в дальнейшем, занимаясь предпринимательством (железнодорожным бизнесом), Витте переменил свои взгляды. Он уверовал в то, что двигателем развития является частная инициатива, для которой необходим определенной уровень общественных свобод.

Витте возглавлял чрезвычайно успешную компанию «Общество Юго-Западных железных дорог», когда получил предложение проявить свои таланты на государственной службе – в качестве директора новообразованного Департамента железнодорожных дел. Поскольку генеральское жалованье (три тысячи рублей) было намного меньше

содержания, которое Витте получал в частном секторе (сорок тысяч), царь доплачивал способному администратору из собственных средств.

Вскоре Витте стал министром путей сообщения, а еще через три месяца – министром финансов. Этот пост он будет занимать больше десяти лет.

Курс нового министра прежде всего был нацелен на то, чтобы модернизировать промышленность, превратить Россию из аграрной державы в индустриальную. При жизни Александра III Витте успел осуществить одну важную акцию: в 1894 году вернул государству винную монополию, некогда отмененную Петром Первым. Эта статья дохода скоро станет обеспечивать до четверти бюджетных поступлений. Развернуться в полную силу Сергей Юльевич сможет уже при Николае II, который будет меньше отца вмешиваться в государственные дела, и тогда рост отечественной промышленности ускорится. Но и при Бунге с Вышнеградским она развивалась весьма неплохо.

В дореформенной России основная масса продукции производилась в мелкотоварном, ремесленном секторе. Даже когда стали появляться заводы и фабрики, крупная промышленность еще долго соседствовала с кустарными промыслами, но все время наращивала темпы.

Этому способствовали три фактора.

Во-первых, с отменой крепостного права наконец возник обширный рынок рабочей силы. Во-вторых, появился частный капитал для развития промышленности. В-третьих, индустриализации способствовали достижения технического прогресса – Россия стала активно закупать иностранные машины, а вскоре начала производить и собственные.

В 1881 году в промышленном секторе было занято менее 800 тысяч рабочих; в середине девяностых – в два с лишним раза больше. Общий объем производства увеличился почти на 50%. Выплавка чугуна – главный тогдашний показатель развития тяжелой индустрии – вырос в два с половиной раза. Выплавка стали – в 18 (!) раз.

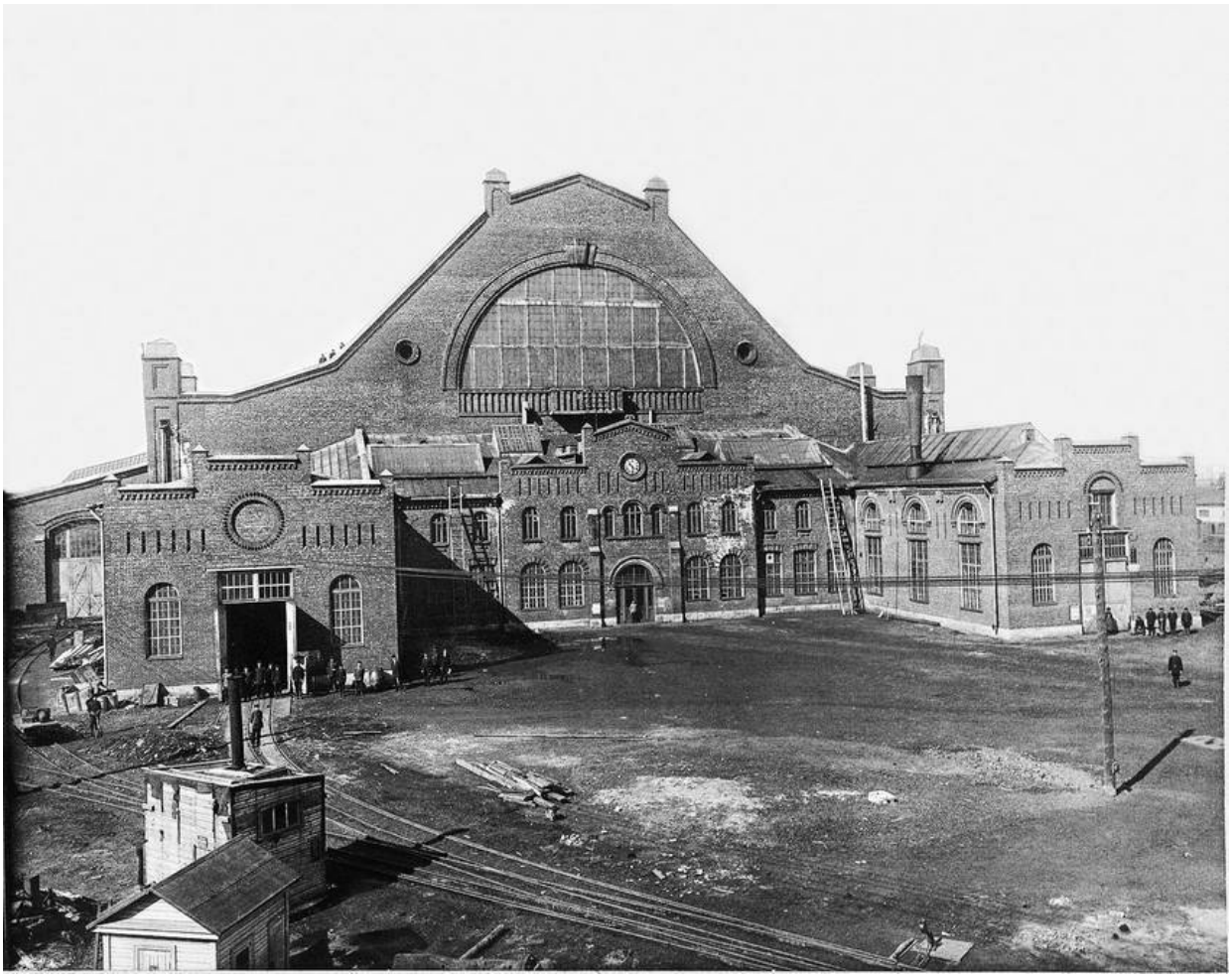
В России, как ранее в Европе, совершился великий промышленный переворот.

Легкая промышленность, прежде всего текстильная, успешно развивалась и прежде, но теперь она вышла на совершенно иной уровень, чему способствовал массовый переход на машинное производство и, главное, повышение покупательного спроса. Производство хлопчатобумажных тканей, самого ходового товара, увеличилось впятеро. Другим высокоприбыльным, быстро растущим направлением стала пищевая промышленность, в особенности сахарная.

Но самые большие доходы приносила совершенно новая отрасль – топливная. Наступила эпоха высокого потребления энергии, и здесь у России обнаружилось очень серьезное преимущество. Недра страны были богаты углем и нефтью.

Уголь добывали в Донецком бассейне и в Привисленском крае. Огромные залежи нефти были открыты в Баку. Великие возможности сырьевого экспорта проявятся уже в следующем столетии, но и при Александре III добыча угля выросла втрое, а нефти – в 14 раз. Одной из важнейших статей экспорта стала продажа керосина (сырую нефть вывозить из страны запрещалось). По производству керосина Россия уже в девяностые годы успешно конкурировала с прежним бесспорным лидером – американской нефтяной промышленностью.

Быстрое развитие сильно изменило жизнь целых регионов империи. На ее бескрайнем пространстве появились острова и островки индустриальной активности, где аккумулировались деньги, росло городское население, менялись социальные пропорции. Возникли промышленные районы, каждый со своей специализацией.



Один из корпусов Путиловского завода. *Фотография*

В столичном была сконцентрирована тяжелая промышленность: металлообрабатывающая, машиностроительная, корабельная, оружейная. Здесь производилось две трети российских станков и машин. Два десятка заводов по критериям того времени считались сверхкрупными (это означало, что там работает больше тысячи человек). На самом большом заводском комплексе, Путиловском, трудились 12 тысяч рабочих.

Московский район лидировал в текстильной и пищевой промышленности. В Уральском и Южном были сконцентрированы металлургические предприятия. Несколько крупных промышленных центров возникли в Польше и Прибалтике.

Характерной чертой «русского экономического чуда» было активное использование иностранного капитала. В стране не хватило

бы собственных средств на такой промышленный рывок – ни государственных, ни частных.

Приток инвестиций из-за рубежа возник не сам собой. Этому способствовал уже упомянутый курс правительства, ограничивавшего импорт товаров, но стимулировавшего ввоз капиталов. Заманчивы для иностранцев также были дешевизна труда и отсутствие (во всяком случае поначалу) законодательства, защищавшего права рабочих. Ну и, конечно, инвесторов привлекали российские масштабы, огромное поле деятельности. Вкладываясь в Россию, можно было получить более высокую норму прибыли, чем на европейских рынках – в среднем вдвое.

За время правления Александра III иностранные акционеры вложили в акции российских компаний 138 миллионов рублей.

При этом участие иностранцев в промышленном развитии России не ограничивалось деньгами. В страну приезжали организаторы производства, инженеры, специалисты. Возникали крупные предприятия со стопроцентно иностранным капиталом.

Самым известным деятелем российской металлургии был англичанин, вернее уэльсец, Джон Хьюз, которого русские называли «Юз». Этот изобретатель-самоучка, едва знавший грамоту, разбогател на патентах по бронированию кораблей – флоты всех стран в ту эпоху переходили с деревянных кораблей на стальные. Нуждался в собственном производстве брони и русский флот.

Юз получил большой заказ из Кронштадта и начал строить металлургический комплекс с нуля. Купил землю поближе к месторождениям угля – в Екатеринославской губернии. В 1869 году на восьми кораблях доставил из Англии необходимое оборудование, специалистов, квалифицированных рабочих. За короткий срок организовал весь производственный цикл, с угледобычи до выплавки металла, но стал производить не броню (конъюнктура рынка изменилась), а железнодорожные рельсы, на которые был огромный спрос. Заодно построил город Юзовку (нынешний Донецк). После смерти Юза дело продолжили и расширили его сыновья.

Юзовка. *Фотография*

Ричард Пайпс пишет, что русский индустриальный бум в значительной степени был «следствием пересадки в нее западных капиталов, техники и, главное, западных организаторов индустрии». Это верно применительно к тяжелой индустрии, в организации которой у иностранных менеджеров имелось гораздо больше опыта. Легкую промышленность русские капиталисты развивали сами, используя в основном собственные средства.

Массовое привлечение западных инвесторов имело и обратную сторону. Оно плохо вязалось с заявленной официальной линией на национальную самодостаточность. В результате промышленного скачка доля иностранного участия в российских компаниях стала чересчур высокой, накрепко привязав национальную экономику к колебаниям и кризисам глобальной капиталистической системы. Треть всей промышленности и половина банковского капитала самодержавной империи принадлежала «людям нерусским», что было очень не по душе Победоносцеву. «Масса иностранных имуществ в России – это великое

зло, грозящее бедою», – предостерегал Константин Петрович государя, но тот в вопросах экономических больше прислушивался к «системным либералам».

Несмотря на прорыв в индустриальном развитии Россия все равно продолжала оставаться в первую очередь страной аграрной. Ее благополучие больше всего зависело от сельского хозяйства.

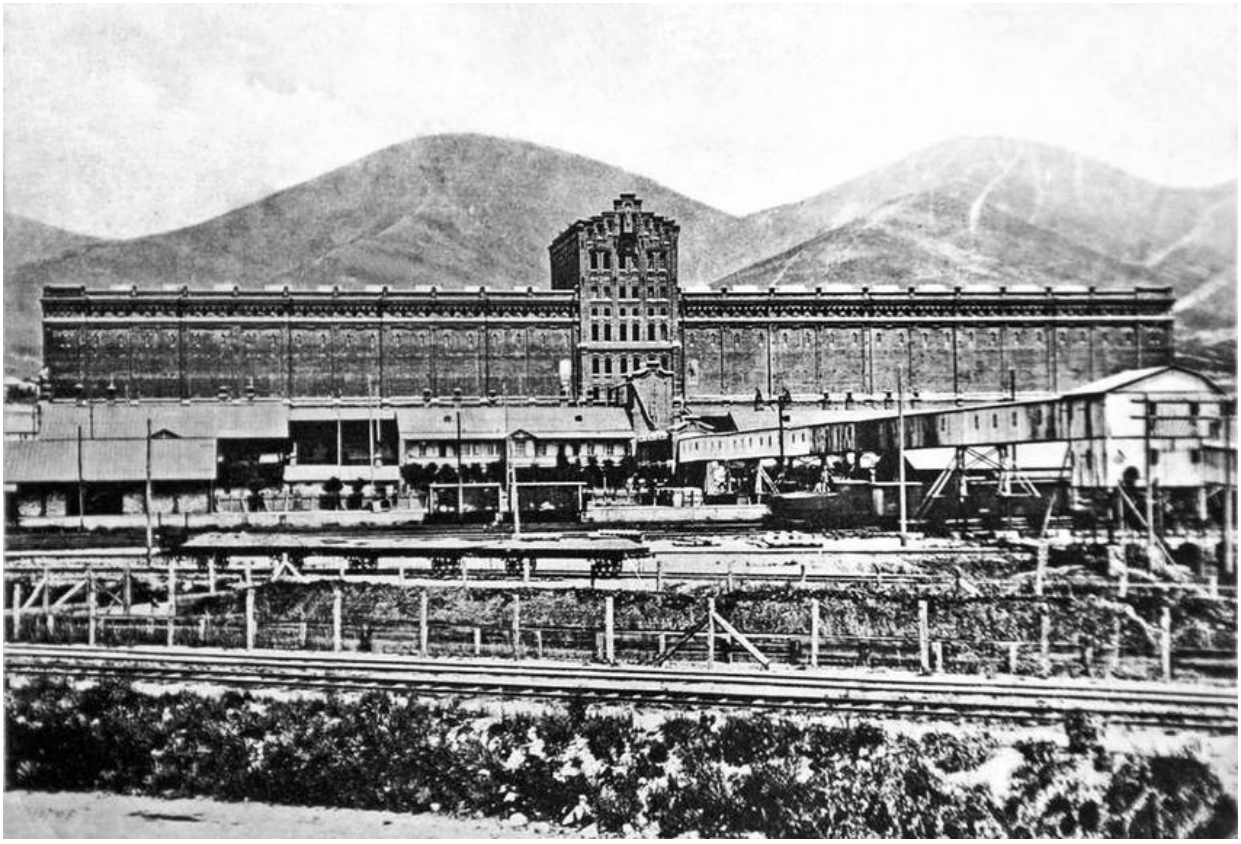
Здесь тоже начались большие перемены, и не столько даже с отменой крепостничества – шагом скорее декларативным, – сколько с упразднением в начале восьмидесятых «временной обязанности», оброка. Теперь у многих крестьян (чему способствовала еще и ссудная деятельность Крестьянского банка) появилась возможность хозяйствовать не так, как прежде. В девяностые годы складывается система, при которой основную часть зерна (до 85%) производят на своих наделах крестьяне, а главным экспортным поставщиком являются помещики, поскольку весь их хлеб шел на продажу. В самых богатых, черноземных областях больше половины угодий по-прежнему принадлежали дворянам. Тем из них, кто сумел приспособиться к новым условиям существования, пришлось модернизировать производство: обзавестись сельскохозяйственными машинами, освоить агротехнику, научиться использованию наемного труда. Наиболее трудоспособные и оборотистые крестьяне тоже начали создавать большие хозяйства, подчас не менее технологичные. Новый зарождающийся класс фермеров в деревне получил неприязненное название «кулаки». Беднякам не нравилось, что их вчерашние соседи богатеют и что приходится на них батрачить (хотя, в отличие от крепостного труда «кулаки» никого насильно работать не заставляли).

Продажа излишков зерна, а также заведенная Вышнеградским система «урожайного» сбора налогов способствовали укреплению товарно-денежных отношений на селе – там, где прежде господствовало натуральное хозяйство.

В России происходила настоящая «зерновая лихорадка»: все старались произвести и продать как можно больше зерна. Отчасти это достигалось за счет использования более современного инвентаря и перехода с традиционного трехполья на четырехполье, спасавшее землю от истощения, но главным методом было постоянное расширение посевных площадей. Урожайность оставалась низкой:

шесть-семь центнеров на гектар. В европейских фермерских хозяйствах она могла составлять и тридцать. Однако благодаря распашке новых земель общий объем увеличился почти вдвое. Россия стала производить 60 процентов мировой ржи и 20 процентов пшеницы (ее выращивали менее охотно, ибо она чувствительнее к холодам и требует больше работы).

Удар по сельскому хозяйству страны, фактически монокультурному, зерновому, нанесло мировое падение цен, произошедшее из-за массового ввоза в Европу дешевого американского хлеба. Развитие и удешевление морского транспорта открыло заокеанскому зерну доступ к рынкам Старого Света.



Зерновой элеватор в Новороссийске. *Фотография*

Но нет худа без добра. Российским хозяйствам пришлось диверсифицировать производство. В богатых сочными травами северных областях начало развиваться скотоводство и мясомолочное производство. Стали выращивать и продавать на эскпорт много льна. Очень выросли сборы сахарной свеклы.

Неурожаи зерна случались и после 1891 года, но больших голодовок вплоть до революции уже не будет. Сельское хозяйство России приспособилось к новому, рыночному существованию.

Товарные отношения в аграрном и промышленном секторе не могли бы развиваться так успешно, если бы государство не прилагало усилий для строительства коммуникаций, в особенности железнодорожных. Прокладывали, конечно, и шоссейные трассы, но менее активно. Обычные дороги, в отличие от железных, использовались бесплатно и прямой прибыли не приносили, а поддерживать их в исправном состоянии при российском климате было трудно. Россия пошла по американскому пути: вложилась в рельсы. Проехать из пункта А в пункт Б на лошадях было долго, трудно и дорого, на поезде – быстрее, удобнее, а главное дешевле. Доставка товаров и грузов гужевым транспортом обходилась в пять, шесть, а то и в семь раз дороже. Не говоря уж о медленности, которая при огромных российских дистанциях часто делала дальнюю торговлю просто невозможной.

К концу царствования Александра II в стране работало примерно 20 тысяч километров железных дорог, построенных за сорок с лишним лет. В следующее десятилетие, благодаря государственному инвестированию, сеть увеличилась более чем в полтора раза. В среднем ежегодно прокладывали две с половиной тысячи километров путей. К концу века железнодорожное сообщение свяжет не только все европейские губернии, но дотянется и до Закавказья, откуда повезут нефть, и до Средней Азии, поставщика хлопка для текстильных фабрик. Более двух третей грузооборота теперь будет приходиться на рельсовый транспорт.

> В России, как и в другой великой железнодорожной державе, Америке, бум рельсового строительства привлекал самых предприимчивых, энергичных, авантюрных людей, которые моментально богатели и столь же стремительно разорялись, но при этом строили, строили, строили. Рупор российского консерватизма князь Мещерский брюзжал: «Никто не мог понять, почему такие люди, как Мекк, Дервиз, Губонин, Башмаков [это главные железнодорожные магнаты] и прочие, которые не имели, во-первых, ни гроша денег, а во-

вторых, никаких инженерных познаний, брались за концессии, как ни в чем не бывало, и в два-три года становились миллионерами».

Но среди создателей русской железнодорожной державы были не только охотники за миллионами. Главный инспектор железных дорог (с 1894 года), а впоследствии министр путей сообщения князь Михаил Иванович Хилков, родом Рюрикович, после стандартной для своего происхождения гвардейской службы уехал в США, где участвовал в строительстве великой Трансамериканской магистрали. Начинал простым рабочим, но сделал большую карьеру – благодаря не княжескому титулу, а деловым качествам. Оставив высокооплачиваемую должность, он переехал в Ливерпуль и поступил слесарем на завод, производивший паровозы. Лишь после этого, всесторонне изучив железнодорожное дело, Михаил Иванович вернулся на родину и, прежде чем занять правительственный пост, проложил в России несколько тысяч километров трасс.

Михаил Иванович Хилков с американской бородкой. *Фотография*

Той же породы был и Витте, на личном опыте изучивший всю железнодорожную службу – он начинал с работы в билетной кассе. Возглавив финансовое ведомство, Сергей Юльевич стал продвигать проект строительства Транссибирской магистрали, чтобы она связала центр с Тихим океаном и стала бы чем-то вроде позвоночника огромного российского динозавра, от головы до хвоста которого всякий сигнал доходил с удручающей медленностью. Поначалу затея казалась

фантастической, но Витте был настойчив и в конце 1892 года возник Комитет Сибирской железной дороги под председательством цесаревича. Сразу же началось и строительство, полностью оплачиваемое государством.

В это же время в России возникло собственное производство подвижного состава. Паровозы и вагоны начали выпускать на нескольких заводах.

Рост железнодорожной сети дал мощный толчок внутренней торговле – явлению для России не то чтобы новому (торговали, разумеется, всегда), но получившему настоящее развитие только теперь.

В предшествующие времена торговая жизнь империи пребывала в довольно жалком состоянии. Она и не могла быть масштабной при скудости частного капитала, мизерной покупательной способности населения, огромности расстояний и отсутствии нормального суда для разрешения коммерческих споров.

Теперь всё переменилось. Появились деньги у коммерсантов, завелись какие-никакие деньги у широких слоев народа. В основной своей массе он по-прежнему был беден, но в результате перехода на наемный труд установились денежные отношения, у людей появилась наличность. Расширились потребности, все время увеличивался диапазон потребительской продукции. Судебная система, ограниченная в политической сфере, в части экономических тяжб работала вполне удовлетворительно. Доставка по железной дороге трансформировала всю систему торговли. Раньше она была организована в основном по ярмарочному принципу, который являлся наследием средневековья и в Европе уже почти исчез, вытесненный биржами, акционерными обществами и прочими капиталистическими инструментами.

Крупные ярмарки вроде Нижегородской остались, но центр коммерческой жизни переместился в биржевую, коммивояжерскую и кооперативную торговлю. По европейскому, прежде всего французскому образцу, в больших городах стали появляться «пассажи», предтечи универмагов. На Красной площади в Москве возвели огромный «эмпориум», будущий ГУМ.

Повсеместное распространение телеграфа (а по его протяженности Россия вышла на первое место в мире) позволяло вести оперативную

оптовую торговлю на территории всей империи.

По данным Е. Толмачева, оборот внутренней торговли (без учета розницы) за последнюю четверть века увеличился впятеро: с 2,4 до 12 миллиардов рублей. Это была настоящая торговая революция. К концу века в империи насчитывалось полтора миллиона магазинов и лавок.

Не так радикально, но все же весьма значительно вырос и объем внешней торговли. Причиной тому были и промышленный бум, и усилия правительства, направленные на развитие экспорта.

Вывозила Россия в основном сельскохозяйственную продукцию. Сначала это было почти исключительно зерно, а после кризиса 1891–1892 годов – лен и сахар. В экспорте сырья лидировали нефтепродукты и древесина.

Московский «эмпориум». *Фотография*

Из промышленных товаров спросом за рубежом – в азиатских странах – пользовался русский текстиль.

Ввозила же страна потребительские товары, машины и станки, но по мере развития отечественной индустрии эта статья импорта сокращалась.

В целом, если брать за исходную точку дореформенный период, за три десятилетия внешнеторговый оборот поднялся в четыре раза.

Денежный кроветок, необходимый и для промышленности, и для торговли, обеспечивала быстро сформировавшаяся банковская система. Это была еще одна тихая революция, преобразившая весь экономический строй российской жизни.

Напомню, что в начале реформ частных банков в империи не существовало, а, если воспользоваться выражением Р. Пайпса, «капитализм без кредита есть логическая несообразность».

Банковский бум был еще лихорадочней, чем железнодорожный. Он сопровождался скандалами, аферами и банкротствами, но к концу века в стране уже работала сложная, разветвленная система финансового предпринимательства. Принципы кредитования и акционирования ничем не отличались от общемировых.

Стали появляться и первые российские монополии, которые через несколько лет, в канун Первой мировой войны будут на равных конкурировать с крупнейшими мировыми концернами.

Поскольку в восьмидесятые годы больше всего денег делалось на железнодорожном бизнесе, первой ласточкой стал «Союз рельсовых фабрикантов», образованный в 1882 году объединением пяти металлургических заводов, которые выпускали три четверти рельсов.

Через пять лет сахарозаводчики создали синдикат, сосредоточивший в своих руках 90 процентов этого прибыльного производства. В середине девяностых договорились о совместной стратегии бакинские нефтепромышленники.

Российский капитал укрупнялся, набирал силу. При Александре III он еще не дорос до того, чтобы вмешиваться в политику, но скоро этот неизбежный поворот произойдет. Большие деньги без большой власти, как и большая власть без больших денег существовать не могут.

Экономические успехи, достигнутые Россией на исходе девятнадцатого столетия, выглядят впечатляюще. Таких темпов не будет даже во время сталинских пятилеток, проводившихся ценой

насилия, тотальной мобилизации и тяжелых жертв. В целом за пореформенный период российская промышленность выросла всемеро! Британская индустрия за то же время увеличилась вдвое, французская – в два с половиной раза, даже динамично развивавшаяся германская – лишь в пять раз. Нужно, однако, учитывать, что здесь сработал «синдром задержанного рывка»: внутренний потенциал страны слишком долго искусственно сдерживался государственными ограничениями, да и стартовать пришлось почти с нуля, а в Европе промышленная революция началась еще в восемнадцатом веке.

Не будем, однако, преуменьшать и заслугу правительства Александра III: руководство хозяйственной жизнью империи находилось в руках людей компетентных.

Способствовала экономическому росту и внешнеполитическая ситуация.

Внешняя политика

Примечательно, что одним из самых первых актов нового государя стал сигнал, адресованный вовне – несмотря на потрясение, вызванное цареубийством (а может быть, и в прямой связи с этим событием). Всего через три дня после взрыва министерство иностранных дел рассылает своим посланникам инструкцию, в которой излагаются основы внешней политики империи. Александр III сразу заявляет о себе как о миротворце. «Внешняя политика Его Величества будет миролюбивою по существу, – говорилось в циркуляре. – …Россия полагает, что её цели тесно связаны с всеобщим миром, основанным на уважении к праву и к договорам. Прежде всего она должна заботиться о себе самой и не оставлять своей внутренней работы иначе, как для защиты своей чести и безопасности. Государь император ставит себе целью сделать Россию мощной и преуспевающей, ей во благо и не во зло другим». Два года спустя, в день коронации, та же концепция была сформулирована в особом рескрипте, подтвердившем отсутствие у России каких-либо завоевательных помыслов и ее приверженность миру.

Но империя есть империя. Отказ от войны не означает отказа от экспансии, просто ее методы делаются иными. При Александре III

страна хоть и не воевала, но постоянно бряцала оружием и продолжала борьбу за расширение зон влияния.

После Турецкой войны в Петербурге считали, что позиция России на Балканах теперь незыблема. Казалось, для такой уверенности есть все основания. Сербия спаслась от разгрома только благодаря российскому заступничеству, Румыния воевала бок о бок с русской армией, Болгария была обязана своим возрождением великому славянскому соседу.

За лидерство на Балканах Россия заплатила очень дорогой ценой: жизнями своих солдат, колоссальными затратами, разрушением кропотливо создававшегося финансового благополучия. Но всего за несколько лет правительство Александра III умудрилось настроить против себя весь этот традиционно дружественный регион. Виной тому были бесцеремонность и недальновидность русской политики.

В Болгарии «старшие братья» вели себя, словно в каком-нибудь доминионе. Новое государство строилось под руководством Петербурга. Присланные из России специалисты создавали здесь юридическую, административную, финансовую систему, занимались организацией и обучением армии. Несколько тысяч русских офицеров и унтер-офицеров просто перешли на болгарскую военную службу. Русский генерал-лейтенант К. Эрнрот занимал в правительстве сразу несколько ключевых постов. Престол достался российскому ставленнику принцу Александру Баттенбергу, от которого ожидалось полное подчинение государю императору.

Поскольку создавалась Болгария еще при либеральном Александре II, ее государственное устройство тоже получилось либеральным – с парламентом и конституцией. Но с воцарением Александра III с севера задули иные ветры. При помощи генерала Эрнрота монарх произвел переворот, распустил народное собрание и взял себе чрезвычайные полномочия. Резкий поворот вправо отлично рифмовался с тем, что в это время происходило в России: началось наступление на свободу печати, было ограничено избирательное право и так далее. Из Петербурга прислали новых администраторов: генерал Л. Соболев возглавил правительство и министерство внутренних дел, генерал А. Каульбарс – армию.

Александр Баттенберг. *Фотография*

Это давление настроило против России ту часть болгарского общества, которая равнялась на Европу. Еще худшей проблемой для царского правительства стало то, что, войдя в силу, Александр Баттенберг вышел из-под контроля. Без консультаций с Петербургом в 1883 году он восстановил конституцию, чем завоевал популярность среди народа и ослабил русское влияние. Царь велел своим генералам и офицерам вернуться на родину, но это не испугало Баттенберга, а еще больше развязало ему руки. Он мечтал о величии.

По Берлинскому трактату половина исторической Болгарии, так называемая «Восточная Румелия», осталась под властью турок. Но в 1885 году там вспыхнуло восстание. Невзирая на протесты России, боявшейся, что разразится большая война, Баттенберг присоединил восставшую область и тем самым вызвал всебалканский кризис. Территориальный спор с Сербией привел к вооруженному конфликту Болгарии с этой страной. Обученная русскими инструкторами болгарская армия – вопреки желаниям императора – одержала победу. Болгария сама договорилась с Константинополем о мире и превратилась в самую большую страну Балкан. Проблема заключалась в том, что эта большая страна перестала слушаться Петербурга. Но там считали, что последнее слово еще не сказано.

В августе 1886 года прорусские военные устроили переворот, свергли Баттенберга и выслали его в Россию. На время к власти пришло приятное государю императору правительство Д. Цанкова. Но скоро произошел новый переворот, и прорусская власть пала.

В охваченную раздором Болгарию вернули Баттенберга, который пообещал царю впредь вести себя хорошо («вручил свою корону монарху России, давшему её ему»). Но окончательно скомпрометированный перед собственным народом, удержаться на престоле Баттенберг не смог. Власть перешла к Народному Собранию.

В конце 1886 года русские власти начали готовить новый военный переворот, в некоторых гарнизонах даже произошли выступления, но болгарское правительство удержало ситуацию. Чтобы защититься от России, оно стало ориентироваться на Австрию. В 1887 году противостояние закончилось тем, что на болгарский престол был возведен офицер австро-венгерской армии Фердинанд Саксен-Кобург-Готский. Александр III признавать его отказался, дипломатические отношения были разорваны.

Бывший «русский плацдарм» Болгария превратилась во врага.

То же произошло и с другими, казалось бы, естественными союзниками России – Румынией и Сербией. Первая была в претензии за то, что Петербург по собственному усмотрению решил вопрос о южной Бессарабии: отобрал ее у маленького соседа, компенсировав потерю за счет турецкой территории. Началось сближение Румынии с Германией и Австро-Венгрией, тем более что румынский король Кароль I был немцем и принадлежал к дому Гогенцоллернов.

Для сербского правительства близко расположенная Австро-Венгрия тоже значила больше, чем Россия, и в 1881 году Белград заключил тайный союзный договор с Веной.

Одним словом, при Александре III на Балканах российская политика потерпела сокрушительное поражение.

Еще хуже было то, что балканский вопрос все больше портил отношения внутри германо-австрийско-русского «Союза трех императоров», который считался гарантом европейского мира. Главная проблема заключалась в том, что для Берлина взаимопонимание с Веной было важнее, чем с Петербургом. Поскольку Австрия и Россия постоянно конфликтовали из-за влияния на Балканах, охлаждались и российско-германские отношения, еще недавно вполне сердечные.

Тревогу Петербурга вызывала и растущая мощь молодой германской империи, явно претендовавшей на первенство в Европе.

Тройственный союз, как уже говорилось, затрещал еще при Александре II, однако новый царь, заботясь о стабильности и не желая ничего менять, сначала попробовал этот альянс реанимировать.

Летом 1881 года состоялось подписание секретного русско-германо-австрийского договора, но теперь речь шла всего лишь о нейтралитете в случае войны одного из участников с «четвертой державой», под которой Бисмарк имел в виду Францию, а Россия – Англию, соперника в Средней Азии. К тому же соглашение было очень коротким, всего лишь трехгодичным.

В этот период германская дипломатия развила активность, показавшуюся Петербургу тревожной. В 1882 году сформировался еще один тройной союз – теперь германо-австро-итальянский, и России в нем места не нашлось. В следующем году Бисмарк заручился

поддержкой Испании на случай войны с Францией и, что для русских было особенно неприятно, окончательно перетянул на свою сторону Румынию. Тем не менее, в 1884 году «Союз трех императоров» был продлен – опять на трехлетний срок. У России в это время до предела обострилось противостояние с Англией, и ухудшать русско-немецкие отношения было никак нельзя.

Министр Гирс попробовал создать двухстороннюю конструкцию только из России и Германии, без участия Вены. В 1887 году даже подписали так называемый «перестраховочный договор» – секретное соглашение о нейтралитете, но он был бессмысленен, поскольку в случае войны Австрии и России немцы нейтралитета не обещали. Поэтому, когда в 1890 году договор истек, продлевать его не стали.

Тем временем между Германией и Россией шла таможенная война, а националистическая пресса обеих стран соперничала во враждебности по отношению друг к другу. Русское общественное мнение, деловой мир, а затем и правительственные круги постепенно дрейфовали в сторону сближения с Францией.

Французские капиталы потоком лились в Россию, общая атмосфера русской жизни была франкофильской и германофобской, а кроме того Париж и Петербург в восьмидесятые годы объединяла вражда с Лондоном – французы, как и русские, соперничали с британцами из-за колоний.

Франция стремилась к дружбе с Россией, потому что союзник на востоке был необходим для противостояния с ненавистной Германией. Поэтому Петербург без труда получал все новые и новые французские займы, сумма которых к концу десятилетия превысила 2,5 миллиарда франков.

Долгое время препятствием к политическому сближению был республиканский строй Франции, ранивший чувства его царского величества, но в конце концов Александр III справился со своими эмоциями и во время исторического визита французской эскадры в 1891 году мужественно вытерпел «Марсельезу»: «Дрожите, подлые тираны!».

В том же году было заключено строго секретное соглашение о «консультациях по всем вопросам, могущим угрожать всеобщему миру». В 1892 году уже начальники двух генеральных штабов условились (тоже в глубокой тайне) о совместных действиях против

Германии. Это был самый настоящий оборонительный договор, в котором указывалось даже количество войск, выставляемых в поддержку союзника.

Наконец четвертого января 1894 года российско-французский военный союз стал фактом европейской политики.

Так в эпоху Александра-Миротворца обозначился роковой разлом, который двадцать лет спустя столкнет между собой Центральные державы и Антанту.

Впрочем, в восьмидесятые годы о войне с Германией в Петербурге никто не думал. Куда более вероятной представлялась схватка с ненавистной «англичанкой». «Большая игра», ставкой в которой был контроль над Центральной Азией, к началу восьмидесятых годов дошла до предельного накала. Две колониальные империи, двигаясь навстречу друг другу – одна с юга, другая с севера, – наконец столкнулись, и полетели искры.

Напомню, что Британия, воспользовавшись русско-турецкой войной, когда Петербургу стало не до экспансии, попыталась утвердиться в Афганистане, но не справилась с трудной задачей, и эта непокорная страна превратилась в буферную зону между владениями России и владениями Англии. Едва развязав себе руки на Балканах, русское правительство вновь перекинуло войска в Среднюю Азию, где прославленный Скобелев оккупировал Туркмению. От Каспия вглубь пустыни быстрыми темпами строили железную дорогу, чтобы наладить транспортировку войск и материалов. В Лондоне эти действия воспринимались как прямая угроза «жемчужине британской короны» Индии.

Спасите меня от таких друзей. *Карикатура 1878 года, изображающая Азию между Россией и Британией*

Начались двухсторонние переговоры по установлению границы между державами, но, пока дипломаты препирались, военные продолжали продвигаться вперед. В 1884 году русские заняли Мерв. Союзные англичанам афганцы захватили оазис Пенде. В марте 1885 года на реке Кушка передовые отряды обеих сторон сошлись лоб в лоб. Произошел бой.

Формально русские бились не с британцами, а с афганцами, но последних сопровождали английские советники. Регулярные войска, конечно, без труда одержали верх. Русские потеряли несколько десятков человек, афганцы – несколько сотен.

Кушкинский «инцидент» (как именовались подобные вооруженные конфликты на дипломатическом языке) привел к грозным

последствиям.

Премьер-министр Гладстон получил от парламента финансирование для вооружения против России, а вскоре правительство возглавил еще более воинственный лорд Солсбери. Дело шло не к локальной, а к большой войне. Англичане стали давить на турецкого султана, побуждая его к реваншу, британский флот готовился войти в Черное море. Планировались и военные действия на Тихом океане, где тоже сталкивались английские и российские интересы.

Большой войны Александр III не хотел. Петербург заговорил в примирительном тоне, стал давать гарантии, что дальше русские двигаться не станут. Напряжение начало спадать. В конце концов договорились о разграничении зон. Кушка осталась крайней южной точкой российской экспансии на юге.

На уровне большой политики это означало, что русско-британская конфронтация, начавшаяся еще при Николае I, наконец смягчилась. Ни одна из сторон в «Большой игре» не победила. Дело закончилось компромиссом, и это действительно можно считать заслугой царя-миротворца.

Покладистость Петербурга объяснялась еще и тем, что к этому времени более перспективным направлением стал представляться Дальний Восток. Он был много богаче азиатских пустынь и к тому же не сулил военного столкновения с другой великой державой. (Так, по крайней мере, казалось русским государственным мужам, которые с европоцентристским высокомерием недооценивали быстро развивавшуюся Японию.)

К началу девяностых годов население русского Дальнего Востока составляло уже три четверти миллиона человек, и правительство всячески стимулировало приток новых переселенцев. Проблемой оставались коммуникации, но строительство транссибирской магистрали должно было коренным образом изменить ситуацию.

Покушаться на территорию цинского Китая петербургские стратеги в то время еще не помышляли – вторжение в страну с 400-миллионным населением было бы слишком масштабным предприятием и наверняка привело бы к большим международным осложнениям, но вот сравнительно небольшая Корея выглядела доступной. Корейский король Кочжон склонялся к российской ориентации, которая пугала его

меньше, чем зависимость от Пекина или Токио – две эти азиатские страны действовали в Корее слишком напористо и бесцеремонно. В 1884 году Сеул заключил с Петербургом договор о дружбе и торговле. Корейские порты открывались для русских торговых кораблей. Затем начались переговоры о превращении страны в русский протекторат. Предполагалось, что один из незамерзающих корейских портов станет русской военно-морской базой. В 1887 году царское правительство приняло решение об ускоренном строительстве Тихоокеанского флота.

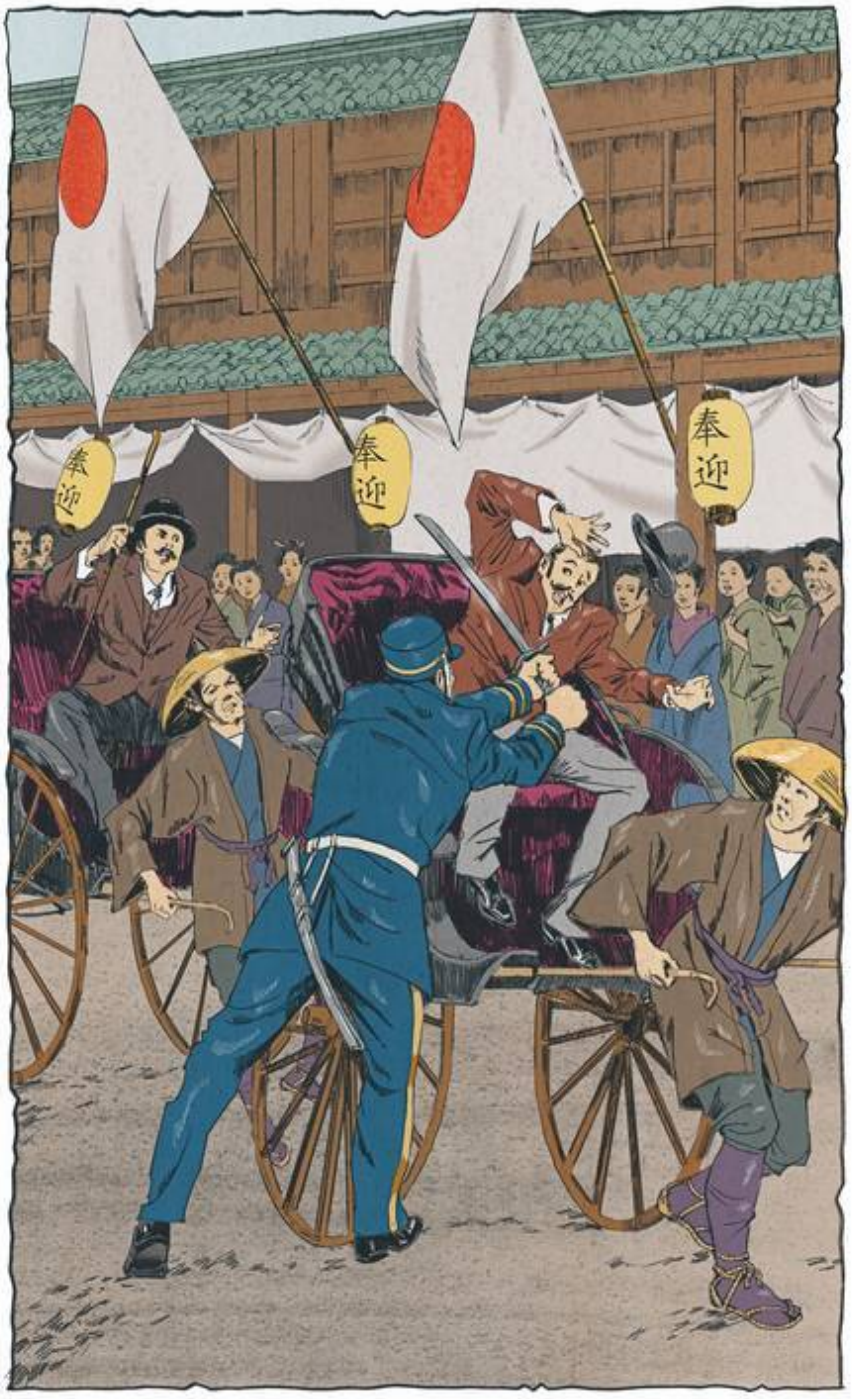
Главным своим соперником в Корее русские считали Китай, в военном смысле опасности не представлявший. Однако опасаться следовало молодой и агрессивной японской империи.

> Первый неприятный сюрприз японцы преподнесли в 1891 году, когда националист из бывших самураев совершил покушение на цесаревича Николая, заехавшего в далекую островную страну в ходе большого азиатского турне.
>
> Японцы, конечно, принесли десять тысяч извинений (буквально – именно столько телеграмм было отправлено великому князю с пожеланием выздоровления), а одна девушка, страдая за национальный престиж, даже покончила с собой, но к смертной казни преступника не приговорили, хотя рана наследника была довольно серьезной. В России, где вешали за одно лишь намерение цареубийства, такая снисходительность была воспринята как афронт.
>
> В результате у будущего Николая II на всю жизнь остался сабельный шрам – и неприязнь к японцам. Скоро она себя проявит.

Пока русские вели переговоры с корейским правительством и усиливали Тихоокеанский флот, японцы действовали нахрапом. В 1893 году, во время крестьянских беспорядков в Корее, туда были введены китайские и японские войска – якобы для защиты своих подданных. В следующем году японцы устроили военный переворот, посадили на престол своего ставленника, а китайцев из Кореи прогнали, после чего объявили Пекину войну. Европейцы с изумлением наблюдали, как маленькая азиатская страна нападает на огромную цинскую империю. Однако исхода этого конфликта Александр III уже не застал. Главные

события на Дальнем Востоке развернутся при следующем царствовании.

Подводя итоги российской внешней политики этого периода, следует сказать, что она производит двойственное впечатление. С одной стороны, Петербург всячески декларирует мирные намерения и старается избегать войн. С другой стороны, именно в эти годы закладываются две большие мины, которые через несколько лет сдетонируют.



Неудачный визит в Японию. *И. Сакуров*

Дальневосточная экспансия приведет к несчастной войне с Японией (и к первой русской революции). Ориентация на союз с Францией повлечет за собой еще более тяжкие последствия – мировую войну и вторую революцию, которая разрушит империю.

При этом мирная дипломатическая риторика не мешала Петербургу постоянно наращивать боевую мощь – Александр III любил повторять, что у России есть только два союзника: армия и флот. И армия, и флот постоянно увеличивались – до размеров, явно превосходивших потребности обороны. Царь был очень хорошо вооруженным миротворцем. Его сухопутные силы выросли с 850 тысяч до миллиона человек. Ускоренно строившийся флот вышел на третье место в мире после британского и французского, обогнав германский.

Но о всемирной гонке вооружений и той роли, которую она сыграла в трагедии 1914 года, мы подробно поговорим в следующем томе.

Цена стабильности

Внутреннее умиротворение тоже было обманчивым и временным. Полицейский порядок способен решить только одну проблему: заткнуть рты и запретить публичные протесты. Излечить социальные недуги он не в состоянии. Будучи загнаны внутрь, они только быстрее развиваются, и, поскольку сигнализировать о них запрещено, государство обнаруживает болезнь, когда она уже запущена или даже неизлечима.

Именно это при Александре III и происходило. Перестали греметь выстрелы и взрываться бомбы, прекратились уличные демонстрации, пресса присмирела. Казалось, шторм иссяк, волны улеглись, но под гладкой поверхностью закручивались водовороты, представлявшие для государства куда бóльшую опасность, чем отчаянные боевики «Народной воли».

С самой-то «Народной волей», как уже говорилось, полиция после 1 марта расправилась довольно быстро. После разгрома Исполнительного комитета какое-то время действовали осколки организации. Полиция «подчистила» их с помощью перевербованного народовольца Дегаева, выдавшего своих товарищей. Было произведено около двухсот задержаний по разным городам. В конце концов

раскаявшийся предатель признался во всем товарищам и убил своего «куратора» жандармского офицера Судейкина, но к 1883 году деятельность «Народной воли» прекратилась. Прошло несколько судебных процессов, на которых самым частым приговором была вечная каторга – фактически та же смертная казнь, только медленная и мучительная.

Вот, для примера, судьба участников одного из этих судилищ, «Процесса двадцати» (1882). К смертной казни приговорили только одного, морского офицера Н. Суханова. К остальным проявили «милосердие», которое выглядело следующим образом.

«Отказ от исповеди» И. Репина. Картина, разумеется, была запрещена к показу

> В сыром каземате Петропавловской крепости умерли: А. Баранников – через год, от чахотки; Н. Клеточников (тот самый, что внедрился в Третье отделение) – тоже через год, после протестной голодовки; Н. Колодкевич – через два года, от цинги (его жена Геся Гельфман умерла в тюрьме через несколько месяцев после приговора, после родов); М. Ланганс – через год, от чахотки; А. Михайлов (руководитель Исполнительного комитета, автор исторической фразы «Когда человеку, хотящему говорить, зажимают рот, то этим самым развязывают руки») – через два года, от отека легкого; двадцатилетняя Людмила Терентьева – через год, от отравления; М. Тетерка (нечастый среди народовольцев рабочий) – через год, от плеврита. В Шлиссельбургской крепости умерли А. Арончик – через шесть лет, полностью парализованный, и Г. Исаев – через пять лет, от чахотки. Наталья Лебедева умрет через пять лет от цинги на Нерчинской каторге.

В 1884 году вернувшийся из эмиграции Герман Лопатин попробовал восстановить организацию, но это привело лишь к новым арестам. Еще одна попытка, столь же безрезультатная, была предпринята народовольцами в Екатеринославе. Они создали типографию, которая даже успела выпустить два номера подпольной газеты «Народная воля», но этим дело и закончилось. Полиция полицейского государства свою основную работу выполняла хорошо.

Отдельным эпизодом небогатой на события революционной деятельности этой эпохи было дело так называемой «Террористической фракции «Народной воли» (что звучит как «масло масляное»). К той самой «Народной воле» организация отношения не имела, но для ее участников была важна преемственность.

Это было совершенно дилетантское, юношеское предприятие, затеянное несколькими студентами Петербургского университета, которые увлеклись романтикой революционного террора. Не имея никакого понятия о конспирации, они переписывались между собой о своих великих планах. Уже через месяц после создания организации с

грозным названием полицейские перлюстраторы вышли на ее след и быстро установили всех причастных. Но арестовывать их сразу не стали, потому что настоящую награду от начальства можно было получить лишь за раскрытие серьезного заговора. Всё сложилось для полиции как нельзя лучше. Террористы решили взорвать царя в шестую годовщину 1 марта, изготовили метательные снаряды, начиненные страшной смесью свинцовых обрезков и стрихнина. Тут-то полиция их всех и взяла, доложив о предотвращении сатанинского цареубийственного умысла.

Даже по тем временам дело выглядело раздутым. Из 74 арестованных к суду смогли привлечь только пятнадцать человек. Пятерых из них повесили.

> Громкую историческую известность «Террористическая фракция» получила из-за того, что одним из казненных участников этого «контролируемого заговора» был симбирский уроженец студент Александр Ульянов.
>
> Александр Ульянов держался на суде мужественно, пытался взять основную вину на себя: «Если в одном из прежних показаний я выразился, что я не был инициатором и организатором этого дела, то только потому, что в этом деле не было определенного инициатора и руководителя; но мне, одному из первых, принадлежит мысль образовать террористическую группу, и я принимал самое деятельное участие в ее организации». Сначала он отказывался подавать прошение о помиловании, потом уступил просьбам матери и все-таки подал: «Во имя моей матери и малолетних братьев и сестер, которые, не имея отца, находят в ней свою единственную опору, я решаюсь просить ваше величество…». Но его величество прошение отверг, и Александра повесили вместе с остальными.
>
> Один из его «малолетних братьев», семнадцатилетний Владимир скажет: «Мы пойдем другим путем» – и пойдет (путем не индивидуального терроризма, а массового террора).

За исключением одиночных инцидентов вроде вышеописанных, политическая ситуация была до мертвенности стабильной. На поверхности не происходило ничего, да при таком режиме и не могло

происходить. Но внутри общества шло брожение. Карательные меры, нередко чрезмерные, подчас иррациональные, порождали чувство протеста, настраивали даже умеренную, но чуткую к несправедливости часть общества против правительства. В отличие от времен, когда власть пыталась расколоть оппозицию на «вменяемую» и «невменяемую», теперь идейными противниками существующего строя стали и либеральные круги. Высказываться в поддержку власти делается зазорно для репутации. «Трудами самого правительства было совершено на первый взгляд невозможное: сложился союз представителей всех слоев общественного мнения», – пишет Р. Пайпс. В интеллигентской среде подобные настроения в основном ограничивались ворчанием и мелким фрондерством – плата за любой активизм могла оказаться слишком высокой. Но с каждым годом количественно увеличивался новый класс, которому, по формулировке Маркса и Энгельса, было нечего терять кроме своих цепей.

Восьмидесятые и девяностые годы стали временем, когда начали политизироваться российские рабочие.

Виновато в этом было опять-таки государство. Студенты, лишенные возможности создавать легальные клубы и объединения, были вынуждены делать это подпольно, что неминуемо приводило к радикализации. То же явление наблюдалось и у мастеровых. Они не имели права добиваться лучших экономических условий законным образом, с помощью профсоюзов – и стали пробовать иные способы борьбы.

Промышленному пролетариату во всех странах жилось несладко, но в России к нищенской оплате труда прибавлялось полное бесправие. Заводчики и фабриканты часто обходились с рабочими, как с крепостными. Это по большей части и были вчерашние крепостные, но, оторванные от земли, патриархальной семьи, крестьянской общины, они ощущали и вели себя иначе. Чем меньше человек связан, тем он свободней – в этом «Коммунистический манифест» был совершенно прав.

Первые рабочие волнения начались еще в шестидесятые годы. В семидесятые они иногда достигали довольно значительных размеров. Например, в 1872 году в неполитической стачке на Кренгольмской мануфактуре участвовало пятьсот человек.

В восьмидесятые годы рабочие беспорядки становятся обычным явлением. За десятилетие их произошло около ста семидесяти. Причиной обычно становилось понижение зарплаты или штрафование, то есть никаких политических требований еще не выдвигалось. Власти как правило реагировали на частный конфликт между работодателями и наемными работниками как на бунт: нагайками, штыками, арестами и ссылками.

> В январе 1885 года на огромной Никольской мануфактуре, принадлежавшей текстильному фабриканту Тимофею Морозову, произошли волнения такого масштаба, что пришлось вмешиваться государю императору.
>
> Стачка разразилась из-за того, что зарплату все время понижали, да еще до половины высчитывали под видом штрафов.
>
> Из 11 тысяч рабочих в забастовке приняли участие больше двух третей. Особенно власти были встревожены согласованностью действий забастовщиков. После первого столкновения с солдатами (а их прибыло целых два батальона) толпа не присмирела, а выдвинула пакет требований, призванных ограничить произвол администрации. Это было новое и тревожное событие. Царь лично приказал проявить твердость. Что-что, а это местное начальство умело. Бараки, где проживали рабочие, были окружены войсками, шестьсот человек арестовали, остальных погнали к станкам насильно.
>
> Но победы над стачкой не получилось. Правота рабочих была настолько очевидна, что суд присяжных оправдал всех обвиняемых.

После Морозовской стачки правительство наконец озаботилось «рабочим вопросом» и стало решать его двумя способами. Пряником – ввело поминавшиеся ранее основы трудового законодательства – и кнутом: указом об аресте любого, кто примет участие в забастовке. Но пряник оказался недостаточно сладок, а кнут недостаточно страшен. Рабочего движения эти меры не затормозили. Более того, оно стало приобретать политическую окраску.

Монумент скульптора О. Кирюхина, поставленный к столетию Морозовской стачки

Это происходило под воздействием марксистской агитации. Она объединила два компонента мины, на которой подорвется монархия: рабочую массу и пропагандистов-интеллигентов.

Демократы шестидесятых и семидесятых мало интересовались рабочими, потому что этот класс был еще недостаточно многочислен. «Хождение в народ» предполагало агитацию среди крестьян – само слово «народ» тогда ассоциировалось с крестьянством.

Теоретики революции спорили о том, как лучше вести работу в деревне: сразу звать ее к топору или сначала подготовить. Но разочарование в революционности сельского населения, с одной стороны, и стихийное стачечное движение, с другой, заставили русских борцов за свободу обратиться к марксизму, считавшему надеждой революции именно рабочих. Сказывалось и влияние Интернационала, постепенно набиравшего силу в Европе.

Неудивительно, что первыми русскими марксистами стали эмигранты. Самой яркой и значительной фигурой среди них был Георгий Плеханов (1856–1918), бывший землеволец, перешедший оттуда не в боевую «Народную волю», а в пропагандистский «Черный передел». С двадцатичетырехлетнего возраста Плеханов жил за границей, откуда вернется на родину только после Февральской революции. Он заново перевел на русский язык «Коммунистический манифест», а в 1883 году создал в Женеве группу «Освобождение труда», которая совершенно отошла от народничества и поставила своей задачей пропаганду социализма среди рабочих.

Как водится у революционных теоретиков, Плеханов и его единомышленники основные усилия тратили на борьбу не с царизмом, а с другими революционными теоретиками. Главной помехой на пути освободительного движения они объявили народничество, к которому сами недавно принадлежали. Всё последующее десятилетие у русской оппозиции прошло в битвах между марксистами и народниками. Плеханов доказывал, что расчет на бунтарские инстинкты русского крестьянства – «сентиментальный туман», что крестьяне никакого социализма не хотят, ибо они по своей натуре собственники. Рассчитывать надо только на городской пролетариат, и главная задача на данном этапе – «развивать его классовое сознание».

Г. Плеханов в молодости. *Фотография*

Народники давали отпор. Они обвиняли плехановцев в раскольничестве, в оскорблении памяти мучеников, в оторванности от российских реалий, в оппортунизме и даже – очень обидное для настоящего революционера слово – в либерализме. Особенно пылкие оппоненты даже устраивали акции с сожжением плехановских сочинений.

Но ход событий доказывал правоту марксистов. В восьмидесятые годы крестьяне, избавившись от «временнообязанности», усердно занялись своим хозяйством и о бунте не помышляли. Рабочие же, наоборот, вели себя всё активней.

Группа «Освобождение труда» никак в этом движении не участвовала, но исправно сочиняла и переводила марксистскую литературу, которая окольными путями добиралась до России. Кроме того эмигранты составляли программу социал-демократической партии, которой еще не было, но появление которой Плеханов считал важнейшей задачей момента. В условиях тотального полицейского надзора сделать это было очень непросто.

Первые попытки создать революционную организацию рабочих предпринимались еще в семидесятые годы. В 1875 году в Одессе возник «Южнорусский союз рабочих», а в 1878 году в Петербурге «Северный союз русских рабочих», но верховодили там не марксисты, а бывшие землевольцы. К началу восьмидесятых годов от этих групп ничего не осталось. Кого-то выловила полиция, другие разбрелись сами.

Наконец в 1883 году появляется первый рабочий кружок марксистского толка. Его организовали петербургские студенты, целенаправленно работавшие на заводах и фабриках. Руководил группой болгарин Димитр Благоев, поэтому в исторической литературе ее именуют «благоевской». Сами они называли себя «Партией русских социал-демократов» и даже составили «Проект программы» (1884), но партией еще не являлись и особенных организационных успехов не достигли. В 1885 году полиция выслала Благоева на родину (где он создаст-таки партию – но болгарскую). И, тем не менее, благоевцы выполнили очень важную задачу: сформулировали комплекс идей и целей. Первые были привлекательны, вторые – понятны, а это

сочетание обладает энергетикой, которая рано или поздно должна была материализоваться.

Вот основные положения «Проекта». С вариациями и дополнениями они будут воспроизводиться во всех последующих марксистских программах:

> «1) Отмена частного землевладения и переход всей земли в государственную собственность; переход фабрик и заводов в руки рабочих ассоциаций.
>
> 2) Коренная реформа податного обложения – замена всех прямых налогов прогрессивным подоходным налогом.
>
> 3) Организация политических форм государства на федеративных началах.
>
> 4) Даровое начальное обучение.
>
> Для осуществления этих требований в полной мере необходима организация государственной власти на демократических началах, что достижимо лишь при следующих условиях.
>
> 5) Свобода совести, слова, печати, преподавания и сходок.
>
> 6) Передача государственной власти представительному собранию, члены которого избираются путем прямой и всеобщей подачи голосов, и организация по тому же типу местного самоуправления.
>
> 7) Перевод постоянной армии в милицию (земское ополчение)».

Попытки создать рабочую партию предпринимались и в последующие годы. Инициатива обычно исходила от интеллигентов, которые искали контакта с рабочими, устраивали «кружки самообразования», кассы взаимопомощи, библиотеки. Выглядело это как новое хождение в народ, но только не в деревенский, а в городской. Движение пока не имело централизованного вида, так что о партии говорить было рано, но понемногу ширилось, распространяясь из столиц в провинцию.

У читателя может создаться впечатление, что муравьиная деятельность нескольких мелких диссидентских групп и оторванных от жизни швейцарских «мечтателей» не заслуживает столь подробного

описания на фоне несравненно более крупных явлений и событий эпохи, однако это будет та же ошибка, которую совершила полиция. Она, разумеется, пресекала марксистскую пропаганду, но до поры большого значения ей не придавала, потому что привыкла бояться не «говорунов», а террористов. Время покажет, что правильно подобранные слова – оружие помощнее пистолетов, просто оно медленно заряжается.

В 1888–1889 годах в университетском городе Казань действовал маленький кружок недоучившегося гимназиста Николая Федосеева (он потом покончит с собой в сибирской ссылке). Там собирались студенты, разговаривали о марксизме – и только. Но имя одного из них было Владимир Ульянов. С этого момента начинается его путь в революцию.

Часть третья
Россия меняется

Население империи

Демографическая динамика

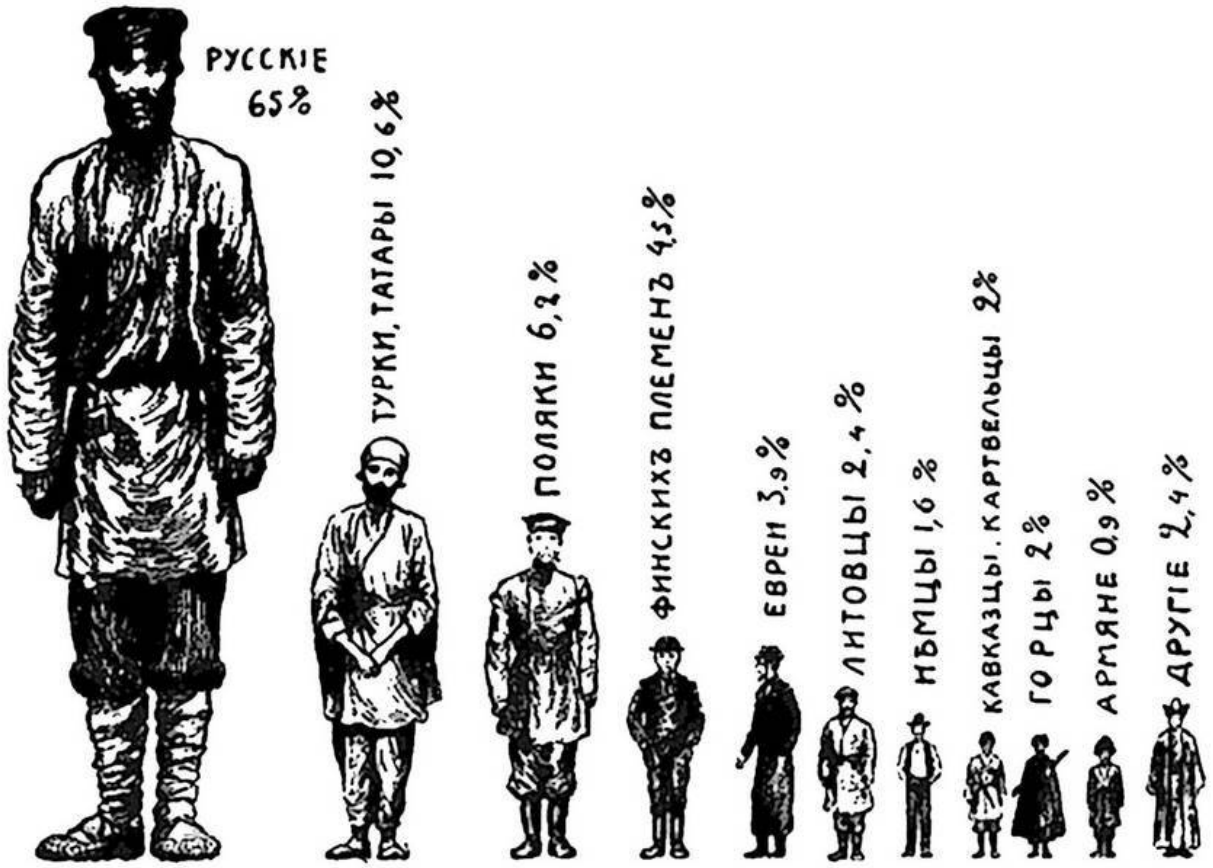
Перемены в условиях жизни народа всегда сказываются на его численности, социальной мобильности, миграционных процессах и множестве других параметров. В 1861 году ход российской истории ускорился. Конечно, будет преувеличением сказать, что к середине девяностых годов Россия стала совсем другой страной, но все же для столь небольшого срока метаморфозы были поразительны.

Начать с того, что очень увеличилось население империи. По данным последней дореформенной ревизии конца пятидесятых годов, в России обитало 78 миллионов человек. Всероссийская перепись 1897 года показала цифру в 129 миллионов – это рывок на 60 процентов. Ни одна другая европейская страна не имела подобных темпов прироста.

Объяснялось это не только высокой рождаемостью, сильно превышавшей европейскую (в российской семье в среднем имелось четверо детей), но и некоторым улучшением качества низового медицинского обслуживания – вернее сказать, тем, что оно возникло. Раньше крестьяне, да и городские бедняки лечили себя сами, теперь почти повсеместно появились земские врачи и больницы.

При этом продолжительность жизни оставалась очень низкой. Средний возраст россиянина равнялся 21 году. И четыре пятых не умели читать.

Национальный состав по результатам переписи в точности установить трудно, поскольку людей считали не по этнической принадлежности, а по вероисповеданию. Православные, к которым причисляли и старообрядцев (хоть те к официальной церкви себя не относили), составили 70 процентов. Тут были и русские, и украинцы (в том числе униаты), и белорусы, и представители многих других национальностей.



Сравнительная численность народовъ, населяющихъ Россію.

Рисунок времен переписи 1897 года

Следующей по размеру конфессией был ислам, который, в отличие от христианства, переписчики на ветви не делили. Мусульман насчитывалось почти 11 процентов – эта пропорция сильно возросла вследствие присоединения среднеазиатских ханств.

Далее шли католики (9%), протестанты (5%), иудеи (4%).

Географически население было расселено по-прежнему весьма неравномерно, хоть обозначились некоторые сдвиги. Большинство (94 миллиона человек), как и прежде, обитали в европейской России, но появился густонаселенный среднеазиатский анклав, а также заметно приросла Сибирь, где теперь жили почти шесть миллионов.

Сдвинулся баланс между горожанами и сельчанами. Прежде доля городского населения увеличивалась главным образом на бумаге – как при Николае I, который росчерком пера перевел четыреста сел в разряд городов, и обыватели, не переменив прежних занятий, теперь стали считаться не крестьянами, а мещанами. Ныне же в города массово

потянулись вчерашние крестьяне в поисках трудоустройства. Однако и в середине девяностых годов горожан насчитывалось всего шестнадцать с половиной миллионов (13%).

При этом степень урбанизации собственно «великороссов» была существенно ниже среднеимперской. Из десяти крупнейших городов лишь Москва (1 млн) находилась на изначально русской земле, а девять остальных располагались на территориях, присоединенных в процессе роста российского государства: Санкт-Петербург (1,2 млн), Варшава (700 тысяч), Одесса (400 тысяч), Лодзь (300 тысяч), Рига (250 тысяч), Киев (250 тысяч), Харьков (170 тысяч), Тифлис (160 тысяч), Вильна (150 тысяч).

Одной из самых существенных примет нового времени была активная миграция. Народ, веками прикованный к земле и, казалось, приросший к ней навсегда, пришел в движение. Раньше большинство крестьян за всю свою жизнь не отдалялись от своей деревни дальше, чем на десяток-другой верст – максимум до уездного центра. Теперь переезд в другую часть страны стал обычным явлением.

Происходило это не от любви к странствиям, а потому что у бывших крепостных появилась возможность искать лучшей доли, и случилось это даже не в 1861 году, а после отмены «временнообязанничества», то есть двадцатью годами позднее.

Уезжали временно, на заработки, из мест, где не хватало пахотной земли: батрачить в других краях или в город, где на фабриках и заводах требовались рабочие руки. Переселялись и навсегда, целыми семьями – туда, где можно было получить больше земли.

Новые села и хутора вырастали в южных степях, в Предкавказье, в Приуралье, в Средней Азии. Активно заселялись менее суровые области Сибири, от Томска на западе, до Приамурья на востоке. Начало строительства Транссиба и разнообразные льготы со стороны правительства, очень заинтересованного в переезде крестьян, ускорили восточную миграцию. В первый же год великой стройки в Сибирь подалось 56 тысяч человек, а всего за тридцать лет русское население субконтинента увеличилось вдвое.

Но менялись не только численность и география расселения. Менялась социальная структура: прежние сословия внутренне трансформировались, возникали и развивались новые.

Новая жизнь «старых» сословий

В. Ленин в работе «Развитие капитализма в России» (1899) делит население страны по социально-имущественному признаку на следующие группы: «крупная буржуазия, помещики, высшие чины и прочие» – около 3 млн человек; «зажиточные мелкие хозяева» (как деревенские, так и городские) – 23,1 млн; «беднейшие мелкие хозяева» (в том числе крестьяне-середняки) – 35,8 млн; «пролетарии и полупролетарии» – 67,7 млн.

Но тогдашняя статистика оперировала иной терминологией, расписывая россиян по «состояниям», то есть по сословиям. Имущественный уровень при этом не учитывался. Выделялись дворяне, духовенство, купцы, крестьяне, мещане, казаки, инородцы. К концу XIX века эта градация устарела, по ней стало невозможно получить представление об истинном социальном составе народа, не говоря уж о том, что определять одним и тем же термином «состояние» крестьянство (77,5 процентов населения) и, скажем, духовенство (0,2 процента) было странно. Внутри некоторых «состояний» происходило расслоение, разводившее людей в совершенно разные классы (этот термин гораздо точнее). Появились и новые, притом многочисленные и социально важные группы.

Начнем с двух сословий, которые всегда определяли строй российской жизни: крестьян и дворян.

Реформа запустила процесс, получивший название «раскрестьянивания». Основной класс стал усыхать, распадаться на внутренние страты. Из его состава почти сразу выпали прежние «дворовые» – те крепостные, кто обслуживал помещиков и поэтому не обрабатывал землю. Как правило они не получили наделов, да многие и не обладали необходимыми трудовыми навыками. Большинство остались без средств к существованию и подались в города – в рабочие, в прислугу.

Но и крестьяне, оставшиеся в деревне, зажили иначе, чем прежде.

Во-первых, в очень разных обстоятельствах оказались сельские жители, обитавшие на плодородных (в основном южных) и на неплодородных землях.

Во-вторых, в условиях личной свободы стали проявляться естественные различия между людьми. Кто-то оказался хозяйственным,

а кто-то не очень; кто-то много работал, а кто-то выпивал; в иных семьях не хватало рабочих рук или были нелады со здоровьем – и так далее, и так далее.

Крестьянская семья. *Фотография*

Естественным образом началось деление на три социальные группы, разница между которыми увеличивалась год от года. Зажиточные крестьяне («кулаки») прикупали все новую и новую землю, обзаводились современным инвентарем, богатели. Нерадивые и неудачливые, наоборот, впадали в нищету, оставались «безлошадными» и были вынуждены наниматься в батраки. Основная же масса держалась где-то посередине и потому называлась «середняками».

К концу века «кулаки», которые фактически уже перестали быть крестьянами, а представляли собой сельскохозяйственных предпринимателей, владели третью, а в иных губерниях и половиной угодий и скота. Середняков и бедняков в количественном отношении было примерно поровну, но последним принадлежала лишь пятая часть земли, а многие и вовсе ее не имели.

Неизбежный процесс расслоения происходил бы много активней, если бы его не тормозило существование общины. Это учреждение мешало приватизации земли, поскольку рассматривало ее как

коллективную собственность. В ходу было «чересполосное» распределение наделов, когда каждая семья получала в разных местах – по справедливости – выгодные и невыгодные участки. Размер определялся по числу мужчин, ибо считалось, что для тяжелой пахотной работы женщины не годятся. Естественно, семьи, где было много дочерей, оказывались в невыгодном положении. Раз в 10–12 лет производилось земельное перераспределение.

При такой системе никто не вкладывался в поддержание качества почвы, а наоборот старался выжать из нее все соки. Это приводило к постоянному падению урожайности, и так, по сравнению с европейскими фермерскими хозяйствами, очень низкой.

Р. Пайпс пишет: «Община препятствовала появлению в России энергичного фермерского класса, потому что трудолюбивые и предприимчивые ее члены были в ответе за налоги состоявших в ней лодырей, разгильдяев и пьяниц». Этот же автор подсчитал, что в скудной Московской губернии при среднем наделе в 7,5 десятин крестьянская семья своим тяжелым трудом зарабатывала всего 40 рублей в год и без побочных заработков выжить не могла.

Унизительная нищета, низкий уровень грамотности, скудость жизненных перспектив, несвобода еще долго после отмены крепостничества поддерживали в крестьянской массе рудименты рабской психологии. В этом смысле государственный курс Победоносцева и Дмитрия Толстого отлично работал: низы знали свое место, их чувство собственного достоинства, столь опасное для авторитарного строя, развивалось очень медленно. Одна из первых русских женщин-социологов Инна Игнатович в 1902 году писала, что, когда после освобождения заработали волостные суды, которые в своих приговорах иногда давали выбор между денежным штрафом и поркой, большинство крестьян предпочитали телесное наказание.

Сельская буржуазия, относившаяся к уже иной страте общества, среднему классу, возникала главным образом в черноземных областях, где земля кормила лучше и где часто вовсе не было общин. Там наделы быстро превращались в собственность, могли продаваться и передаваться по наследству. Соответственно иным было и отношение хозяев к сохранению плодородия почвы.

Революция 1917 года застанет процесс «раскрестьянивания» в самом разгаре, и завершит его только советская власть – своими

собственными методами.

Если реформа нанесла мощный удар по вековому крестьянскому укладу, то жизнь дворянства, державшуюся на крепостном праве, она разрушила полностью.

Самодержавие сто лет не решалось освободить крепостных, боясь дворянского бунта, а бояться следовало другого: что эмансипация оставит престол без главной своей опоры. Именно это и случилось. В течение нескольких десятилетий после 1861 года дворянство утратило свою политическую и социальную важность – оно сохранилось лишь по названию и фактически перестало быть классом.

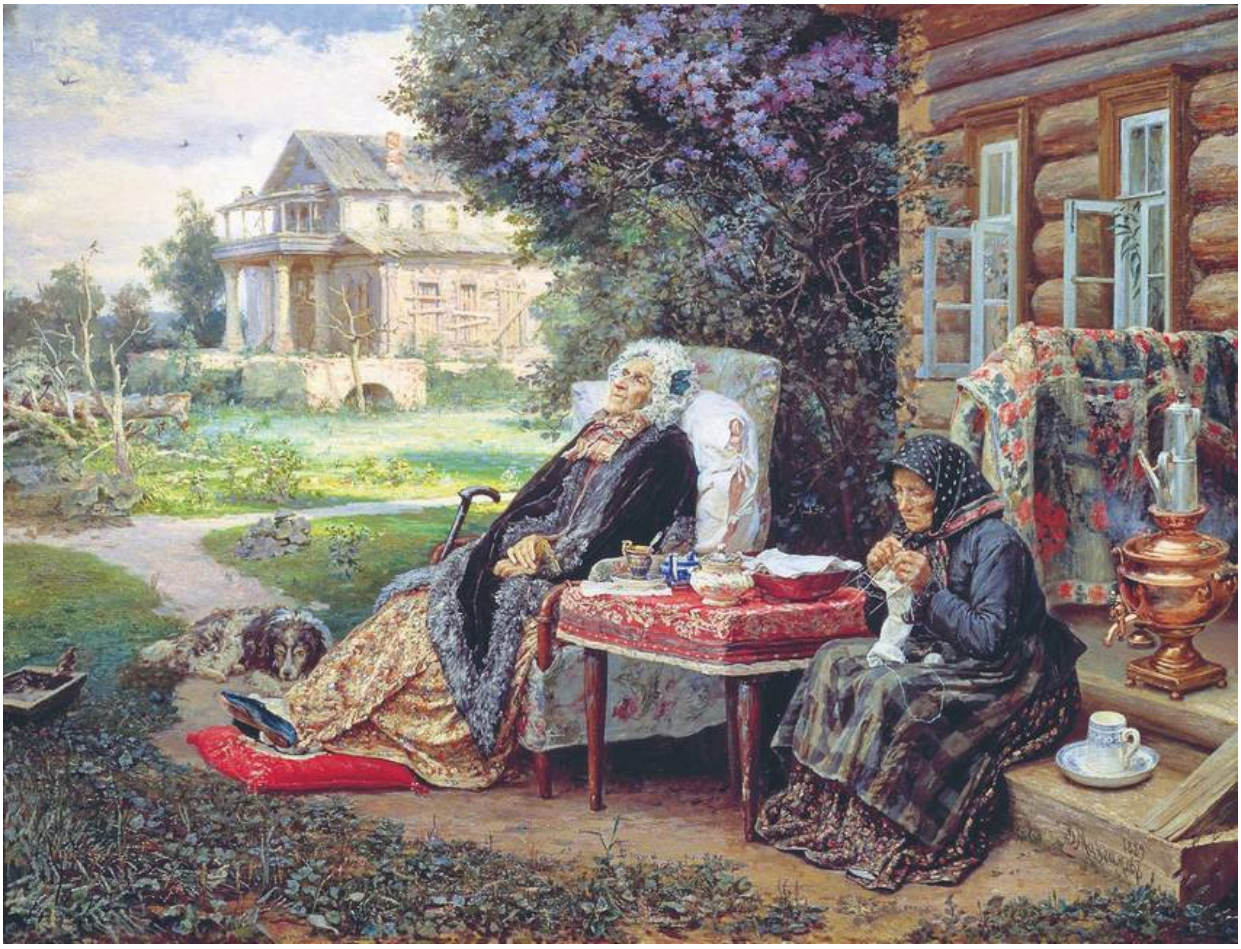
Конечно, и до крестьянского освобождения российская элита была весьма неоднородна. К настоящей земельной аристократии принадлежали менее одного процента дворянских семейств, владевших тысячью и более «душ». Всеми привилегиями сословия – например, правом избирать предводителя – обладали только те помещики, кому принадлежало больше ста душ. Но большинство обладателей «благородного звания» были, как тогда говорили, «малодушны» и не могли существовать лишь за счет крестьянского труда. На один доход от поместья, без службы, перед реформой жили лишь 20 процентов крепостников.

При этом большинство дворян вовсе не имели «живой собственности». Из-за того что на Руси не утвердилась система майората, при которой титул (если он был) и землю наследовал только старший сын, поместья из поколения в поколение все больше дробились, а росло дворянское сословие вчетверо быстрее, чем население в целом – из-за сытного питания и лучшего ухода за младенцами. Русский дворянин середины девятнадцатого века обычно был весьма небогат. Кроме того «личные дворяне» (а они составляли до половины сословия), достигшие этого статуса на офицерской или чиновничьей службе, и по закону не могли владеть «душами».

Эмансипация не просто лишила помещиков права распоряжаться крепостными, она вынудила их самостоятельно решать все хозяйственные вопросы, и оказалось, что очень многим эта задача не под силу.

Самодержавие было кровно заинтересовано в том, чтобы поддержать и сохранить дворянство как класс. По этой причине

правительство несправедливо обошлось с огромной частью населения, бывшими крепостными крестьянами, навязав им «временные обязательства» и непомерные выкупные платежи. Как уже говорилось, для помощи помещикам министерство финансов учредило Дворянский банк, который выдавал ссуды на гораздо более льготных условиях, чем Крестьянский банк своим малоимущим клиентам. В первый же год работы двух этих кредитных организаций Дворянский банк раздал шестьдесят девять миллионов рублей, а Крестьянский – только одиннадцать, притом что крестьян в стране было примерно в двести раз больше, чем помещиков.



«Всё в прошлом». Хрестоматийная картина В. Максимова, считающаяся символом угасания русского дворянства

Увы, эти меры мало помогали. Дворяне плохо разбирались в сельском хозяйстве и еще хуже в финансах. Неграмотный «кулак» вел дела много лучше помещика с университетским дипломом. Самым

простым способом продлить свое праздное существование для дворянина было заложить имение. К концу века почти половина помещичьих угодий оказались в закладе. Скупали дворянскую землю и богатые крестьяне, а переплачивать они не любили.

Контрреформа местного управления, проведенная при Александре III, была призвана восстановить пошатнувшийся статус «благородного состояния» – ведь земскими начальниками могли становиться только потомственные дворяне, но подобный политический жест никак не улучшил экономического положения этого сословия.

Материальный кризис заставлял бывших помещиков учиться какой-нибудь профессии, то есть переходить к принципиально иному способу существования. Одни стали государственными служащими, живущими только на жалованье, другие – предпринимателями, третьи влились в состав работающей интеллигенции. Два последних сословия для России были явлением не то чтобы совсем новым, но приобрели новое значение.

Новые сословия

Однако ключевую роль в российской истории суждено было сыграть не буржуазии и не интеллигенции, а сословию совершенно новому – рабочим. Словосочетание «рабочий класс» в России утвердилось не сразу, поскольку на первых порах наемные работники промышленных предприятий классом не являлись. Пока не развернулся индустриальный бум, рабочих было мало, а те, что были, в основной своей массе продолжали оставаться крестьянами, подряжавшимися строить железную дорогу, добывать уголь или поработать на заводе в свободное от сельскохозяйственных трудов время.

Объяснялось это особенностями «производственного цикла» в русской деревне. Полевые работы в основном приходились на три напряженных, но довольно коротких периода: посев, покос, сбор урожая. В остальное время года, особенно зимой, наступал период затишья. Ключевский пишет: «Так великоросс приучался к чрезмерному кратковременному напряжению своих сил, привыкал работать скоро, лихорадочно и споро, а потом отдыхать в продолжение вынужденного осеннего и зимнего безделья. Ни один народ в Европе не способен к такому напряжению труда на короткое время, какое может

развить великоросс; но и нигде в Европе, кажется, не найдем такой непривычки к ровному, умеренному и размеренному, постоянному труду, как в той же Великороссии». Поскольку денег, которые приносила земля, особенно в центральных и северных губерниях, на жизнь не хватало, люди и после Реформы отправлялись на заработки – совсем как в «оброчные» времена. Но к весне возвращались из города и продолжали считать местом своего жительства деревню.

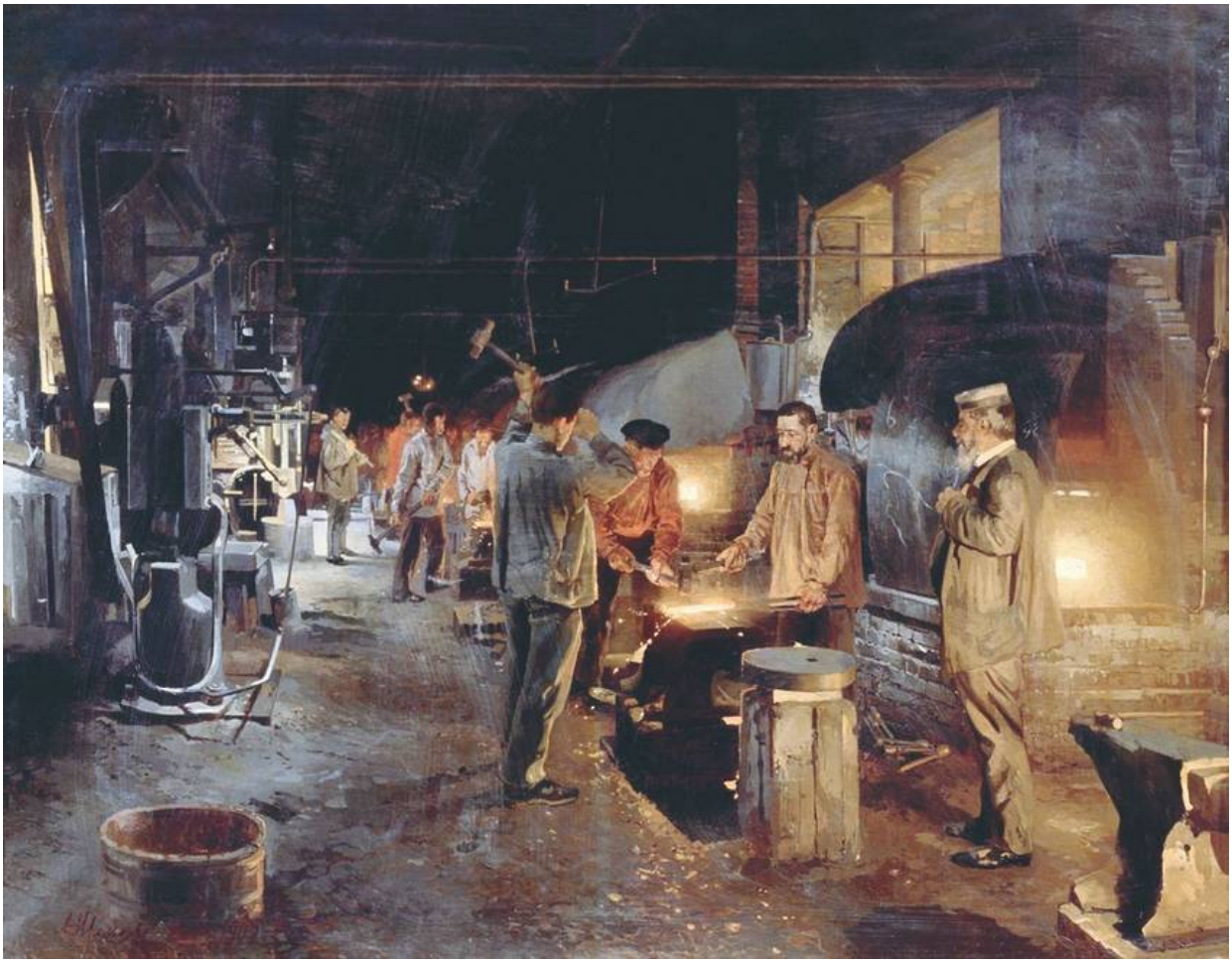
Однако постепенно ситуация стала меняться. Многие, обретая новые профессиональные навыки, приходили к выводу, что работать на земле тяжелее и невыгоднее, чем на заводе. Другим в поисках трудоустройства приходилось забираться очень далеко от дома и перемещаться туда-сюда становилось накладно.

В семидесятые годы большинство рабочих все еще вело «сезонный» образ жизни. С восьмидесятых такое происходит все реже. Русский рабочий становится горожанином, обеспечивая основной приток населения в индустриальные центры.

Из-за «двойного» существования, которое все же продолжала вести значительная часть наемных работников, а также из-за дискуссии о том, следует ли причислять к рабочему классу батраков, отправлявшихся на заработки в другие сельскохозяйственные регионы, разные историки подсчитывают численность этого сословия неодинаково. По минимальной оценке, ориентирующейся только на городской пролетариат, за последнюю треть столетия он увеличился втрое и, вместе с членами семей, составлял около десяти миллионов человек. Еще столько же или несколько больше было сельских пролетариев, живших только или преимущественно батрачеством.

Условия существования рабочих, как уже говорилось, были ужасающими. Трудиться приходилось до 15 часов в день, так что оставалось время только на сон. Платили вдвое меньше средней английской зарплаты и вчетверо меньше американской (а ведь тамошние рабочие тоже бедствовали). Заводское начальство совершенно бесконтрольно наказывало работников, заставляло их жить в скотских условиях, не обеспечивало лечением, не заботилось о технике безопасности, не компенсировало утрату трудоспособности. Стремительный рост российской промышленности в основном строился на чрезвычайной дешевизне труда. Иными словами,

индустриальный скачок оплачивался лишениями, увечьями и искалеченными жизнями рабочих.



Металлургический завод. *А. Шильдер*

Конечно же, марксисты были совершенно правы, когда призывали сосредоточить агитационную деятельность на городском пролетариате. Полуголодным, униженным, бесправным людям революция должна была казаться единственной надеждой на улучшение их невыносимой жизни. Кроме того, в отличие от рассеянных по огромным пространствам крестьян, рабочие жили компактно, а столичные еще и в непосредственной близости от правительства. Судьба сверхцентрализованного государства всегда решается в центре, и от настроения столичных жителей власть зависит больше, чем от всего остального народа. К концу века в Санкт-Петербурге, где было

сосредоточено много промышленности, рабочий пролетариат составлял уже сорок процентов жителей.

Когда царизм при Александре III решительно отказался от любых конституционных проектов, революция, с одной стороны, отсрочилась, с другой стала неизбежной. Ход истории можно притормозить, но повернуть его вспять нельзя. Самодержавный способ правления в новом веке станет анахронизмом. Как известно, ни одна из архаичных империй не переживет макрокризиса, вызванного мировой войной, и самая жесткая монархия, романовская, взорвется с наибольшим грохотом.

Однако революции неодинаковы по степени разрушительности: революция пролетарская много радикальней (и соответственно кровавей) буржуазно-демократической.

Но для того, чтобы победу над абсолютной монархией одержала буржуазия, она должна быть сильной и многочисленной, включая в себя широкий спектр средних и мелких собственников. Российский капитализм развивался иным путем. Мы видели, как этот процесс складывался в деревне, где фермеры-«кулаки» составляли очень небольшую часть крестьянства, а основная масса, по ленинскому определению, была «пролетариями и полупролетариями».

В промышленности ситуация была еще взрывоопасней. Деньги и средства производства скапливались в руках количественно небольшой группы предпринимателей, и в описываемый период никаких политических планов они не вынашивали, озабоченные только борьбой за прибыль.

Буржуазия возникла в России, во-первых, очень поздно, а во-вторых, так и не сложилась в класс, сознающий свою силу и преследующий консолидированные цели.

Причин тому две.

В стране всегда было очень мало частных денег. Коммерческие банки и акционерные общества появляются только во второй половине девятнадцатого столетия. Долгое время главным инвестором продолжает оставаться государство, частный же капитал поступает в основном из-за рубежа. В таких условиях капитализм растет не снизу, «от корней», а сверху. Кто сорвал у государства заказ на строительство железной дороги, тот и магнат. Кто сумел заинтересовать

промышленным проектом французских или английских акционеров, тот и заводчик. Поэтому монополии возникали быстрее, чем в промышленно развитых странах, где это было естественной стадией укрупнения капиталов. Россия, можно сказать, «перепрыгнула» через ступеньку среднего предпринимательства. Это, конечно, не означает, что средней и мелкой буржуазии не было, но большим классом она так и не стала – во всяком случае достаточно большим, чтобы в 1917 году удержать власть.

Кроме того крупные предприниматели представляли собой очень пестрое сообщество, которому было трудно объединиться из-за существенной разницы в социальном происхождении, культурном уровне и прочности сословных перегородок.

Можно выделить несколько характерных типов российского капиталиста – в зависимости от корней их богатства.

По-новому заработали «старые деньги», принадлежавшие тем аристократическим семействам, которые исторически строили свое благополучие не на землевладении, а на промышленных интересах:. Таковы были, например, Демидовы, Строгановы, Шуваловы.

> Павел Павлович Демидов (1839–1885), потомок тульских оружейников, прожил жизнь гран-сеньором, поражая Европу своим расточительством. В прибавку к отечественному графскому титулу он купил еще итальянский, стал князем Сан-Донато. Сочетался браком с той самой Марией Мещерской, на которой мечтал жениться будущий Александр III. Строил дворцы, коллекционировал произведения искусства, играл на рулетке – одним словом, вел не капиталистический, а скорее аристократический образ жизни, однако на своем уральском металлургическом заводе первым в России наладил выплавку бессемеровской стали и стал производить из нее рельсы, завоевав лидерство в этой сверхприбыльной отрасли. Правда, наследники рано умершего П. Демидова делом интересовались мало, и к началу следующего века былая империя, не выдержав конкуренции, пришла в упадок.

У части дворянства предпринимательские таланты обнаружились по необходимости – эмансипация заставила. Не все бывшие помещики

просто проживали выкупные деньги. Примерно пятьдесят тысяч дворян использовали накопленные средства в качестве стартового капитала. Многие разорились, но кому-то удалось и добиться успеха, в том числе значительного.

> В качестве примера можно привести князя Вячеслава Николаевича Тенишева (1843–1903), которого за кипучую энергию и деловую хватку прозвали «американцем».
>
> Получив в Германии инженерное образование, он в двадцатишестилетнем возрасте открыл в Петербурге свой первый, очень небольшой завод, обслуживавший железнодорожное строительство. Через несколько лет, сильно разбогатев, построил уже крупное предприятие – Брянский железоделательный комбинат, где выплавлялась треть российской стали. Входил в правление двух больших банков, создал одну из первых русских электротехнических компаний. Во время Всемирной Парижской выставки 1900 года, где все страны в канун нового века демонстрировали свои технические достижения, Тенишев был генеральным комиссаром от России.
>
> Свои огромные средства он щедро жертвовал на общественные нужды: потратив полтора миллиона рублей, создал лучшее в империи коммерческое училище, названное «Тенишевским», а еще четверть миллиона вложил в «Этнографическое бюро», первый в России научно-исследовательский институт по изучению проблем крестьянства.

Появились удачливые капиталисты и из числа быстро сориентировавшихся чиновников, которым помогло их служебное положение.

> Николай Иванович Путилов (1820–1880), один из выдвиженцев великого князя Константина Николаевича, сначала строил корабли «за жалованье», имея чин и состоя на казенной службе. Набравшись опыта и заведя связи, получил от государства кредит на строительство четырех металлургических заводов. При своей жизни первый Путилов

успел создать знаменитый завод, впоследствии носивший его имя, и построить столичный морской порт, формально числясь чиновником и дослужившись до генеральского чина.

Наследники Николая Ивановича развернули его и без того колоссальное предприятие в целую империю.

Особый разряд крупных капиталистов составляли уже упоминавшиеся «железнодорожники» – предприниматели, нажившие огромные состояния на этом высокодоходном и высокорискованном бизнесе.

Пионером, предметом зависти и образцом для подражания был железнодорожный магнат Павел Григорьевич фон Дервиз (1826–1881). Не имея собственных средств, он получил первый заказ (концессию) на строительство трассы Москва—Рязань в 1864 году благодаря протекции министра финансов Рейтерна, своего старинного приятеля (они вместе учились в лицее).

Modus operandi у фон Дервиза был незамысловат. Он выставлял искусственно завышенные расценки на строительство и клал разницу себе в карман. Например, на линии Коломна—Рязань работы обходились в 40 тысяч рублей за версту, а в смете значилась цифра 62 тысячи. На одном этом заказе фон Дервиз нажил полтора миллиона. И это было только начало.

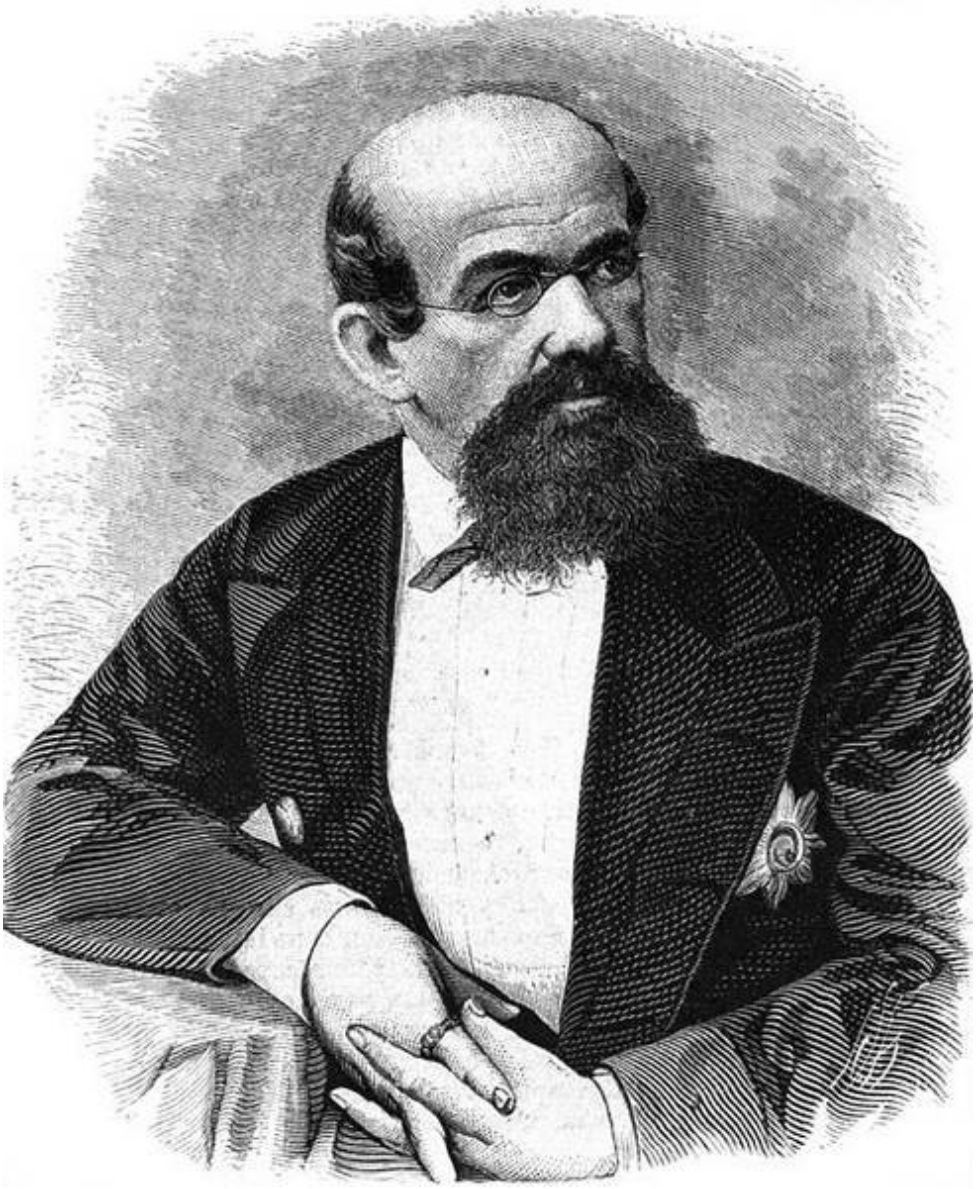
Потом были новые, еще более прибыльные концессии, фиктивные акционерные общества с дутым капиталом. Фон Дервиз ловко манипулировал ценными бумагами, в случае успеха делаясь владельцем железной дороги, а, если общество лопалось, ответственности не нес. Само имя фон Дервиза стало символом закулисного воротилы.

Баснословно разбогатев, Павел Григорьевич переехал в Ниццу, где его называли «русским Монте-Кристо».

Вышеперечисленные категории объединяет то, что все они использовали некий социальный капитал, обусловленный «правильными» связями. Но количественно в новом сословии

преобладали капиталисты, вышедшие из совсем иной, непривилегированной среды. Она тоже была неоднородной.

В.Н. Тенишев



Н.И. Путилов

П.Г. фон Дервиз. *Фотографии*

Легче всего приспособились к предпринимательству члены купеческих гильдий, располагавшие финансовыми средствами и обладавшие коммерческими навыками. Им достаточно было расширить свою деятельность, перейти от торговли к производству. Так возникли крупные предприятия Бахрушиных, Алексеевых, Солдатенковых, Хлудовых, А.И. Мамонтова.

Биография Алексея Ивановича Абрикосова (1824–1904) наглядно демонстрирует, как это происходило.

Семья Абрикосовых вначале держала лавку, торговавшую сладостями. В пятидесятые годы Алексей Иванович выгодно женился, получил пять тысяч приданого и на эти небольшие деньги основал собственное производство, со временем выросшее в лучшую российскую кондитерскую фабрику «Фабрично-торговое товарищество А.И. Абрикосова сыновей». Она пользовалась сахаром с собственного завода, имела филиалы и магазины по всей стране, даже поставляла свою продукцию императорскому двору. При этом Абрикосов так и остался кондитером. Постоянно увеличивая обороты, корпорация своей профильности почти не меняла, лишь дополнилась в восьмидесятые годы чайной торговлей.

Капиталистам крестьянского происхождения нужно было преодолеть гораздо больше препятствий, поскольку к изначальной бедности и бесправности прибавлялось отсутствие образования, но находились самородки, компенсировавшие все эти гандикапы упорством, ловкостью и удачливостью.

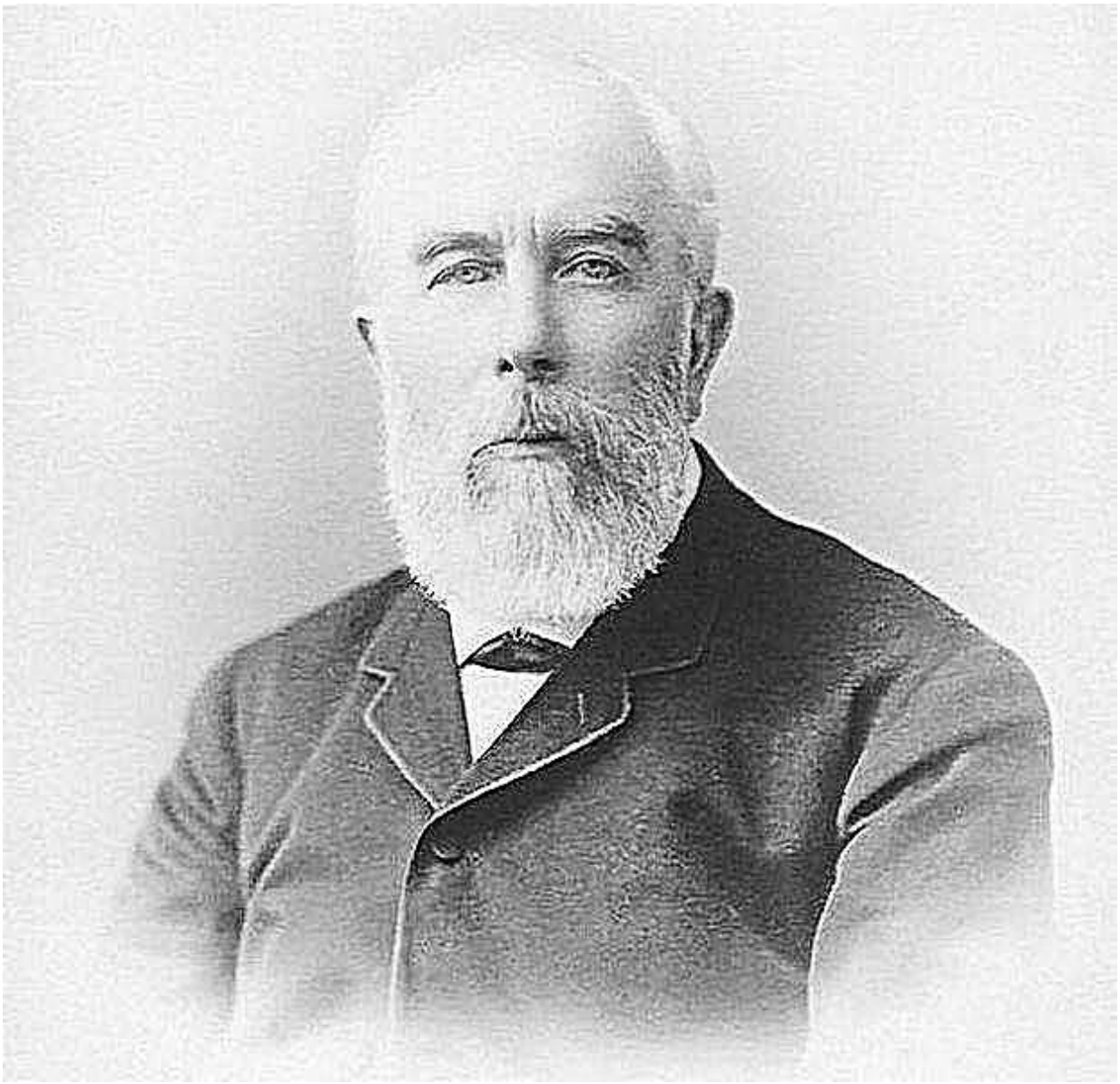
Петр Ионович Губонин (1825–1894) был подмосковным крестьянином, но своей земли у семьи не было, и мужчины зарабатывали наемным трудом. Оборотистый Губонин, начав подмастерьем, со временем завел собственную артель и нажил первый капитал, строя мосты для железных дорог – эти заказы очень хорошо оплачивались.

В отличие от предпринимателей купеческого происхождения, привязанных к определенному роду деятельности, Губонин брался за любое дело, сулившее прибыль. Кроме строительства этот уникум занимался бакинской нефтью, страховым и курортным бизнесом, виноделием. К концу жизни его состояние оценивалось в фантастическую сумму – двадцать миллионов рублей. Бывший каменщик, так и не получивший никакого образования, стал потомственным дворянином и тайным советником. Витте пишет, что Губонин «представлял собою толстопуза, русского простого мужика с большим здравым смыслом».

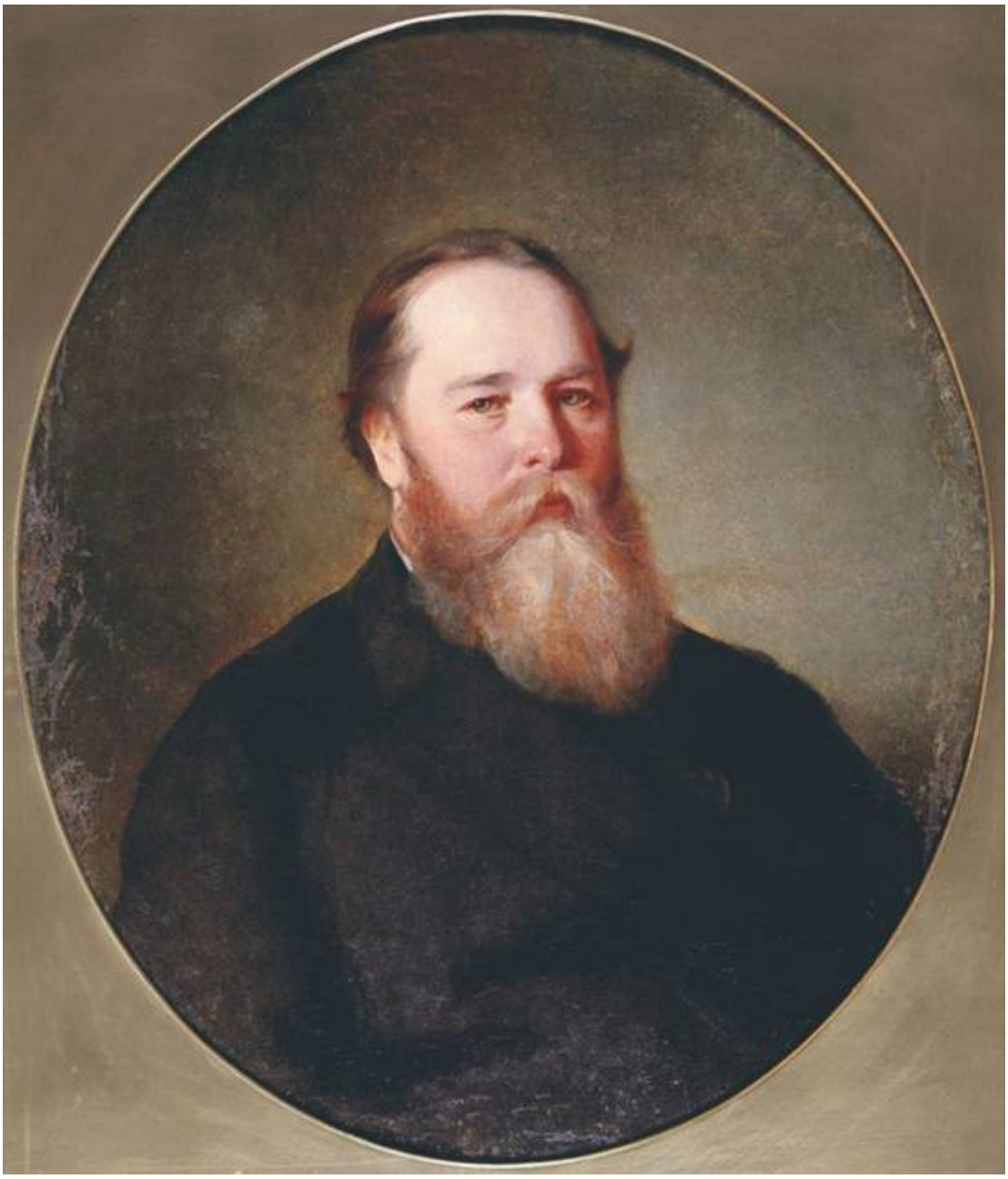
Среди ударников отечественного капитализма было на удивление много раскольников – представителей весьма специфического слоя, который вроде бы существовал скорее духовными интересами и сторонился всякой модернизации. На самом же деле предприниматели-старообрядцы обладали важными преимуществами перед конкурентами. Они были дисциплинированны, придерживались строгих привычек, а главное – обладали значительными средствами и кредитными возможностями.

Например, Федор Алексеевич Гучков (1768–1856), основатель династии промышленников, по происхождению крепостной, родился на свет православным, но потом перешел в старую веру, что позволило ему получить от новых собратьев беспроцентную ссуду. С нее началось ткацкое дело, выросшее в текстильную фабрику. Наследники Федора Алексеевича, ставшего одним из столпов московской раскольнической общины, перешли в единоверие (разрешенное властями ответвление старообрядчества). После пожара, спалившего фабрику, семья чуть не разорилась, но у предприимчивых людей и несчастье оборачивается выгодой. Гучковы первыми в России поняли перспективность страхования от пожаров и занялись новой деятельностью, весьма успешно.

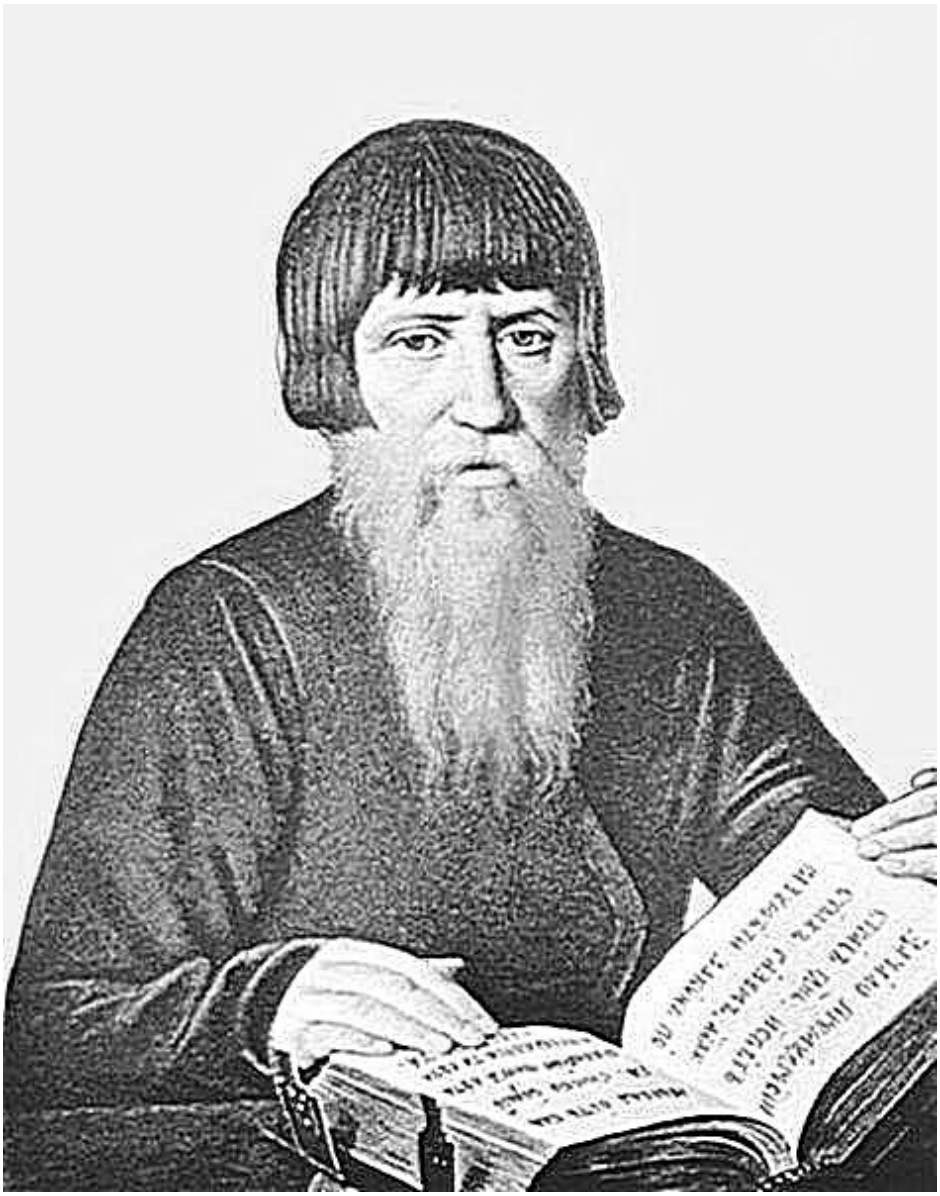
Выходец из этой семьи Александр Гучков в начале двадцатого века станет самым ярким представителем политического крыла российского капитализма.



А.И. Абрикосов



П.И. Губонин



Ф.А. Гучков

Русские предприниматели, первоначально такие разные по образу жизни, привычкам и даже облику, с поразительной скоростью слились в единую социальную группу, в которой уже ко второму поколению трудно было отличить сына аристократа от сына крестьянина. Деловые качества, размер капитала, уровень культуры и образования стали важнее родословной.

У всего этого сословия считалось хорошим тоном заниматься благотворительностью, меценатствовать, поощрять науки и учиться самим. Современный исследователь Г.П. Черников пишет, что к рубежу

XX века в категорию крупной буржуазии попадало примерно 30 тысяч семейств, вообще же, в широком смысле, предпринимательством разного рода и масштаба в России занималось около пяти миллионов человек. В стране с почти стотридцатимиллионным населением этих 4 процентов было явно недостаточно для того, чтобы частные собственники играли определяющую роль в жизни страны.

Гораздо важнее в общественно-политическом смысле была та часть среднего класса, которую стали обозначать термином «интеллигенция», столь же неопределенным, как и границы этой социальной группы.

В самом общем смысле интеллигент – это человек, обладающий более или менее высоким уровнем образования и живущий интересами, выходящими за пределы частной жизни. (Собственно, получение образования почти всегда побуждает людей интересоваться всякими необязательными для непосредственного выживания материями). В социальном отношении к интеллигентскому сословию обычно относили тех, кто жил не физическим, а умственным трудом. Пайпс пишет, что интеллигенция «сильнее и настойчивее в тех странах, где авторитарное правительство сталкивается с восприимчивой к новым идеям образованной элитой». Неудивительно, что контрастный душ, которому подверглась «образованная элита» России в ходе либеральной «оттепели» при Александре II, а затем полицейских «заморозков» при Александре III, придала отечественной интеллигенции особенную закалку.

При этом образованное сообщество было количественно совсем небольшим. По данным, которые приводит В. Лейкина-Свирская, автор исследования об истории российской интеллигенции, в стране на рубеже XX века жило около миллиона людей, в свое время посещавших (но необязательно окончивших) в гимназию. Аттестат о среднем образовании ежегодно получали около 15 тысяч человек. При этом далеко не все, поучившиеся в гимназии или реальном училище, автоматически делались «восприимчивыми к новым идеям».

В пореформенные годы из-за большей доступности образования и, главное, из-за возросшей потребности в квалифицированных специалистах, количество «людей, годных к выполнению функций интеллектуального труда» (выражение Лейкиной-Свирской)

существенно увеличилось. В начале описываемого периода в России насчитывалось 13 тысяч специалистов-гуманитариев, в основном педагогов, и 4,5 тысячи инженеров, агрономов, механиков – то есть всего 17,5 тысяч работников умственного труда. В конце века эта цифра выросла почти впятеро – до 85 тысяч, хотя для огромной страны этого все равно было недостаточно.

Как и буржуазия, интеллигентское сословие пополнялось из нескольких источников. Первоначально это были исключительно дворяне, первые русские интеллигенты времен Новикова и Радищева. В середине девятнадцатого столетия основное пополнение происходило за счет «разночинцев» – прорвавшихся в университеты сыновей священников, мещан, зажиточных крестьян. После 1861 года снова увеличился приток дворян, которые теперь нуждались в образовании и профессии для поддержания привычного уровня жизни.

Из приблизительно миллиона потенциальных российских «интеллигентов», по своим доходам попадавших в социальную категорию «среднего класса», почти половина состояла на казенной службе и, стало быть, напрямую зависела от государства. По подсчетам П. Зайончковского, в империи было 385 тысяч чиновников. Еще 44 тысячи образованных россиян носили офицерские погоны. В этой среде, конечно, тоже имелись люди передовых взглядов, но в силу личных убеждений, а не по классовой потребности.

Общественный запрос на демократические реформы исходил от количественно очень небольшой группы населения, что в конечном итоге и определит исторический путь страны в XX веке.

Общественная жизнь

Государство и Общество

В описываемый период завершился роковой для отечественной истории процесс размежевания между государством и Обществом. Я пишу это слово с заглавной буквы не из почтения, а потому что в российских реалиях «общество» и «Общество» – это совершенно разные понятия. Первое – термин сугубо социальный, обозначающий всё население страны. Но когда в публицистических работах пишут об *общественном мнении*, подразумевается очень небольшая часть народа, идейное и нравственное значение которой в России, однако, было диспропорционально велико.

Обычно имеются в виду люди, *обладавшие мнением* по государственным и общественным вопросам, причем часто не разделявшие официальную идеологию. У подавляющего большинства россиян, придавленных к земле заботами выживания, не было возможности разогнуться и задуматься, почему их жизнь так тяжела и можно ли с этим что-то сделать. Досуг для размышлений имелся только у счастливцев, получивших достаточное образование, читавших книги, а главное избавленных от изнуряющей борьбы за кусок хлеба.

Для формирования Общества требуется еще одно непременное условие: чтобы человека не подвергали немедленным репрессиям за любое оппозиционное высказывание. Впервые такая ситуация возникла при Александре Первом, который хоть и обижался на ворчание в светских салонах, но не пресекал эту фронду полицейскими средствами. В то время, в самом начале века, Общество, собственно, и ограничивалось салонами – счет вольнодумцев шел максимум на сотни.

После наполеоновских войн и массовой «военной экскурсии» в Европу Общество очень расширилось за счет молодого офицерства. Теперь о государственных проблемах рассуждали уже тысячи, и вылилась эта дискуссия в создание «обществ» – в третьем, конспиративном смысле этого слова.

При Николае Первом государство очень старалось раздавить Общество, но это оказалось невозможно. Раз пробудившись, свободная мысль обратно в сон не погружается. Можно заткнуть осмелевшие рты,

но отключить осмелевший мозг нельзя. Вольнодумство переместилось со страниц журналов в частное пространство, распространилось вширь, проникло в провинцию, в новые, в том числе уже и недворянские круги. Все, кто читал Пушкина, Лермонтова, Гоголя, сами того не подозревая, присоединялись к Обществу – таково уж свойство великой русской литературы, заставляющей людей задумываться о больших вопросах.

Эта внутренняя работа, незаметная за фасадом показного единомыслия, дала себя знать, когда во второй половине пятидесятых годов фасад рухнул.

Вдруг выяснилось, что российское Общество существует, что оно громогласно, влиятельно – и малопочтительно к государственным институтам. Никакой формальной власти оно не имело, но постоянно оказывало давление на правительство и на самого самодержца.

Общество было разделено на несколько оппонирующих фракций, представляющих интересы разных групп, и это двойное противостояние – Общества с государством и фракций Общества между собой – было нервом всей российской жизни вплоть до 1917 года.

Ведущую роль в этой дискуссии стало играть интеллигентское сословие, значение которого очень выросло благодаря земскому движению. Куцая реформа местного самоуправления была очень опасна для самодержавного государства, ибо она давала легальную возможность активным представителям Общества применять свои идеи на практике. Значение интеллигентов – земских врачей, учителей, статистиков, агрономов, мировых судей, крестьянских посредников – возвысилось не из-за того, что их идеи вдруг оказались востребованы у простого народа, а просто потому, что эти люди выполняли необходимую работу, и, в общем, выполняли ее хорошо. Во всяком случае земцы сделали для крестьянства гораздо больше, чем народники с их пропагандой.

Цензурные послабления при Александре II дали Обществу трибуну в виде прессы. При абсолютной монополии государства на политическую деятельность российское печатное слово отчасти взяло на себя работу, которую в демократической системе исполняет представительная власть. Возник особый феномен «толстых журналов», которые вообще-то должны были печатать беллетристику,

но помимо художественной литературы обсуждали весь спектр насущных общественно-государственных вопросов – от внешней политики до социологии. Да и художественная литература в русских условиях неминуемо превращалась в нечто большее, подчас совмещая в себе философскую теорию, нравственную проповедь, учебник жизни и политический памфлет.

Поскольку партии были запрещены, сторонники противоборствующих идей объединялись вокруг журналов. В период реформ радикально-прогрессистскую позицию занимал «Современник». Когда после каракозовского покушения журнал закрыли, нишу заняли «Отечественные записки». При Александре III запретили и этот орган, но немедленно появились другие издания, которые продолжили ту же линию. Репрессии лишь повышали цену свободного слова и уважение к нему. Авторы виртуозно владели эзоповым языком, подписчики отлично умели читать между строк.

Существовали и журналы ультраконсервативной, охранительной направленности. Самым влиятельным из них был «Русский вестник» Михаила Каткова, о котором будет рассказано ниже.

Накал журнальных страстей, важность затрагиваемых тем обеспечивали постоянный приток читателей. По развитию прессы можно составить себе представление о разрастании российского Общества. В пятидесятые годы в стране было пятнадцать журналов; в 1885 – уже сто сорок. В пушкинские времена у «Современника» было несколько сотен подписчиков; тираж «Отечественных записок» в семидесятые годы доходил до двадцати тысяч.

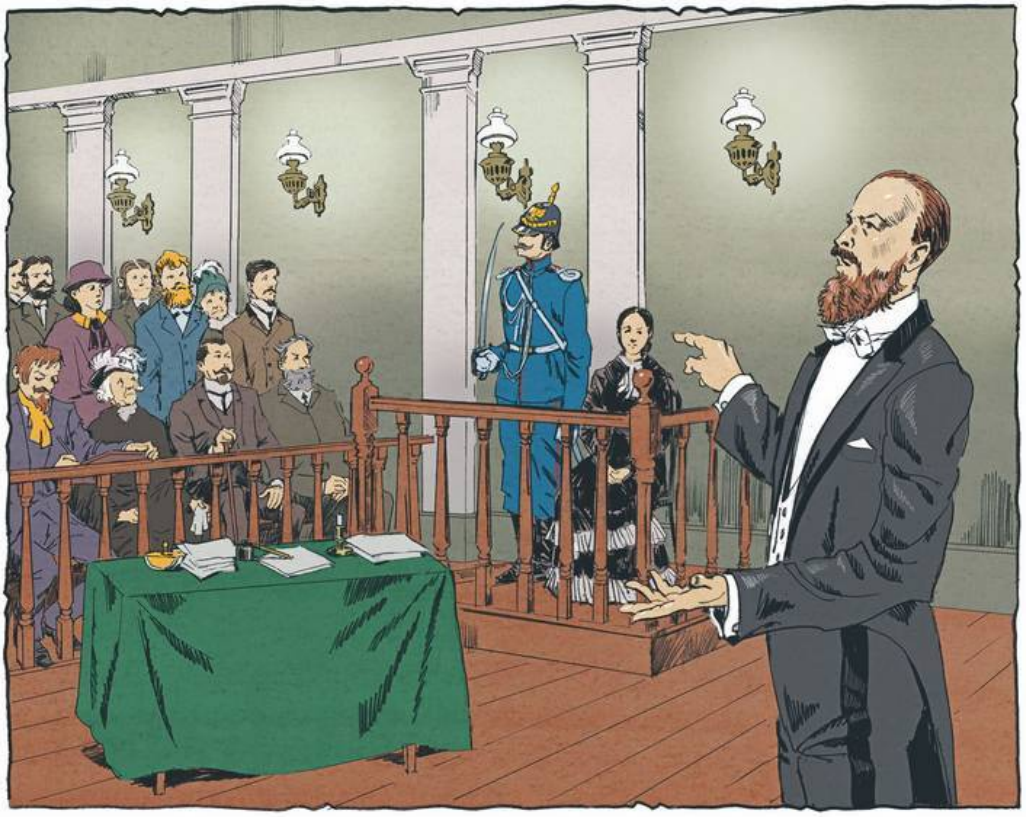
Ежедневные и еженедельные газеты, ведшие ту же дискуссию на новостном и фельетонном уровне, пользовались еще большей популярностью. В начале царствования Александра II, на старте масс-медиального бума, общественно-политических газет, как и журналов, было всего пятнадцать. К концу правления Александра III их было уже девять с лишним тысяч!

Еще одной довольно специфической ареной общественной активности стали судебные процессы. Даже после контрреформ восьмидесятых годов открытость заседаний (во всяком случае неполитических) сохранилась, и, если разбиралось какое-нибудь резонансное дело, публика ходила слушать прения сторон, как в театр. Красноречивые адвокаты становились звездами. Их речи часто

выходили за рамки юридической аргументации, превращались в политические декларации. Фрагменты самых смелых выступлений, не пропущенные цензурой в печать, потом распространялись в списках.

Вот два коротких отрывка, дающие представление о тоне, в котором разговаривали с Обществом российские присяжные поверенные, вызывая рукоплескания.

Знаменитый адвокат Петр Александров, защищая Веру Засулич, тяжело ранившую столичного градоначальника (который, напомню, велел выпороть политзаключенного), горячо говорил присяжным заседателям: «Человек, по своему рождению, воспитанию и образованию чуждый розги; человек, глубоко чувствующий и понимающий все ее позорное и унизительное значение; человек, который по своему образу мыслей, по своим убеждениям и чувствам не мог без сердечного содрогания видеть и слышать исполнение позорной экзекуции над другими, – этот человек сам должен был перенести на собственной коже всеподавляющее действие унизительного наказания! Какое, думала Засулич, мучительное истязание, какое презрительное поругание над всем, что составляет самое существенное достояние развитого человека, и не только развитого, но и всякого, кому не чуждо чувство чести и человеческого достоинства!»



Суд над Верой Засулич. *И. Сакуров*

Как же могли присяжные не оправдать героическую защитницу чести и человеческого достоинства?

Еще более красноречивый Федор Плевако, выступая на процессе рабочих Коншинской фабрики, которые устроили беспорядки и поколотили представителей администрации, тоже не защищался, а атаковал – причем всю систему, вынуждающую пролетариат к нарушению закона: «Толпа – здание, лица – кирпичи. Из одних и тех же кирпичей созидается и храм богу, и тюрьма – жилище отверженных. Пред первым вы склоняете колена, от второй бежите с ужасом. Но разрушьте тюрьму, и кирпичи, оставшиеся целыми от разрушения, могут пойти на храмоздательство, не отражая отталкивающих черт их прошлого назначения… Выйдем из фабрики. Кое-где виднеется церковь, одна-две

школы, а ближе и дальше – десятки кабаков и притонов разгула. Это ли здоровое условие нравственного роста? … Фабрика окружена десятками подвалов с хмельным, все заботы утоляющим вином. Это ли классический путь к душевному оздоровлению рабочего, надорванного всеми внутренностями от бесконечно однообразного служения машине? Пожалеем его!».

Коншинских рабочих в результате осудили, но речь Плевако была в первую очередь адресована Обществу – и оно ее оценило.

Другой примечательной особенностью общественной жизни было на удивление скромное, почти нулевое влияние церкви на умы – и это в стране, которая, казалось бы, придавала столько значения Вере. Административно православная церковь была очень сильна, государство оказывало ей всестороннюю поддержку. Но, несмотря на это, а вернее, именно из-за этого, политическое и нравственное значение господствующей религии было ничтожно. Официальная установка на соединение самодержавия и православия в некое неразрывное целое (третий элемент официальной доктрины, «народность», всегда был скорее декоративным) привела к тому, что церковь превратилась в послушную служанку монархии. Поэтому, если отдельные клирики и участвовали в общественной полемике, то исключительно с охранительных позиций, а если выходили за эти пределы, то церковь исторгала их из своего лона.

В ту эпоху общественно-политические баталии шли по всей Европе, и клерикальные силы принимали в них самое активное участие – повсюду, но только не в России. Православная церковь руководствовалась древним догматом, что «мнение – матерь падения».

В целом можно сказать, что к концу девятнадцатого века российское общество – уже не в узко-политическом, а в широком смысле – подошло в весьма сумбурном состоянии, утратив прежнюю пусть архаичную, но сложившуюся веками и, в общем, удобную для управления пирамидальность и не обретя взамен новой прочной основы. Это была страна-микроцефал, огромное тело которой обладало большой физической силой, с трудом находившей полезное применение, а в несоразмерно маленькой голове теснились самые противоречивые идеи, как прекрасные, так и разрушительные.

Между тремя соснами

С этого времени начинается блуждание России между тремя соснами – тремя идеологиями, которые в разные периоды будут называться по-разному, но в самой своей сути уже не переменятся.

Это, во-первых, охранительно-государственническая линия, в описываемый период неразрывно связанная с самодержавием; во-вторых, либеральная, она же «демократическая»; в-третьих, социалистическая (к концу века преимущественно марксистская).

На самом элементарном, базовом уровне разница между тремя взглядами на правильное устройство общества, пожалуй, определяется различной оценкой людской природы.

«Самодержавники» уваровско-победоносцевского извода внутренне убеждены, что человек изначально низок и склонен к хаосу; что без «твердой руки» он оскотинится и приведет страну к разрушению; что нужно относиться к народу, как к ребенку, и предоставлять ему права и свободы очень осторожно, по мере взросления.

Либералы как правило прекраснодушны. Они верят, что люди внутренне тянутся к добру и, если предоставить им свободу, общество само собой постепенно благоустроится.

Марксисты же вообще не склонны придавать особенное значение личности. По их убеждению, достаточно уравнять людей и установить правильные законы общежития. При твердом, строго контролируемом их соблюдении рай на земле логически неизбежен.

У приверженцев каждой из этих идеологий будет исторический шанс доказать свою правоту, когда они окажутся у власти – и все три потерпят фиаско.

«Самодержавники» приведут государство к краху. Либералы в семнадцатом году смогут продержаться у власти всего несколько месяцев. Марксисты превратят Россию в концлагерь и в конце концов тоже потерпят поражение. Очевидно, правильный путь пролегает где-то между соснами, но он до сих пор так и не найден.

Впрочем с началом реформенной деятельности русское Общество поделилось на три «партии» не сразу.

Первые несколько лет оппонировали друг другу охранители и либералы, причем верховодили последние, занимавшие ключевые

посты в правительстве.

В шестидесятые годы появилась третья сила, революционная, что переменило и усложнило политический ландшафт. Из охранительского лагеря выделилось крайнее крыло, напуганное «побочным эффектом» реформ. Оно выступало против их продолжения и придерживалось националистических взглядов, призывая опираться на «традиционные русские ценности» (которые в значительной степени само и придумало). Деятели этого направления безусловно поддерживали монархию – но не правительство, и, стало быть, являлись частью не государства, а Общества.

До начала восьмидесятых годов «правые» (так называли эту группу влияния) воевали с «левыми» (то есть с либералами) за доминирование в политике. После 1881 года, с падением Лорис-Меликова, военного министра Милютина, великого князя Константина Николаевича, либеральная фракция Общества перестает уповать на государство. Люди этого образа мыслей перемещаются в оппозицию.

Тем временем революционеры окончательно уходят в подполье и в дальнейшем ведут полемику главным образом между собой – кто из них беззаветней и правильней борется за свободу трудового народа. (Этим дискуссиям будет уделено много места в следующем томе).

Правительственная линия при Александре III определялась в борьбе между правыми и крайне правыми. С точки зрения государственников, конец девятнадцатого столетия был «золотым веком России», с точки зрения марксистов – черным «разгулом реакции», с точки зрения либералов – серым победоносцевским безвременьем:

> И не было ни дня, ни ночи
> А только – тень огромных крыл…

Несомненно режим являлся реакционным. Но то была реакция на острый внутриполитический кризис, приведший к цареубийству и потрясший основы государства.

Как уже говорилось, «реакционеры» были неоднородны. Они делились на тех, кто находился у власти (их идейным вождем был Победоносцев), и тех, кто, не занимая высоких постов, воздействовал на государственную политику при помощи печатного слова и лоббирования. В условиях самодержавия последнее означало напрямую

апеллировать к императору. Иногда «лоббисты» получали от верховной власти нагоняй за чрезмерный радикализм и всё же воспринимались ею как «свои» люди, опора престола.

Воззрения прогрессистов и революционеров мы уже рассматривали. Пришло время разобраться в идеологии русских ультраправых, самыми влиятельными представителями которых были два журналиста – Владимир Мещерский (1839–1914) и Михаил Катков (1818–1887).

Князь Мещерский, внук Карамзина, проделал ту же идейную эволюцию, что в свое время его дед: от веры в политический прогресс к твердой убежденности в неприменимости этой европейской химеры для России.

«Условия, при которых Россия объединилась и призвана жить, в отличие от всех других государств земного шара требуют единодержавия, неосуществимого без Самодержавия» – таково было его кредо. Его генеральная идея – как и у всех других «реакционеров» – состояла не в отрицании каких бы то ни было реформ, а в том, что русское общество сначала должно до них «дорасти», всякая поспешность здесь смертельно опасна. Как ни странно, проще и лаконичнее всех эту в общем-то немудрящую концепцию изложил не теоретик, а практик «охранительства» жандармский генерал П. Заварзин: «России нужна прежде всего твердая рука и еще многие годы постепенного развития, прежде чем либеральные учреждения могли бы быть введены в нее без опасности крупных осложнений».

То же самое несколько десятилетий подряд втолковывал Обществу князь Мещерский, как-то не замечая, что «постепенного развития» не происходит, а остается только «твердая рука».

Владимир Мещерский и Михаил Катков

Еще с 1872 года он издавал журнал (впоследствии газету) «Гражданин», которая отстаивала консервативную идеологию во времена, когда сопротивление реформам выглядело одиозно. В одном из первых номеров редактор опубликовал программную статью «Вперед или назад?», где писал: «К реформам основным надо поставить точку, ибо нужна пауза, пауза для того, чтобы дать жизни сложиться, дать жизни создать душу и формы для народного

образования, дать этому народному образованию вырастить людей не колеблющихся и не сомневающихся и дать этим людям создать из себя силы для общества и правительства!» Вопрос о том, какие реформы назрели, а какие нет, безусловно заслуживал серьезной дискуссии по существу, но этот жанр российскому Обществу никогда не давался. Статья вызвала в либеральной печати лишь взрыв негодования, и за Мещерским укрепилось прозвище «Князь Точка».

Впрочем сам он был еще резче и нетерпимее своих оппонентов. Князю всё казалось, что правительство слишком миндальничает, что в его состав затесались латентные либералы, ведущие свою вредительскую деятельность. Нападки «Гражданина» на должностных лиц были столь резкими, что издание 24 раза подвергалось цензурным взысканиям. Однако и «Гражданин», и Мещерский были совершенно непотопляемы, потому что князь состоял в особых, доверительных отношениях с государем. Они дружили с юности. Мещерский писал царю личные письма, кулуарно встречался с ним, даже вел специальный «Дневник», который давал почитать его величеству.

> Общий тон эпистол, адресованных монарху, был таков: «Всемилостивейший Государь! Сейчас получил Ваше драгоценное письмо! Благодарю Вас! Благодарю, благословляя сердце, подвинувшее Вас, благословляя руку, написавшую сии строки. Так светло кругом стало, так облило радостью всю душу, так хорошо стало, что передать и выразить мое счастье не могу, поблагодарил Бога в порыве благодарного умиления!».
>
> В этом сиропе плавали многочисленные советы и рекомендации как теоретического, так и практического свойства.
>
> Например, автор делился с августейшим читателем следующим откровением: «Обедал сегодня с полтавским губернатором Янковским. Он умный человек, бесспорно. Из его рассказов замечателен факт усмирения крестьянского мятежа приказанием *сечь*. После розог, влепленных барабанщиком роты первому говоруну, молодому парню, и он и вся громада крестьян разом смирились. А бунтовали они чуть ли не два года».

> Или вел подкоп под «немца» Бунге, продвигая на пост министра финансов своего человека: «Один очень умный практик-финансист Вышнеградский, обсуждая последние наши внешние займы, высказал мысль весьма остроумную: не лучше ли вместо внешнего займа, когда нужны деньги, поступать казне так: выпустить столько, сколько нужно кредитных билетов, но в то же время ежегодно, и притом с известною торжественностью и в присутствии известных сословных свидетелей и с оповещением всенародным, складывать в особое хранилище в виде обеспечивающего фонда известное количество миллионов рублей золотом».

Император своего конфидента высоко ценил, внимал его советам, а когда у «Гражданина» возникли финансовые трудности, выделил из собственных средств 100 тысяч рублей. В. Ламздорф, будущий министр иностранных дел, пишет в начале девяностых в своем дневнике: «Говорят, что издатель «Гражданина» – самый влиятельный человек, влиятельнее, чем был Катков».

Это звучало весьма внушительно, ибо Михаил Катков считался общественной силой, способной поворачивать государственную политику. (Министра Бунге на «русского человека» Вышнеградского в конце концов сменили главным образом катковскими стараниями). В восьмидесятые годы про Россию говорили, что ею правит триумвират из обер-прокурора Победоносцева, министра внутренних дел Д. Толстого и Каткова, причем германский посол фон Швейниц, очень хорошо ориентировавшийся в петербургских «коридорах власти», писал, что министр внутренних дел – «орудие в руках Каткова».

Этот публицист и издатель, то есть человек сугубо частный, подобно князю Мещерскому, состоял в конфиденциальной переписке с царем, причем вел ее в тоне куда менее подобострастном. Был требователен, настойчив, временами даже забывался. Но авторитет старого патриота в глазах Александра III был очень высок. В 1863 году, когда юный великий князь еще даже не был наследником, Катков возглавил первый мощный демарш русской правой «партии»: развернул общественное мнение против польского восстания, одержав сокрушительную победу над «герценистами».

В первые дни после убийства царя-освободителя Катков писал: «Единая власть и никакой иной власти в стране и стомиллионный, только ей покорный народ, – вот истинное царство». Такая позиция не могла не понравиться новому самодержцу. «Московские ведомости», катковская газета, которую император с удовольствием читал (и на полях которой оставлял одобрительные пометки), излагала в высшей степени похвальные идеи: что самодержавие – единственный способ удержать вместе такую большую и разноукладную страну; что любое развитие «может свершиться только на твердой почве и лишь в той мере, в какой почва тверда»; что потакание Обществу будет воспринято как знак слабости государства; что самодержавие должно укреплять «народность», то есть националистические настроения и благоговение перед личностью государя.

Исходя из «ордынской» логики, Катков был совершенно прав: ослабление любой из несущих опор грозило абсолютизму неминуемым и скорым кризисом. Это вообще был человек очень неглупый, и даже самые непримиримые оппоненты испытывали к нему (в отличие от Мещерского) известное уважение. Его издательская деятельность не ограничивалась политической журналистикой. Катковский литературный ежемесячник «Русский вестник» печатал Тургенева, Салтыкова-Щедрина, Достоевского, Толстого. «Война и мир», «Анна Каренина», «Преступление и наказание», «Идиот», «Братья Карамазовы» – чуть не весь «золотой фонд» отечественной классики, вышел в свет благодаря Каткову.

Отнюдь не царедворец и неважный интриган, Катков был слишком прямолинеен и самостоятелен, по всякому поводу высказывал собственное мнение и вмешивался во все аспекты государственной жизни, даже во внешнюю политику. Он долго пытался избавиться, вслед за Бунге, и от второго правительственного «немца», министра иностранных дел Гирса, но этот орешек оказался старику не по зубам. В конце концов, воспользовавшись очередной бестактностью «Московских ведомостей», осложнившей и без того нервные российско-германские отношения, Гирс сумел настроить царя против слишком ретивого патриота. «Катков забывается и играет роль какого-то диктатора, забывая, что внешняя политика зависит от меня и что я отвечаю за ее последствия, а не г-н Катков», – гневно написал Александр. Гирс сохранил свой пост, а Катков вскоре после этой

отповеди скончался. Со смертью основателя политическое значение «Московских ведомостей» сошло на нет.

Следует сказать, что и в целом, несмотря на поддержку власти, «правая идеология» особенных успехов на общественном уровне не добилась. В конце девяностых годов образованная публика сочувствует не проправительственным пропагандистам, а оппозиционным литераторам, публицистам, адвокатам. И чем жестче действует репрессивный аппарат, тем сильней левеет Общество, в котором становится все больше приверженцев марксизма.

Как известно, революция сначала происходит в головах. Этот процесс «твердая власть» остановить не умела и не смогла. В эпоху Александра III самодержавная политика одержала решительную победу, а самодержавная идеология потерпела сокрушительное поражение.

По-настоящему великая держава

Величие – *настоящее* величие – той или иной страны определяется не размерами и не завоеваниями, а теми достижениями, которыми данное исторически сложившееся сообщество обогатило Землю: культурными, научными, общественными. С этой точки зрения Россия становится по-настоящему великой державой не при Петре Первом, создавшем империю, и не при Александре Первом, победившем Наполеона, а при правителях не особенно ярких – Александре Втором и Александре Третьем. Потому что во второй половине девятнадцатого века русская культура и русская наука обретают мировое значение.

В первую очередь это относится к литературе. На самом деле она стала великой несколькими десятилетиями ранее, когда творили Пушкин, Лермонтов и Гоголь, но это было явление скорее внутреннего значения. Для иностранного читателя три эти автора никогда не станут своими, и в «высшую лигу» интернациональной литературы, к нашему сожалению, они не войдут. Иное дело – Достоевский, Толстой и Чехов, без которых мировая литература сегодня непредставима.

То же можно сказать о музыке. Глинка или Даргомыжский – события национального масштаба. Чайковский и Мусоргский –

мирового.

Изобразительное искусство, правда, развивалось медленнее. «Передвижники» второй половины девятнадцатого века за пределами России были не более прославлены, чем Брюллов или Кипренский. Передовым краем изобразительного искусства в то время была Франция, но очень скоро, в начале следующего века, мир поразит новаторством и русская живопись.

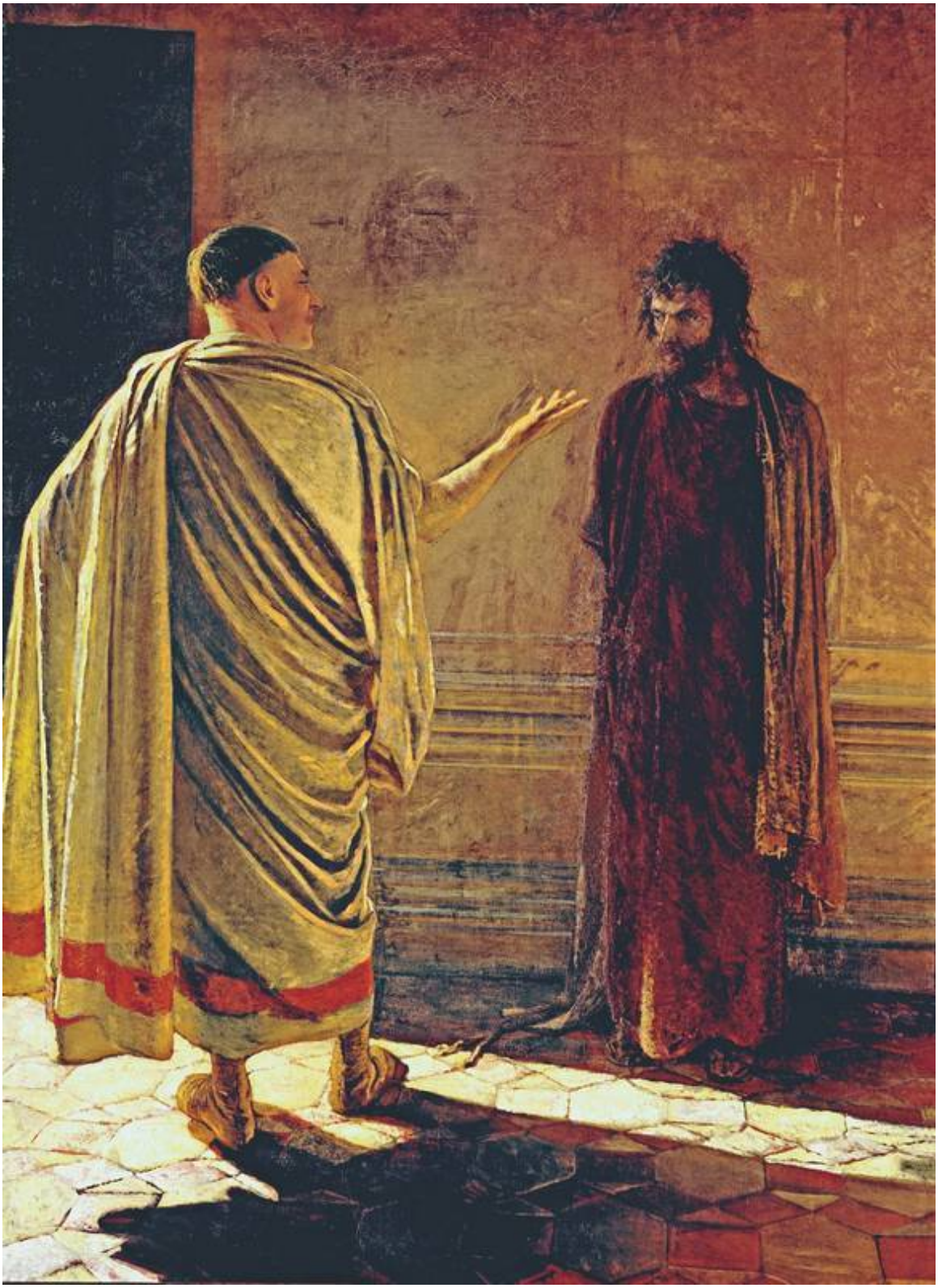
Впрочем, признание за рубежом – приятный, но отнюдь не главный фактор, по которому следует оценивать культурный феномен, если нас занимает не история искусства, а история общества и государства. Здесь совсем другой счет.

Скажем, для мировой литературы труднопереводимые сочинения Салтыкова-Щедрина мало что значат, но для пореформенной России они были спасительной прививкой от казенной фальши и от пресловутых «совиных крыл», глотком свежего воздуха. На выставки «передвижников» ходили, чтобы восхититься не артистической смелостью (как в Париже на импрессионистов), а чтобы отдать должное гражданской смелости художников. В несвободной стране тематика картин была важнее поиска новых форм.

Отлично понимала это и власть, цензурировавшая живопись почти с такой же строгостью, как печатное слово.

> И государство, и официальная церковь легко оскорблялись, если усматривали в сюжете что-то предосудительное.
>
> Александр III, например, обиделся на работу Ильи Репина «Иван Грозный и сын его Иван», более известную под названием «Иван Грозный убивает своего сына». Нельзя изображать самодержца, даже старинного, в таком неприглядном свете – от этого страдает сакральность царской власти.
>
> Церковные власти запретили эскпонировать «Палестинский цикл» Василия Верещагина, где Иисус и Святое Семейство были изображены без подобающего благоговения.
>
> В 1890 году по той же причине была снята с выставки картина Николая Ге «Что есть истина?». Очень уж неканоничен на ней был Спаситель.

Сверху почти насильственно насаждался «патриотический дух». На казенном уровне это часто принимало уродливые формы, но для культуры «заказ сверху» на национальную тематику имел и свои положительные стороны. В архитектуре, живописи, музыке возник так называемый «русский стиль», создавший немало художественных шедевров. Особенно ярко это проявилось в опере – по той простой причине, что Александр III был музыкален и лично покровительствовал этому жанру искусства. Театры желали ставить произведения на темы отечественной истории, композиторы заказ исполняли, поэтому на мировой сцене до сих пор идут оперные постановки, воскрешающие всякие малозначительные эпизоды из русского прошлого: неудачный поход мелкого феодала против половцев («Князь Игорь» Бородина), стрелецкий путч семнадцатого века («Хованщина» Мусоргского), любовные приключения скучающего помещика 1820-х годов («Евгений Онегин» Чайковского).



Что есть истина?. *Н. Ге*

Но направление, в котором двигалась культура, зависело не только от ветров, дувших сверху. С появлением крупных частных состояний в России возникает мода на меценатство. Вероятно, вначале капиталисты из вчерашних купцов и крестьян, покровительствуя искусству, стремились повысить свой социальный статус, войти в «хорошее общество», но некоторые из них научились разбираться в искусстве и стали его двигателями.

Еще в шестидесятые годы главным музыкальным спонсором России была великая княгиня Елена Павловна, причастная к учреждению российских консерваторий и филармоний. Но первую частную оперную труппу основал уже разбогатевший плебей Савва Мамонтов, а великого Чайковского много лет содержала жена железнодорожного дельца Надежда фон Мекк.

На развитие изобразительного искусства сильно действовали вкусы бумажного магната Павла Третьякова, страстного коллекционера. Художники, чьи работы он покупал, входили в моду. Свое собрание Третьяков открыл для публики, а потом передал в наследство Москве. Уже в девяностые годы галерею ежегодно посещали 150 тысяч человек – и проникались третьяковскими вкусами. Они были небезупречны. Коллекция началась с невыдающейся картины Н. Шильдера «Стычка с финляндскими контрабандистами», да и в дальнейшем Павел Михайлович отдавал предпочтение «жизненной правде» (чем отчасти объясняется долгая жизнь русского критического реализма). Но скоро появятся коллекционеры с отменным чутьем на передовое искусство – Иван Морозов, Сергей Щукин, которые будут влиять уже не только на русскую, но и на мировую живопись.

Стычка с финляндскими контрабандистами. *Н. Шильдер*
Скромное начало великой коллекции

И все же самое сильное влияние на общественную жизнь – как ни в одной другой стране – оказывала литература. На первый взгляд это может показаться парадоксом, ведь ей приходилось существовать в условиях жесткой цензуры, которой не было в Европе.

Почему именно художественная проза обрела столь большое значение, распространявшееся далеко за пределы культуры?

Причин две.

Первая, собственно, случайна – она уже упоминалась в томе, посвященном истории восемнадцатого века. Екатерина Великая, первая из российских правительниц, кто всерьез интересовался культурой, мнила себя писательницей и придала литературному сочинительству престижность. Русские дворяне кинулись писать, и несколько десятилетий спустя отечественная словесность, пройдя через детский возраст, породила целую плеяду талантов, самым ярким из которых был Пушкин.

Второй причиной, уже не случайной, а типически российской, как раз и были цензурные строгости. Зорко следя за распространением вольнодумных идей, государство не позволяло развиваться философии, социологии, политологии, а за беллетристикой как жанром несерьезным наблюдало менее внимательно. В результате прозаики – те, у кого была такая потребность – становились философами, социологами, политологами, экономистами, и русская литература приучилась ощущать себя «больше, чем литературой». Это придало ей масштаб, значительность, универсальность. Люди читали новый роман Тургенева, Достоевского, Толстого, Салтыкова-Щедрина – да и писателей второго ряда, какого-нибудь Каткова или Боборыкина – не чтобы увлечься «волшебным вымыслом», а чтобы найти ответ на важные вопросы общественной жизни.

> Даже во времена Просвещения фигуры Вольтера или Руссо не имели в Европе такого значения, какое обрел Лев Толстой в России конца девятнадцатого века. И публике, и самому писателю стали тесны рамки литературы. Толстовство превращается в целое этико-религиозное учение, основанное на непротивленчестве, пацифизме, отрицании государства, «опрощении». Самодержавному государству не нравилось, что его отрицают, правящую церковь нервировал пересмотр христианских норм, а неприятнее всего была растущая популярность толстовских идей. Возникали целые общины, жившие по заветам яснополянского старца. Молодые люди отказывались служить в армии. Пропагандируемое Толстым вегетарианство – по мнению тогдашней медицины – наносило вред здоровью.
>
> С 1882 года Лев Николаевич находился под надзором полиции, вся его переписка перлюстрировалась, «толстовцев» арестовывали, но самого писателя не трогали – не в последнюю очередь из-за того, что сам царь был поклонником его таланта. «Надо было бы положить конец этому безобразию Л. Толстого, он чисто нигилист и безбожник», – сетовал Александр III – и терпел.
>
> За титаническим противостоянием самодержавия и романиста почтительно наблюдал весь мир, для которого с

тех пор Толстой стал архетипическим Русским Писателем, фигурой не сугубо литературного, а общественного значения.

«Два царя». Карикатура из французского журнала – правда, на ней Толстой изображен уже со следующим императором, Николаем II

Точно так же, как мировую литературу уже невозможно вообразить без «Войны и мира», современную химию нельзя представить без «Периодической таблицы» Дмитрия Менделеева.

Как уже говорилось, завзятый реакционер Дмитрий Толстой в свою бытность министром просвещения многое сделал для превращения российских университетов в серьезные учебно-исследовательские центры. Страх перед европейским образованием, «развращающим умы» русских студентов и молодых ученых, в итоге пошел на пользу отечественной высшей школе и науке. Государство щедро финансировало лаборатории и изыскания, открывало новые учебные заведения. При министерствах и ведомствах возникали ученые комитеты, появились профильные научные организации: Русское физическое общество, Русское астрономическое общество, Русское химическое общество, Русское техническое общество и так далее – всего более трехсот. Выходило множество научных периодических изданий. В девяностые годы их счет тоже шел на сотни.

Появились русские ученые с мировым именем. Кроме уже упомянутого Менделеева в химии прославился А. Бутлеров; в физике – изобретатель дуговой лампы П. Яблочков и А. Попов, разработавший радиосвязь параллельно с итальянцем Г. Маркони; в биологии – И. Мечников (правда, работавший во Франции), И. Павлов, К. Тимирязев.

Дело было не только в том, что государство поощряло развитие отечественной науки. Этого же требовала промышленность, нуждавшаяся в новых изобретениях и технологиях, в ученых и специалистах.

Если в прежние времена, начиная с эпохи Петра Великого, с империей в мире считались главным образом из-за ее военной мощи, то теперь Россия заняла важное место не только на политической карте, но и в культуре, науке, искусстве.

И это, наверное, самый главный, во всяком случае самый позитивный итог описываемого периода.

Заключение. Цена победы

Девятнадцатый век завершался для России если не триумфально, то по меньшей мере благополучно – такова была внешняя видимость.

За время второго и третьего Александров империя приросла обширными территориями на юге и на востоке. Очаги вооруженного сопротивления на Кавказе и в Польше были окончательно подавлены силой оружия.

Внутренние враги государства, революционеры, после упорной, кровавой борьбы были истреблены, а новая их генерация, казалось, притихла и находилась под бдительным присмотром мощной полиции.

Отмена крепостного права, государственное стимулирование, иностранные инвестиции позволили осуществить промышленную революцию, которая совершенно преобразовала российскую экономику.

Стремительно развивались национальная культура и наука, что создавало новый, более привлекательный образ России. Теперь в глазах Европы это была уже не полуазиатская империя, с которой приходится считаться только потому, что у нее большая армия, а один из центров мировой цивилизации.

Но все эти события не передают главного смысла и содержания эпохи, ибо главное в том или ином историческом периоде – то, что определяет дальнейшую судьбу страны, и то, из чего можно извлечь полезные уроки.

Тут картина получается иной.

Эта эпоха интересна для нас, живущих сегодня, прежде всего тем, что она демонстрирует плюсы и минусы двух концепций управления Россией: «мягкой» и «жесткой», трудности балансирования между Свободой и Порядком.

Либеральные реформы Александра II – первый в отечественной истории крупномасштабный эксперимент «революции сверху». Крымская война показала, что в индустриальном мире, двигателем которого является частный капитал, по-старому, как при Николае I, жить больше нельзя. «Ручное управление» больше не работает, нужно включать иные механизмы.

Но «революция сверху» – чрезвычайно рискованное мероприятие, которое почти всегда оборачивается против его инициаторов, особенно

если они не осознают всех рисков. В условиях же российского государства, державшегося на четырех «ордынских» опорах – сверхцентрализации власти, условности законов, сакральности государства и обожествлении фигуры государя, – любое движение к свободе расшатывало эту архаичную, но прочную конструкцию. Введение даже слабых начал местного самоуправления породило сомнение в пользе административной «вертикали», гласность неминуемо вылилась в подрыв пиетета перед правительством, введение независимых судов подорвало монополию государства на власть.

События шестидесятых и семидесятых годов XIX века показывают, что либеральные реформы в «ордынском» государстве не работают. Это путь тупиковый и опасный, который ведет к политическому кризису и взрыву. Пробудившееся общество всё время требует больше полномочий, власть ослабевает, перестает удерживать огромную страну, и начинается распад государства.

Есть только два способа избежать этого трагического поворота: либо вовсе отказаться от «ордынского» принципа, построив государство на ином, децентрализованном фундаменте (об этом никто всерьез не помышлял), либо спешно восстанавливать пошатнувшиеся опоры.

Трудно винить Александра III в том, что после ужасной смерти отца он пошел по второму пути.

Итоги этого недлинного царствования показали, что политика «закручивания гаек» действительно способна спасти зашатавшееся государство от развала. В 1894 году, когда государя не стало, Россия выглядела несравненно прочнее и стабильнее, чем тринадцать лет назад.

Но именно что «выглядела». Следующий император, послушно продолживший курс Александра III, через несколько лет столкнется с тяжелейшими побочными эффектами «консервативной терапии»: с новым, еще более свирепым взрывом терроризма и с военным поражением – да не в борьбе со всей Европой, как при Николае I, а в столкновении со сравнительно небольшой азиатской страной.

Впрочем здесь мы забегаем вперед. Повторю, что в 1894 году правящей элите представлялось бесспорным, что для России охранительный курс Александра III подходит больше либерального.

Однако в это время происходили внутренние процессы, которые предвещали бурю масштаба, не сопоставимого с народовольческим движением.

Во-первых, возникает непримиримая конфронтация между государством и Обществом, а это значит, что борьбу за сердца и умы режим проигрывает.

Во-вторых, пока на страницах подцензурной печати скрещивают копья либеральные реформаторы и реакционные контрреформаторы, в недрах быстро растущего рабочего класса набирает силу «третья идеология» – коммунистическая. Не пройдет четверти века, и она победит. Последствия для страны будут драматическими.

В этой связи самый главный вопрос, который встает перед нами сто с лишним лет спустя: можно ли было эту трагедию предотвратить?

Революцию – вряд ли. Глобальный кризис 1914–1918 годов разрушил все так называемые «сильные» монархии, которые оказались не приспособленными к реалиям XX века. И первой развалилась самодержавная российская.

Поэтому вопрос следует сформулировать иначе.

Революции бывают разной разрушительной силы. Неизбежна ли в России была именно коммунистическая революция, которая уничтожила старый мир «до основанья», а затем создала новую диктатуру, в сто раз хуже прежней?

И, если посмотреть с этого ракурса, политический курс Александра III предстает в совсем не радужном свете.

Консервативное правительство занималось консервацией прежде всего существующей социальной структуры, видя в нарушении сословных перегородок главную опасность для стабильности. По сути дела такая политика была направлена против формирования среднего класса, доступ в который ограничивался для низших слоев при помощи специально учрежденных препятствий. К ним относились сложность получения образования («циркуляр о кухаркиных детях») и – для крестьян – привязанность к общине. Это была осознанная установка на то, чтобы средний класс развивался помедленней, не набирал слишком большой силы.

С одной стороны, правительство абсолютно справедливо боялось укрепления среднего класса, который неминуемо потребовал бы участия в государственной жизни, как это ранее произошло в

европейских странах. Любая представительная власть означала бы ущемление самодержавия и в конечном итоге его свержение, то есть революцию.

Но буржуазно-демократическая революция и революция пролетарская – потрясения совершенно разного калибра. Средний класс немыслим без частной собственности, поэтому если бы он к 1917 году составлял большинство, всё, вероятно, закончилось бы февралем. Россия продолжила бы существовать в виде демократической республики и обошлась бы без гражданской войны, без тоталитарного режима. Однако к моменту падения монархии процент населения, жизненно заинтересованного в демократической форме существования, был слишком мал, и власть перейдет к правителям иного толка.

В совсем «сухом остатке» историческая роль Александра III сводится к тому, что этот государственный деятель успешно справился с «либеральной угрозой», продлив жизнь самодержавия, но при этом вырыл монархии еще более глубокую яму, куда Россия меньше чем через четверть века и провалится.

Следующий царь будет метаться между курсом отца и курсом деда, повторяя ошибки того и другого. Но это уже тема следующего тома.

---

notes

Примечания

1

В предыдущих томах было подробно объяснено, что российское государство, созданное в XV веке Иваном III, подражало единственному образцу, хорошо известному тогдашним русским, – чингисхановской модели управления, которая зиждилась на четырех несущих опорах: гиперцентрализации; обожествлении государства как высшей ценности; вытекающей отсюда сакральности государя; условном и подчиненном статусе законов. Как бы ни менялся фасад российского государства, «ордынская» платформа всегда сохранялась или же неукоснительно восстанавливалась.